

Нина Б. Мечковская

**Белорусский язык:
Социолингвистические очерки**

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

N.B. Mekovskaja - 9783954794638

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 02:11:01AM

via free access

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Begründet von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof
Herausgegeben von
Gerd Freidhof, Peter Kosta, Holger Kuße
und Franz Schindler

Band 138

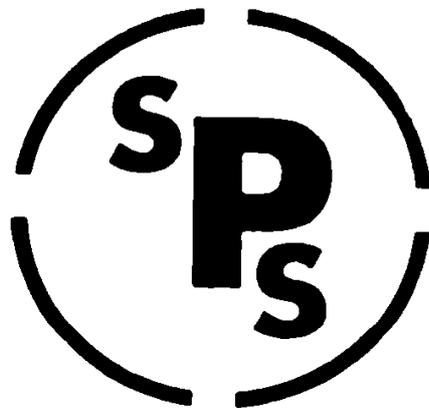
Нина Б. Мечковская

Белорусский язык: Социолингвистические очерки

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

2003

Die bereits früher veröffentlichten Teile des Bandes werden mit freundlicher Genehmigung der zuständigen Verlage und Herausgeber nachgedruckt oder wurden neu bearbeitet.

Verlag Otto Sagner, München 2003.
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Völker und Ritter GmbH, Marburg/Lahn.

ISBN 3-87690-848-5
ISSN 0170-1320

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга *Белорусский язык: Социолингвистические очерки* включает ряд работ автора, опубликованных в 1992-2002 гг. в лингвистической периодике Германии, Австрии, Польши, Новой Зеландии, а также в международном журнале *Russian Linguistics*. В совокупности статьи дают картину языковых проблем в Беларуси: анализ этноязыковых тенденций последнего десятилетия, ряд исторических экскурсов и оценки перспектив развития белорусской ситуации.

Известно, как быстро устаревают или теряют актуальность социолингвистические исследования, особенно в своих выводах и методах, не говоря о прогнозах. Однако с течением времени социолингвистические публикации прежних лет могут прочитываться по-новому - как документы эпохи или свидетельства очевидцев, то есть, в качестве исторических источников. Цени документальность, автор воздерживается от модернизации воспроизводимых статей: в них нет изменения характеристик и оценок (по сравнению с первой публикацией); проведенное редактирование было минимальным; главным образом, устранялись повторы. Однако перемены последних 10 лет побудили меня написать постскриптум к статье 1992 г. (о последних советских законах о языке), а в статьях 1994 и 1998 гг. привести в подстрочных примечаниях некоторые новые важные факты (датируя время этих добавлений) и написать заключительную статью о тех тенденциях в белорусской языковой ситуации, которые возникли или отчетливо проявились в последнее время.

По прошествии нескольких лет после первых публикаций ряда статей сборника для меня вполне очевидна их полемичность, вплоть до горячности (и это при том, что я всегда видела себя не пристрастным "участником" процесса, а только "наблюдателем", занятым выяснением объективной картины). Разумеется, полемичность и внутреннюю пристрастность статей не устранить: это делает в своих работах другой автор, для которого мои заметки окажутся "сырьем" и "документами эпохи".

Статьи сборника расположены по хронологии их выхода в свет, что позволяет видеть развитие белорусской языковой ситуации. По сравнению с работами 1990-1994 гг. мое сегодняшнее видение языковых проблем Беларуси изменилось. До избрания Александра Лукашенко президентом Беларуси (1994), когда белорусское возрождение было на подъеме, основная коллизия, связанная с двуязычием Беларуси, состояла в поспешной формально-бюрократической белорусизации школы. После 1994 г. государственная политика белорусизации была фактически свернута; активная защита белорусского языка стала восприниматься обществом как оппозиционная деятельность; национальное движение в целом сузилось и одновременно радикализировалось.

Однако время работает на суверенитет Беларуси. Становится все более очевидным, что белорусский язык не является условием существования белорусского народа и белорусского государства. При этом национальное сознание и суверенитет Беларуси укрепляются - просто как следствие жизни народа в отдельном государстве.

Заключая предисловие, хочу выразить свою глубокую признательность немецким славистам, помогшим этой книге увидеть свет, - профессору Хельмуту Яхнову и профессору Герду Фрайдхофу.

Минск,
Белорусский
государственный университет

Нина Мечковская

25 марта 2003 г.

Содержание

Предисловие	III
Содержание	V
1. Статус и функции русского языка в последних советских законах о языке (1992)	1
1.0. Введение. Хронология принятия законов	1
1.1. Административно-территориальная иерархия языков в Конституциях СССР	3
1.2. Ранги языков в законе СССР <i>О языках народов СССР</i> 1990 г. ...	7
1.3. Статус русского языка в республиканских законах о языках	8
1.4. Отношение законов к двуязычию	10
1.5. Русский язык в частной жизни	12
1.6. Языки в сфере образования	13
1.7. Русский язык в документах и визуальной информации	14
1.8. Коллизии республиканских и союзного законов о языке	16
1.9. Заключение [март 1991г.]	18
1.10. Постскрипtum 2003 г.	19
2. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия (1994)	21
2.0. Второе белорусское возрождение	21
2.1. Исторический экскурс: Беларусь в тени польской и русской культур	22
2.2. Кто ответствен за денационализацию белорусов ?	27
2.3. Современная этноязыковая ситуация в Беларуси	29
2.4. Своеобразие этноязыкового самосознания белорусов	33
2.5. Белорусско-русское языковое взаимодействие	37
2.6. Национальный романтизм и языковая практика	43
3. Зачем одному народу две азбуки? (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения) (1998)	47
3.1. Письмо как элемент культурно-религиозной геральдики народа	47
3.2. Алфавитная раздвоенность в ряду факторов, затруднявших национальную консолидацию белорусов	48
3.3. Время появления кириллицы, гражданки и латинки в белорусском письме	49
3.4. Графика и языки белорусских изданий 1801-1917 гг.	49
3.5. В XIX в. белорусское свободолобие предпочитало латинку	50
3.6. Для царской цензуры белорусская латинка была страшнее, чем белорусский язык	55
3.7. Шрифты “Нашаніўскага адраджэння”: латинка зачинателей, параллельные издания, кириллический выбор подписчиков	57
3.8. Как уменьшали “русскость” белорусской гражданки и “польскость” белорусской латинки	58
3.9. Уроки двух азбук и новые споры о буквах	61

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине: социальные и лингвистические факторы сходств и различий (1999)	63
4.1. Природа общности	63
4.2. Истоки различий, объясняющие, почему в Беларуси национальное движение слабее, чем в Украине	71
4.3. Консолидирующее преимущество белорусской ситуации: бóльшая этноязыковая однородность Беларуси (в сравнении с Украиной)	83
4.4. Ряд следствий, значимых для национального возрождения в Беларуси: особенности белорусского этноязыкового самосознания	87
4.5. Украинские и белорусские прогнозы в 1998 г.	91
5. Винцент Дунин-Марцинкевич не был автором водевиля <i>Пинская шляхта</i> (2000)	93
5.1. Хронология и разбор известий о <i>Пинской шляхте</i>	93
5.2. Текст водевиля "пінчуцкай гаворкай" и его вариант, "выпраўлены на беларускі лад"	100
5.3. <i>Пинская шляхта</i> и <i>Залёты</i> : различия в художественных принципах письма	101
5.4. Кто мог написать <i>Пинскую шляхту</i> ?	106
6. Чем белорусы отличаются от русских? (2002)	107
7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в. Новые черты. Момент истины о белорусском суверенитете летом 2002 г.	126
7.1. Нарастающее сужение коммуникации на белорусском языке после референдума 1995 г.	126
7.2. Национально-языковой символизм как главная функция современного литературного белорусского языка	128
7.3. Углубление конкуренции двух узусов литературного языка (<i>тарашкевіца</i> и <i>наркомаўка</i>)	131
7.4. Новые функции смешения языков и языковых вариантов в публичной речи	136
7.5. <i>Беларусь никогда не станет 90-м субъектом Российской Федерации</i> (президент Лукашенко)	139
Цитированные источники и литература	144
Именной указатель	152
Указатель таблиц	156

1. СТАТУС И ФУНКЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЫХ СОВЕТСКИХ ЗАКОНАХ О ЯЗЫКЕ*

1.0. ВВЕДЕНИЕ. ХРОНОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ

В 1989-1990 гг. Верховные Советы одиннадцати союзных республик приняли законы, согласно которым язык народа, именем которого названа соответствующая республика, получает статус государственного языка.

Хронология принятия и официальной публикации законов такова:

- 18.01.1989 - Закон Эстонской ССР "О языке", *Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР*, 1989, 5, 89-95.
- 25.01.1989 - Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР "Об употреблении государственного языка Литовской ССР", *Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР*, 1989, 4, 99-101.
- 05.05.1989 - Закон Латвийской ССР "О языках", *Советская Латвия*, 1989, 7 мая [Соответствующий выпуск *Ведомостей Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР* оказался мне не доступен. - Н.М.].
- 22.07.1989 - Закон Таджикской ССР "О языке", *Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР*, 1989, 15, 30-36.
- 01.09.1989 - Закон Молдавской ССР "О функционировании языков на территории Молдавской ССР", *Ведомости Верховного Совета и Правительства Молдавской ССР*, 1989, 9, 773-779.
- 22.09.1989 - Закон Казахской ССР "О языках Казахской ССР", *Ведомости Верховного Совета Казахской ССР*, 1989, 40-41, 58-64.
- 23.09.1989 - Закон Киргизской ССР "О государственном языке Киргизской ССР", *Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР*, 1989, 17, 547-553.
- 23.10.1989 - Закон Узбекской ССР "О государственном языке Узбекской ССР", *Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР*, 1989, 26-28, 149-153.
- 28.10.1989 - Закон Украинской ССР "О языках в Украинской ССР", *Приложение к Ведомостям Верховного Совета Украинской ССР*, 1989, 45, 59-67.

* Впервые напечатано в журнале *Russian Linguistics* (vol. 16, 1992, 79-95). В настоящем сборнике статья публикуется с любезного разрешения *Kluwer Academic Publishers*.

1. Статус и функции русского языка

26.01.1990 - Закон Белорусской ССР "О языках в Белорусской ССР", *Собрание законов Белорусской ССР*, 1990, 4, 36-47.

24.05.1990 - Закон Туркменской ССР "О языке", *Ведомости Верховного Совета Туркменской ССР*, 1990, 10, 169-176.

Законы были опубликованы также в республиканских газетах. Далее законы цитируются по названным источникам с указанием статей.

Статьи о государственном статусе национального языка были впервые включены в конституции названных выше союзных республик. Были приняты также постановления Верховных Советов о порядке введения в действие законов о языке, предусматривающие постепенность введения отдельных статей законов. В ряде республик разработаны программы реализации закона о языке, созданы общества защиты родного языка, провозглашены праздничные «Дни языка» и т.п. В Эстонии и Латвии были выработаны положения об уровнях владения национальным языком и требованиях в части владения государственным языком, предъявляемых к различным категориям работников. В законах о языке отразились не только тревога национальной общественности за судьбу своего языка в условиях прогрессирующей русификации, но и стремление (в разной мере отчетливое и готовое к действию) к реальной национальной государственности. В сравнении с трафаретными конституциями союзных республик 1978 г. (отличавшимися в основном топонимами), законы о языке в определенной мере различны - в той мере, в какой несхожи языковые ситуации в республиках, сила их движения к суверенитету, глубина общедемократических процессов и культурных традиций. Принятые законы в разной мере реалистичны и в разной мере окажутся эффективными¹.

24 апреля 1990 г. Верховный Совет Союза ССР принял подписанный Президентом закон *О языках народов СССР*, в котором правовой статус русского языка определяется как *официальный язык СССР* (см. *Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*, 1990, 19, 421-428). В законе

¹ Прогнозы действенности законов о языках также различны. В еженедельнике *Літаратура і мастацтва* (Минск) подборку материалов о принятии белорусского закона о языке объединял подзаголовок: "С принятием этого исторического акта начинается новый этап национального возрождения" (1990, 02.02). В то же время Народный писатель Беларуси Василь Быкаў говорит об "агонии национального языка" и называет белорусские акты о языке "бумажными законами и имитацией бюрократической активности" (*Літаратура і мастацтва*, 1991, 01.03; перевод с белорусского).

сформулированы принципы государственного регулирования взаимоотношений между языками народов СССР и названы основные функции официального языка СССР. В истории советского права это первый специальный закон, призванный определить правовые основы выбора и использования языков в многоязычном государстве.

Проблематика настоящей работы ограничена сопоставлением правовых норм, определяющих статус и ряд ключевых функций только русского языка, однако, в силу отношений частично дополнительного распределения национального и русского языков, такой анализ значим для общей характеристики языковой ситуации в отдельных республиках и республиканских законов о языке.

1.1. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ ЯЗЫКОВ В КОНСТИТУЦИЯХ СССР

До принятия законов о языке 1989-1990 гг. статусом государственного языка обладали азербайджанский, армянский, грузинский, а также абхазский языки (см. Конституции 1978 г. Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР и Абхазской АССР). Армянский язык был объявлен государственным по декрету Ревкома Армении 1920 г. Декрет Закавказского Центрального Исполнительного Комитета "О языке государственных учреждений ЗСФСР" 1924 г. назвал государственными языками Закавказской республики армянский, грузинский и тюркский. Позже, при преобразовании Закавказской СФСР в Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую ССР, соответствующие языки сохранили статус государственного. По Конституции Туркменской ССР 1925 г., статус государственного языка республики имели туркменский и русский языки. (Извлечения из советских законодательных актов о языке 1917-1926 гг. приведены в приложении к работе Дурденевский 1927).

В Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 гг. отсутствуют статьи, определяющие статус того или иного языка. Упоминание и определенные характеристики языков содержатся в статьях о языке документации и/или судопроизводства. В Конституции 1924 г. шесть языков, на которых предписано публиковать законодательные акты центра, получают одинаковую демографическую характеристику: "Декреты и постановления ЦИК`а, его Президиума

1. Статус и функции русского языка

и СНК Союза ССР печатаются на языках, общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюрко-татарский)" (статья 34)². В Конституции 1936 г. в главе "Суд и прокуратура" (ст. 110) перечислены ранги тех языков, на которых ведется судопроизводство, и таким образом устанавливалась административно-территориальная иерархия языков:

- I - язык союзной республики
- II - язык автономной республики
- III - язык автономной области

В Конституции 1977 г. добавлен IV ранг языков, на которых ведется судопроизводство, - язык автономного округа (ст. 159). Содержащаяся в Конституции иерархия языков соответствовала национально-территориальной организации государственной власти. При этом реальные социолингвистические характеристики языков одного административного ранга могли быть существенно различны - достаточно сравнить, например, социально-культурные функции разных языков высшего ранга (т.е. языков союзных республик): с одной стороны, эстонского или армянского, а с другой, - белорусского, на котором, в частности, издание литературы для вузов в последние десятилетия ограничивалось учебными пособиями для филологов.

Максимально высокий статус языков союзных республик в административно-территориальной иерархии языков был закреплен в Конституции 1977 г. предписанием публиковать законодательные акты центра "на языках союзных республик" (ст. 116), а также статьей 169, по которой на государственном гербе СССР имеется "надпись" [термин Конституции. - Н.М.] "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" "на 5 языках союзных республик"³.

Конституция СССР 1977 г. не содержит лингвонима *русский язык*, а также вербальных указаний на различие между статусом русского языка и статусом языков союзных республик - например,

² Далее в ссылках слово *статья* передается аббревиатурой *ст.*

³ Семиотичность языка геральдической эпиграфики хорошо видна в спорах христианских книжников Средневековья о возможности Писания на новых языках: противники переводов ("треязычники") допускали Писание и литургию только на древнееврейском, греческом и латыни, мотивируя ограничение тем, что надпись на кресте распятия Иисуса Христа была на этих трех языках.

сочетания *язык межнационального общения* или другого аналогичного. Особый статус русского языка манифестирован средствами союзной и республиканской геральдики: 1) на государственном гербе СССР надпись *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* на русском языке выполнена крупнее, чем на языках союзных республик, и размещена в основании герба по середине, в то время как надписи на других языках расположены симметрично слева и справа⁴; 2) гербы всех союзных республик (кроме РСФСР) содержат надпись *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* на двух языках - соответствующей республики и русском.

Отсутствие в Конституции СССР вербально-эксплицитной кодификации или характеристики фактического статуса русского языка объясняется двумя причинами. Во-первых, в советской литературе по национально-языковой политике широко известно, что В.И. Ленин (в 1913-1914 гг.) отрицательно оценивал идею "государственного языка"⁵. Послереволюционные идеологи сохраняли осторожное отношение к термину *государственный язык*: он был чреват упреками и в неортодоксальности и великодержавности.

Вторая причина более существенна. Конституция стремилась минимально регламентировать деликатную сферу национально-

⁴ Семиотичность размера надписи учтена в эстонском, молдавском и казахском законах о языках: "Тексты публично выставляемых вывесок, объявлений, извещений и рекламы должны быть на эстонском языке. На втором месте могут следовать перевод или транскрипция, шрифт которых не должен быть крупнее шрифта эстонского текста". Аналогично установление молдавского закона (ст. 29). Закон Казахской ССР, напротив, предписывает именно одинаковый размер букв (регламентируя, однако, разное место расположения казахского и русского текстов). Расположение визуальной информации на государственном и русском языках оговорено в большинстве республиканских законов.

⁵ В значительной мере это был тактический отказ от одиозного термина; речь не шла о действительном сохранении этноязыковой самобытности народов. Ср. в письме С.Г. Шаумяну 6 июля 1914 г.: "За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина. Но проповедывать *мелким нациям* русский язык - тут нет ни тени полицейщины. Неужели Вы не понимаете разницы между полицейской палкой и проповедью свободного человека?" И далее характерное презрение к позиции представителя "мелкой нации": "Не стыдно ли *российскому* марксисту стоять на точке зрения армянского курятника?" (Ленин 1982, 302). Ср. также в письме к Шаумяну 6 декабря 1913 г.: "Как Вы не хотите понять той *психологии*, которая [...] при малейшем принуждении сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка?" (Ленин 1982, 234; графические выделения источника).

1. Статус и функции русского языка

языковых отношений. Здесь декларированы равенство граждан СССР "перед законом независимо от [...] языка [...]" (ст. 34)⁶, "возможность обучения в школе на родном языке" (ст.45), "право выступать в суде на родном языке" (ст. 159); записаны юридически малосодержательные слова о "возможности пользоваться родным языком и языками других народов СССР" (ст. 36); кроме того статья 116 предписывала публиковать "законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР [...] на языках союзных республик"⁷. В ряду таких деклараций статья об особом статусе русского языка звучала бы диссонансом. Вместе с тем Конституция не ориентировала на создание гарантий соблюдения провозглашенных общих принципов - например, гарантий сохранения национального языка в качестве языка обучения и воспитания.

Такие гарантии не были определены и в *Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании* 1973 г. (а также в редакции 1979 г., приведенной в соответствие с Конституцией СССР 1977 г.); ср. статью *Основ "Язык обучения в общеобразовательной школе"*: "Учащимся общеобразовательной школы предоставляется возможность обучаться на родном языке или языке другого народа СССР. Родители или лица, их заменяющие, имеют право выбирать для детей по желанию школу с соответствующим языком обучения. Кроме языка, на котором ведется преподавание, учащиеся по желанию могут изучать язык другого народа СССР" (*Основы* 1973, 468-469). (Разделы *Основ "Среднее специальное образование"* и *"Высшее образование"* не содержат статей о языке).

В редакции *Основ* 1985 г. статья *Язык обучения в общеобразовательной школе* была дополнена положением, которое ориентировало на о б я з а т е л ь н о с т ь изучения русского языка (что противоречило первой части статьи, в которой сказано, что "учащиеся по желанию могут изучать язык другого народа СССР"); при этом ставилась задача свободного владения русским языком в школах с национальным языком обучения: "В учебных заведениях, где преподавание ведется не на русском языке, для изучения, наряду с родным, русского языка, добровольно принятого советскими людьми в качестве средства межнационального общения, создаются необходимые условия, обеспечивающие свободное владение этими языками, единый уровень общеобразовательной подготовки с учетом национальных особенностей населения союзных республик" (*Основы* 1987, 158). Что касается обязательности преподавания национального языка в школах с русским языком обучения, то *Основы* не предусматривали такой нормы.

⁶ Это было нововведением Конституции СССР 1977 г.

⁷ Цитированными статьями, а также упоминанием *языков союзных республик* в описании государственного герба, исчерпывались контексты Конституции СССР 1977 г., содержащие слово *язык*.

1.2. РАНГИ ЯЗЫКОВ В ЗАКОНЕ *О ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР* 1990 г.

Закон сохраняет административно-территориальную иерархию языков, заданную Конституцией 1977 г., - *язык союзной республики, язык автономной республики* и т.д. Кроме того статья 2 содержит территориальную характеристику языка, которая может быть отнесена только к русскому языку, - *общий на территории СССР язык*. Принципиально новым для союзного законодательства является введение двух юридических терминов - *официальный язык* и *государственный язык*. Согласно ст. 4, "союзная, автономная республика вправе определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков". Судя по контексту, категория "государственного языка" мыслится как максимально высокий статус. Ко времени принятия союзного закона языки всех союзных республик (кроме РСФСР и Туркмении) уже имели, согласно республиканским конституциям, статус государственного языка. Таким образом, союзный закон кодифицировал постфактум соответствующие акты законодательств республик.

Далее ст. 4 определяет статус русского языка: "С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком и используется как средство межнационального общения". Таким образом, союзный закон воздерживается от придания русскому языку более высокого юридического статуса, чем статус языков союзных республик по республиканским законам, хотя статус *официального языка СССР* имеет и достаточный престиж и несомненную исключительность. В "умеренности" союзного закона сказался трезвый учет центробежных тенденций в республиках.

Между тем до принятия союзного закона о языке в коммунистической печати, в выступлениях некоторых юристов и лингвистов предлагалось придать русскому языку максимально высокий социально-правовой статус (соответствующие термины *государственный язык, общесоюзный, общегосударственный язык*). Отвечая на вопрос о статусе языка (в анкете, предложенной видным советским лингвистом), О.Н. Трубачев писал: "[Русский язык] давно является общегосударственным языком всей нашей многонациональной страны; игнорировать это значит проявить недостаток доброй воли. Очевидно, было бы справедливо, чтобы это фактическое положение закрепил закон. Нерешительность в этом отношении

выражается в боязни адекватной терминологии, вследствие чего возникают уклончивые синонимы, например, *общесоюзный язык, язык межнационального общения*. Вряд ли без общегосударственного языка практически осуществимо провозглашенное партией и правительством требование сильного центра" (Национально-языковые отношения 1989, 26).

Профессор МИМО доктор философии Э.В. Тадевосян высказывался за равный юридический статус *государственного* (или *официального*) языка как для русского, так и для языков союзных республик (Тадевосян 1989). Межрегиональная группа депутатов предлагала определить русский как *язык межнационального общения*, а языки союзных республик - как их *государственные языки* (Катанян, Сидорова 1990, 20). За статус *общегосударственного* для русского языка выступали представители ряда автономных образований, не входящих в РСФСР, а также национальных меньшинств, не имеющих государственности, "видя в этом определенную защиту своих национальных и гражданских прав в составе той или иной республики" (Исаев 1991, 8). Для русского языка предлагались также термины *язык федеральных отношений, межреспубликанский язык* (Михальченко 1990, 45; Таммисту 1990, 100). Центральные газеты получали читательские письма о том, что русский язык "должен стать основой единого мировоззрения народов СССР", "средством советского образа жизни" (Коротеева, Мосесова 1988, 7). (См. Национально-языковые отношения 1989; Обсуждение 1990). Предложение о "законодательном закреплении русского языка в качестве общегосударственного" содержалось в платформе ЦК КПСС *Национальная политика партии в современных условиях* (Материалы 1989, 230).

1.3. СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКАНСКИХ ЗАКОНАХ О ЯЗЫКАХ

В законах Эстонии и Литвы юридический статус русского языка не определяется. В эстонском законе указано основание для обращения закона к неэстонскому языку и дана его демографическая характеристика: "Русский язык данным законом рассматривается, исходя из потребностей общесоюзного общения, а также как язык, которым в Эстонской ССР после эстонского наиболее часто поль-

зуются как родным". В синтаксисе цитированного высказывания заметно стремление авторов избежать даже косвенной квалификации русского языка как языка межнационального общения⁸.

В Литовском указе Президиума Верховного Совета (из республиканских законов о языке он самый краткий и отчасти поэтому производит впечатление наиболее радикального) аналогичные обоснования и характеристики русского языка отсутствуют. Законы о языках остальных союзных республик содержат определение русского языка как *языка межнационального общения* (Латвия, Казахстан, Туркмения) или *языка межнационального общения народов СССР* (остальные республики). В законах Латвии, Украины и Туркмении русский язык признается *о д н и м* из языков межнационального общения. Формула *русский язык как язык межнационального общения* вошла в новые статьи о языке в конституциях большинства республик (исключая три прибалтийские республики). В законе Казахской ССР содержится наиболее развернутая защита позиций русского языка (что объясняется прежде всего этнодемографической ситуацией: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в Казахстане русские составляли 40,8% населения, казахи - 36%): "Русский язык в Казахской ССР является языком межнационального общения. Казахская ССР обеспечивает свободное функционирование русского языка наравне с государственным. Знание русского языка представителями всех национальностей республики отвечает их коренным интересам" (ст. 2).

Таким образом, ни в одной союзной республике русский язык не получил юридического статуса, равного статусу государ-

⁸ О неприемлемости для эстонского общественного мнения указанной характеристики можно судить по утверждениям, высказанным в популярной брошюре: "Целью языковой политики Советского Союза было образование единого советского народа, а средствами на пути достижения этой цели послужили миграция и смешанные рабочие коллективы, крайняя идеологизация информационной системы и школы, так называемая интернационализация, и конечно же, нивелирование и унификация национальных языков и культуры. Подобное игнорирование национальных интересов продолжалось до сего времени. В этих целях используются бессодержательные с научной точки зрения понятия, такие, как *единый советский народ, язык межнационального общения, интернационалистское сознание, второй родной язык*" (Раннунт 1989, 15).

ственного языка (хотя в республиках при обсуждении проектов законов о языке такие предложения высказывались)⁹.

В законе Туркменской ССР, принятом позже всех республиканских и союзного законов о языках, русский язык имеет статус *официального языка СССР* (как в союзном законе) и *языка межнационального общения* (как в законах восьми республик).

Различия между республиканскими законами по рассмотренному и ряду других признаков представлены в Табл. 1 на стр. 11. Знак вопроса связан с некоторыми особенностями законодательного решения; эти особенности указаны в соответствующих разделах работы.

1.4. ОТНОШЕНИЕ ЗАКОНОВ К ДВУЯЗЫЧИЮ

Терминологическое клише *национально-русское* и *русско-национальное двуязычие* (иногда с определениями *паритетное, гармоническое, реальное* и т.п.) и соответствующая практика в советской языковой политике были и инструментом русификации и ее камуфляжем. В относительно недавних работах делались выводы о благотворном влиянии национально-русского двуязычия на национальные культуры и языки (ср. Взаимоотношение 1980, 56, 64; Взаимовлияние 1987, Проблемы 1972, Развитие 1975, Русский язык 1977). По инерции идеологизированного мышления упоминание о *национально-русском* и *русско-национальном двуязычии* оказалось включенным в законы о языке Молдовы, Казахстана, Туркмении (в узбекском законе говорится о *национально-русском* и *русско-национальном языковом общении*). Двуязычие признается желательным, ср.: "Туркменская ССР обеспечивает своим гражданам изучение государственного языка, проявляет заботу о развитии национально-русского и русско-национального двуязычия" (ст. 3).

Однако общественное мнение в других республиках видело в повсеместной несбалансированности двуязычия фактор, сужающий

⁹ Требование статуса государственного языка для латышского и русского выдвигал в предвыборной программе полковник Виктор Алкснис, тогда еще кандидат в народные депутаты (*Советская Латвия*, 1989, 5 апреля).

Табл. 1. Черты содержания или предметы решений в советских законах о языке 1989-1990 гг.

Республика. Дата принятия закона	Статус языка межнацио- нального общения (для русского)	Наличие терминов национально- русское двуязычие	Преподавание русского языка в общеобразова- вательной школе	Возможность высшего образования на русском языке	Дублирующе русские записи в документах о статусе частного лица	Дублирующая русский текст на бланках, формулярах, штампах и т.п.	Перевод на русский язык текстов ви- зуальной информации
Эстония 18.01.89.	-	-	не предписано	ограничена	не предписаны	возможны	возможен
Литва 25.01.89.	-	-	не предписано	крайне ограничена	не предписаны	не предписаны	не предписан
Латвия 05.05.89.	+?	-	не предписано	ограничена	не предписаны	возможны	возможен ?
Таджикистан 22.07.89	+	-	не предписано	не ограничена	обязательны	обязательны	возможен
Молдова 01.09.89.	+	+	обязательно	не ограничена	обязательны	обязательны	возможен
Кавказстан 22.09.89.	+	+	обязательно	не ограничена	обязательны	обязательны	обязателен
Кыргызстан 23.09.89.	+	-	обязательно	не ограничена	обязательны	обязательны	обязателен
Узбекистан 21.10.89.	+	+?	обязательно	не ограничена	обязательны	обязательны	обязателен
Украина 28.10.89.	+	-	обязательно	не ограничена	обязательны	обязательны	возможен
Беларусь 26.01.90	+	-	обязательно	не ограничена	обязательны	возможны	возможен
Туркмения 24.05.90.	+	+	обязательно	не ограничена	обязательны	обязательны	обязателен

функции и сферы употребления национального языка¹⁰. Поэтому большинство республиканских законов о языке, считая своей задачей защиту государственного языка, не упоминают о "национально-русском и русско-национальном двуязычии".

1.5. РУССКИЙ ЯЗЫК В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Республиканские законы регламентируют использование языка в сферах общественной и официальной жизни и не затрагивают выбор языка в межличностном неофициальном общении (в частной жизни, в неофициальном общении на работе). Русский язык остается основным языком жизнедеятельности части населения союзных республик.

Законы защищают право частного лица говорить на родном языке в сфере обслуживания (включая здравоохранение) и при обращении в органы государственной власти. Наиболее четко об этом сказано в эстонском законе: "В сфере обслуживания и торговли обслуживающая сторона обязана применять язык, избранный обслуживаемым лицом" (ст. 6). Ср. статью 17 "Язык в сфере обслуживания" в украинском законе: "В Украинской ССР во всех сферах обслуживания граждан употребляется украинский или другой язык, приемлемый для сторон". В конфликтной ситуации статья не способна регламентировать выбор языка.

В эстонском законе есть также статья, защищающая право человека говорить на родном языке со своим начальником: "Руководящие работники общаются с подчиненным на избранном им языке, при этом они не должны превышать пределы требований в части владения языками" (ст. 5).

¹⁰ По данным эстонских социологов, в Эстонской ССР 90 % эстонцев владеют русским языком, при этом 30 % владеют свободно. В то же время только 30 % русскоязычного населения Эстонии знают эстонский язык и лишь 10 % владеют им свободно. В школах с эстонским языком обучения русский язык преподавался в объеме 1200 часов, в то время как курс эстонского языка в школах с русским языком обучения составлял 600 часов (Таммисту 1990).

1.6. ЯЗЫКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Степень использования русского языка в образовании представляется фундаментальной характеристикой социолингвистических ситуаций в республиках. С одной стороны, от степени внедрения русского языка в общеобразовательные школы зависит практическое владение языком завтрашним взрослым населением республики. С другой стороны, возможности высшего образования на русском языке определяют наличие и удельный вес русскоязычной интеллигенции, что в свою очередь важно для динамики социолингвистической ситуации.

Законы четырех республик ничего не говорят о преподавании русского языка в общеобразовательных школах (см. таблицу на стр. 11); по законам остальных республик такое образование обязательно, при этом в Молдове, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Туркмении закон обязывает преподавать русский язык не только в школе, но и в профессиональных училищах, техникумах и вузах. Ср. статью 21 закона Молдовы: "В учебных заведениях всех ступеней обеспечивается изучение в качестве учебного предмета молдавского языка - в классах и группах с русским или другим языком обучения (для учащихся гагаузской и болгарской национальности - в объеме, необходимом для общения) и русского языка - в классах и группах с молдавским или другим языком обучения. Учащиеся и студенты по окончании учебного заведения сдают выпускной экзамен соответственно по молдавскому или русскому языку, что создает условия для расширения сфер общения на всей территории республики".

Ограничения возможности высшего образования на русском языке формулируются так: "Выпускникам школ Эстонской ССР с русским языком обучения возможность получения дальнейшего образования в системе профессионально-технического, среднего специального и высшего образования Эстонской ССР обеспечивается русскоязычными учебными группами, училищами и школами в соответствии с потребностями и возможностями республики, а также путем углубленного обучения их эстонскому языку на начальном этапе профессионального обучения на эстонском языке" (ст. 22). В белорусском законе также говорится о "некото-

рых специальностях и профессиях", обучение которым "ведется на белорусском, русском или другом языке", и о том, что "перечень этих специальностей и профессий определяется Советом Министров БССР" (ст. 25), однако, судя по расплывчатости формулировки, высшее образование на русском языке в Белоруссии не будет противоречить закону.

Согласно литовскому указу о языке, для обучения в вузах Литвы "иноязычного населения" предполагается создавать "условия для хорошего овладения литовским языком в учебных заведениях с преподаванием не на литовском языке, в также на специальных курсах" (ст. 7). Позже, однако, в Литве были приняты законодательные акты, создававшие некоторые возможности специального образования на нелитовских языках¹¹.

1.7. РУССКИЙ ЯЗЫК В ДОКУМЕНТАХ И ВИЗУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Согласно республиканским законам, в канцелярии, делопроизводстве, документации должен использоваться государственный язык. Что касается русского языка, то его употребление обусловлено двумя факторами: во-первых, это язык части населения республики, а по закону гражданин имеет право обратиться в учреждение на своем языке и получить ответ на этом же языке; во-вторых, русский язык - это язык общения с центром и с другими республиками. Однако законодатели могли исходить из разных оценок морально-правовой значимости указанных факторов и поэтому, например, гарантировать частному лицу право обращаться в учреждение на родном (русском) языке и вместе с тем игнорировать традицию

¹¹ По закону *О национальных меньшинствах* (23.11.1989), такое образование связывалось с подготовкой воспитателей дошкольных учреждений и учителей общеобразовательных школ национальных меньшинств (*Советская Литва*, 1989, 26 ноября). В 1991 г. Литовский парламент принял ряд поправок к закону *О национальных меньшинствах*, расширяющих возможности специального образования на нелитовских языках: предусматривается организация "групп, факультетов и филиалов в высших учебных заведениях, подготавливающих воспитателей, учителей и других специалистов, необходимых для удовлетворения запросов национальных общин" (*Эхо Литвы*, 1991, 1 февраля).

общения республики и центра на русском языке. Указанные два мотива обращения к русскому языку конфликтны и могут приводить к известной непоследовательности закона.

Республиканские законы в разной мере подробны при регламентации выбора языка в официальном общении. Максимальная детализация отличает белорусский и в особенности украинский законы (ср. названия ряда статей в украинском законе: "Язык документов о выборах народных депутатов", "Язык производства по делам об административных нарушениях", "Язык арбитражного производства", "Язык прокурорского надзора" и т.п.), при том что принципы выбора языка в целом сходны - ср. достаточно типичную формулу в белорусском законе: "Языком делопроизводства и документации является белорусский язык, а при необходимости - русский" (ст. 8). Однако такие предписания не могут существенно влиять на языковую ситуацию, поскольку затрагивают всего лишь делопроизводство и служебную переписку.

Более значимы нормы, диктующие использование языка (одного, двух или трех) в документах частного лица - в паспорте, свидетельствах о рождении, браке, смерти, документах об образовании, удостоверении личности, сберегательной книжке, водительских правах и т.п. С одной стороны, все написанное в этих повседневных и ответственных бумагах должно быть полностью понятно их владельцу, и следовательно, в двуязычном государстве такие документы должны быть на двух языках. Однако, с другой стороны, если один из языков - это не только язык части населения, но и язык центральной (внереспубликанской) власти, по отношению к которой республика добивается суверенитета, то такой язык в записях актов гражданского состояния оказывается для республиканской власти не приемлемым.

Конфликт такого рода проявился в прибалтийских законах о языке: они ничего не говорят о дублировании на русском текстов в паспорте и других документах о статусе частного лица, однако допускают перевод на бланках, формулярах и других менее репрезентативных (чем паспорт) официальных бумагах.

Законы о языках в других республиках предписывают в указанных документах использовать два или более языка (включая русский). Латышский закон обязывает дублировать тексты печат-

тей, а также "инструкции по пользованию товарами". По белорусскому закону, "тексты на печатях, штампах, штемпелях, формулярах, официальных бланках [...] выполняются на белорусском языке, а при необходимости - на белорусском и русском или другом языке" (ст. 7).

Дублирование визуальной информации (вывески, объявления, реклама, афиши, плакаты и т.п.) обязательно по законам республик Средней Азии, Казахстана, Молдовы и Украины, возможно - согласно эстонскому и белорусскому законам, частично возможно - по латышскому закону (для названий учреждений и предприятий) и не определено - по литовскому и частично латышскому закону. Согласно литовскому указу (пункт. 5), перевод с литовского "надписей и прочих текстов" делается "при осуществлении международных, общесоюзных и межреспубликанских контактов" (но не внутриреспубликанских).

1.8. КОЛЛИЗИИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ И СОЮЗНОГО ЗАКОНОВ О ЯЗЫКЕ

Противоречия между республиканскими законами о языке, с одной стороны, и союзным, с другой, имеются в законе каждой республики (за исключением закона Туркменской ССР, принятого позже союзного закона). Однако причина коллизий заключается не только в одновременности принятия законов или недостаточной координированности законотворческой работы, но и в различии интересов ряда республик и центра.

1.8.1. Союзный закон утверждает свою приоритетность над местными законами. Республиканские законы исходят (хотя и не формулируют этот принцип явно) из приоритетности закона о языке своей республики. Согласно ст.1 союзного закона, законы республик должны издаваться в соответствии с союзным законом. В принятом одновременно с законом постановлении Верховного Совета СССР *О порядке введения в действие закона СССР «О языках народов СССР»* Верховным Советам республик рекомендовано "привести законодательство союзной, автономной республики в соответствие с законом СССР *О языках народов СССР*". Однако республиканские законы не пересматривались.

1.8.2. Русский язык имеет статус *официального языка СССР* согласно союзному закону и закону Туркменской ССР и не имеет указанного статуса по законам других республик.

1.8.3. Изучение русского языка в качестве обязательного предмета (в учебных заведениях, в которых обучение ведется на ином языке) предусмотрено союзным законом, законами Молдовы, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Украины, Беларуси, Туркмении и не предусмотрено законами прибалтийских республик и Таджикистана.

1.8.4. Возможность в союзных республиках высшего образования на русском языке составляет одну из пресуппозиций союзного закона. Указанная возможность предусмотрена законами большинства союзных республик, за исключением законов прибалтийских республик, ограничивающих такое образование только некоторыми специальностями.

1.8.5. Союзный закон предписывает дублировать на русском языке записи в документах, удостоверяющих статус частного лица. Указанное дублирование не предусмотрено законами Эстонии, Литвы, Латвии и обязательно по законам других республик.

1.8.6. Союзный закон предписывает делать параллельный перевод на русский язык текстов бланков, печатей, штампов, штемпелей, вывесок с наименованием предприятий, учреждений, организаций. Республиканские законы допускают такое дублирование, но не обязывают проводить его во всех случаях. В ряде республик законы предписывают сохранять без перевода наименования улиц, площадей, городских районов и т.п. (ст. 24 закона Молдовы, ст. 34 закона Беларуси; ср. со статьей 18 союзного закона).

1.8.7. Союзный закон в статье 8 "Гарантированность трудовых прав граждан вне зависимости от знания языка", признавая недопустимым "ограничение прав или установление [...] преимуществ при осуществлении гражданами СССР права на труд в зависимости от владения языками народов СССР", вносит, однако, существенное уточнение: указанная норма не распространяется на те случаи, когда знание "языков предусматривается общесоюзным и республиканским законодательством в качестве квалификационных требований". Между тем законы о языке большинства республик не рассматривают знание государственного языка в качестве квалифика-

ционного требования для занятия определенных должностей. Более того, в украинском законе сказано: "Незнание гражданином украинского или русского языка не является основанием для отказа ему в приеме на работу" (ст. 6).

Законодательные решения коллизии были предложены в постановлении Совета Министров Эстонии от 08.02.1989 *О первоочередных мерах в связи с введением Закона о языке Эстонской ССР* и в проекте Совета Министров Латвии *Положение об уровнях оценки знания латышского языка как государственного языка Латвийской ССР (Советская Латвия, 1990, 2 февраля)*. В эстонском акте определено шесть уровней владения государственным языком и соответствующие им категории работников (см. Экк 1989); в латышском проекте предлагалось четыре уровня (обсуждение проекта см. в *Советская Латвия, 1990, 15 февраля, 1 марта*).

1.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ [МАРТ 1991 Г.]

Республиканские законы о языке, защищая национальный язык, стремятся в той или иной мере ограничить функции или сузить сферы употребления русского языка. Однако, естественно, законы носят достаточно общий характер. Это в большей мере манифесты национально-языкового самосознания, нежели реальные нормы права. Характерно в этом отношении отсутствие в законах норм негативной (ретроспективной) ответственности и охранительных санкций. Реальными регуляторами употребления языков будут, как и прежде, различные подзаконные акты - определение министерствами просвещения количества уроков русского языка в школах; утвержденные правительствами перечни специальностей, по которым в вузах будут создаваться группы с обучением на русском языке; объемы русскоязычных программ на радио и телевидении и тиражи русскоязычных изданий, определенные комитетами по средствам массовой информации и т.п. Впереди - неизбежная полоса отчуждения от принудительного "языка центра" и "социалистического выбора", но и возможность свободного обращения к языку экономического партнерства и самобытной евразийской культуры.

1.10. ПОСТСКРИПТУМ 2003 г.

1.10.1. Публикация в *Russian Linguistics* заканчивалась следующим редакционным примечанием: "Статья поступила в редакцию журнала 4 апреля 1991 г.; так как она описывает языковое положение последних месяцев Советского Союза, мы печатаем ее как исторический документ, без изменений".

1.10.2. Республиканские законы о языках, включенные в конституции союзных республик, а затем (иногда с некоторыми изменениями) и в конституции новых государств Балтии и СНГ, замечательно репрезентативны в своей двойственности, переходности от постсоветского времени к новому. По своей интенции это были акты суверенизации народов, лингвистическая составляющая того "парада суверенитетов", которым сопровождался распад СССР. Однако по своему номенклатурному генезису и стилю юридического мышления это еще вполне советские законы "конституционного ранга", т.е. в большей мере идиологемы, чем правовые нормы прямого действия.

Многие понятия, существенные в национально-языковой практической политике, законы оставляли без определения - например, понятия "родной язык", "компактное поселение" (не определяя, в частности, ту степень "компактности" "поселения граждан другой национальности", при которой "создаются [не ясно также, могут или должны создаваться? - Н.М.] школы либо классы, в которых учебная и воспитательная работа ведется на русском или другом национальном языке"). Законы не определяли принципы выбора гражданами языка обучения, а также зависимости (или независимости) между "языком национальности" и "языком обучения". По сути дела, юридически неопределенным оставалось и понятие "государственный язык", что обнаружилось, как только в парламентских дебатах по национально-языковым вопросам (в Украине и Беларуси) появилось словосочетание *официальный язык*.

1.10.3. В контексте белорусской темы данного сборника существенно отметить, что закон *О языках в Белорусской ССР*, принятый позже языковых законов в других республиках (исключая закон Туркмении и Российской Федерации), ближе всего к украинскому закону, самому многословному и логически аморфно-

му. По сути украинский и белорусский законы о языках оставляли "всё как было" - то положение, при котором роль национального языка из года в год уменьшалась. Украинский и белорусский законы о языках отражали не столько решимость граждан защитить родной язык от вытеснения, сколько двоякую осторожность законодателя: и Москву не прогневать, и от общего строя республик не слишком отстать. Кроме статуса государственного языка, национальные языки не получали иных преимуществ: почти каждая статья, предписывая употреблять в той или иной сфере национальный язык, тут же допуская иное: *а при необходимости - на белорусском и русском или другом языке*. Оба закона не смогли бы помочь разрешить коллизии, могущие возникнуть при выборе языка.

1.10.4. Во всех постсоветских государствах законы о языках несомненно активизировали (хотя и в разной мере) национальное сознание и подымали престиж национального языка. В силу традиций этатизма в советской ментальности, многие люди, в том числе языковеды, преувеличивали значимость государственного статуса для судьбы языка. Каким горьким анахронизмом звучат слова надежды на спасительные возможности этого статуса: "...для таго, каб БССР не згубіла сваю нацыяльную самабытнасць у сям'і раўнапраўных савецкіх рэспублік, неабходны радыкальныя меры аж да заканадаўчага аб'яўлення беларускай мовы дзяржаўнай мовай на тэрыторыі рэспублікі" (Булыка 1989, 10); "Выказваць прагнозы на бліжэйшую будучыню адносна адраджэння роднай мовы пакуль што рана. І ўсё ж падставы для аптымістычнага настрою ёсць. Папершае, свае карэктывы ў жыццё павінен унесці "Закон аб мовах Беларускай ССР"..." (Кузьмянкова 1993, 37).

1.10.5. В Беларуси (после референдума в мае 1995 г.) и Кыргызстане были приняты новые редакции законов о языках, по которым русскому языку придавался статус, равный статусу соответственно белорусского и киргизского языков.

2. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ: ЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ДВУЯЗЫЧИЯ

К случаям в народной жизни, сходным с насильственной смертью в индивидуальной, могут очень легко относиться с так называемой объективностью, которая, в сущности, не есть более широкое знание, а лишь более полное равнодушие. Черепица провалила череп, который сам виноват, потому что мягче черепицы. Прошедшее невосвратимо; но сердечное отношение к нему дает урок для будущего "не убий".

А.А. Потехня.

2.0. ВТОРОЕ БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Как и первая волна национального возрождения Беларуси в 1906-1918 гг., так и его переживаемый сейчас подъем были вызваны бурными событиями имперского (respect. союзного) масштаба. Важнейшие даты нового этапа белорусского возрождения таковы:

- 1989, 25 июня: создается Белорусский народный фронт (БНФ)
- 1990, 26 января: принят закон *О языках в Белорусской ССР*, придавший белорусскому языку статус государственного
- 1990, 20 сентября: Совет Министров БССР принял Государственную программу развития белорусского языка и других национальных языков
- 1991, 25 августа: Верховный Совет БССР придает *Декларации о суверенитете Беларуси* (принятой 27 июля 1990 г.) силу конституционно-го закона; принимается новое официальное название государства - *Республика Беларусь* (РБ).

Возникли новые факторы, способные влиять на языковую ситуацию. Никогда прежде языковые вопросы на Беларуси не ставились так остро. Эта острота отчаяния: национально ангажированная белорусская интеллигенция видит в сегодняшней ситуации "последний шанс, отпущенный историей белорусскому языку", и

* Впервые напечатано в журнале *Russian Linguistics* (Vol. 18, 1994, 299-322). В настоящем сборнике статья публикуется с любезного разрешения *Kluwer Academic Publishers*.

2. Языковая ситуация в Беларуси:

вместе с тем не может не видеть, что этот шанс ускользающе мал. Своеобразие ситуации в том, что при всей остроте языковой полемики, она не отягощена по-настоящему национальным антагонизмом - межэтнического противостояния в Беларуси нет. Вопрос о белорусском и русском языках решается в н у т р и белорусского народа, составляющего почти 80% населения Республики. Внешнеполитические факторы, белорусско-российские государственные взаимоотношения играют хотя и важную, но все же вторичную роль.

2.1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС: БЕЛАРУСЬ В ТЕНИ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР

Русский (великорусский) язык на белорусской этнической территории распространяется в качестве языка российской администрации и школы после присоединения к Российской Империи части земель Речи Посполитой (объединенного государства Королевства Польского и Великого княжества Литовского) по соглашениям 1772, 1794 и 1795 гг. между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией (так называемые I, II и III разделы Речи Посполитой). К этому времени белорусский язык перестал быть письменно-литературным языком Княжества и существовал главным образом в устном повседневном общении белорусских крестьян, мещан и шляхты. В глазах российской администрации это было не более, чем "белорусское наречие" великорусского языка. О традициях письма и книгопечатания, школы и канцелярии на "белорусском наречии" уже давно - с середины XVII в. - никто не помнил, в том числе сами белорусы.

Великое княжество Литовское возникло в XIII в. как союз ряда восточно-славянских княжеств (Полоцкое, Новогрудское, Пинско-Туровское, Берестейское и др.) и до конца XV в. расширяло свои владения, простираясь от Балтийского до Черного моря и включая Смоленские, Новгород-Северские, Вяземские земли на востоке. Княжество было полиэтническим, разноконфессиональным и многоязычным. Его населяли (в терминах современной этнонимии) белорусы, украинцы, литовцы, поляки, евреи, татары. Сосуществовали православные, католики, язычники (балтийские племена аукшайтов и жемайтов, впоследствии назвавшие себя *lietuviai*)¹, приверженцы разнообразных протестантских конфессий (особенно активных

¹ Литовцы крестились по католическому обряду в XVI в.; в связи с крещением появляются первые книги на литовском языке - Катехизис 1547 г. и др.).

во 2-ой половине XVI в.), иудей, мусульмане. Помимо этнических языков в Княжестве использовались латынь и церковнославянский.

Основным письменно-литературным языком была так называемая *проста мова* (или *русский язык*), сложившаяся в актовой письменности на основе белорусских говоров вокруг Вильни и северных городов Княжества - Полоцка, Витебска, Смоленска. *Проста мова* использовалась в наддиалектном письменном общении на всей территории Княжества, включая буковинско-молдавские и перемышльские земли, т.е. это был общий письменный язык белорусов и украинцев. По отношению к современному белорусскому языку *проста мова* выступает как предшествующий этап его истории - *старобелорусский литературный язык* (по принятой в Беларуси лингвистической терминологии), а по отношению к современному украинскому - как *староукраинский литературный язык*.

В XVI - первой половине XVII вв. *проста мова* характеризовалась разнообразием функций и сфер использования: это письменный язык этнического большинства Княжества, язык закона, судопроизводства, великокняжеской канцелярии². С 1583 г. в Виленском иезуитском коллегииуме *проста мова* стала предметом изучения (наряду с латынью и греческим).

В судьбе белорусского языка и белорусской ментальности времен Великого княжества Литовского решающую роль сыграли две встречные и взаимно обусловленные исторические тенденции: 1) вынужденное и вместе с тем нарастающее сближение с Польшей, приводившее к усилению польского ассимилирующего культурно-языкового влияния; 2) постоянные войны против Московского государства вплоть - до "Вечного мира" 1686 г.

В белорусской культурной традиции (а ныне и в официальной публицистике, ср. Лойка 1993) "золотым веком" белорусской истории называли XV-XVI века - т.е. время, когда Литовская Русь еще не оказалась в тени Польши. Образование Речи Посполитой, хотя и с сохранением юридического равноправия обоих государств (Люблинская уния 1569 г.), а затем Брестская церковная уния 1596 г. привели в XVII в. к значительному усилению польского культур-

² Наиболее значительные печатные произведения на *простой мове*: лютеранский *Катихисис* Сымона Будного (Несвиж 1562); Евангелие от Матфея в переводе Василия Тяпинского (диглотта на церковнославянском и *простой мове* / Тяпино?, 70-ые гг. XVII в.); иезуитский *Катехизм* Петра Канизия (Вильна 1585); *Евангелие Учительное* (Заблудов 1586), изданное на средства гетмана Григория Ходкевича, с предисловием Мелетия Смотрицкого; Статут Великого княжества Литовского (Вильна 1588); гомилетика Иоанникия Галятовского *Ключ разумения. Наука, аябо способ зложена казаня*, (Киев 1659, 1663; Львов 1665).

2. Языковая ситуация в Беларуси:

ного и политического влияния. Ширилась экспансия польского языка, впрочем, ощутимая уже к середине XVI в.³

Если в XV и большей части XVI в. документы Литовской метрики (около 600 томов архива Княжества) писались на *прóстой мове*, то в XVII и XVIII вв. - преимущественно на польском и частично на латыни. На польском печатались также православные катехизисы и богослужebные книги. С конца XVI в. польский становится основным языком проповедей, конфессиональной полемики (в том числе православной и униатской) и светской литературы. Так, по-польски написаны все полемические сочинения самых знаменитых и плодовитых украинско-белорусских авторов XVII в. - Мелетия Смотрицкого, Иоанникия Галятовского. Вместе с тем в надднепровской Украине XVIII в. в ученой прозе и школьной поэзии продолжают писать на гибридном церковнославянско-русском языке с украинским оттенком (таков, в частности, язык философских сочинений и переводов Григория Сковороды).

В белорусских землях к XVIII в. *проста мова* вытесняется не только из общественной жизни, но и из частного письменного обихода: дневники, воспоминания, "записки для себя" пишут по-польски или по-русски. В последнем случае их авторы - это русские чиновники, переведенные на службу в белорусские земли (по перифразам XVIII в., в *новые западные губернии*, или *губернии, от Польши возвращенные*; позже эти земли стали называть *Северо-Западный край*⁴). О замирании письменности на *прóстой мове* в приватной жизни говорит следующий факт: в корпусе мемуарной литературы, исследованной А.И. Мальдзисом (около 200 источников XVIII - начала XIX в.), оказался только один памятник, написанный на украинско-белорусском языке с примесью канцелярского русского - автобиографические записки ("Житие и страдание...")

³ Знаменитый пункт Литовского Статута (в редакциях 1566 и 1588 гг.) - *Аписарь земьский маеть поруску литерамы и словы рускими вси листы выписы и позвы писати, анеиньшимъ языкомъ и словы* (Цит. по факсимильному воспроизведению памятника в издании: Статут 1989, 140) - был, по мнению А.И. Журавского, вынужденной охранительной мерой, косвенным свидетельством нарастающего вытеснения старобелорусского языка польским (Жураўскі 1967, 350-351).

⁴ *Северо-Западный край* - официальное в Российской Империи (начиная с 40-х гг. XIX в.) название 6 белорусских и литовских губерний (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской).

Ильи Турчиновского, некогда учившегося в младших классах киевской бурсы (Мальдзіс 1982, 30-33).

Императорская Россия, независимо от того, была ли она в союзе с Речью Посполитой (как в войне Петра I со шведами), или "усмиряла" ее, всегда игнорировала этническую, языковую, культурно-религиозную и тем более государственную самостоятельность белорусов. В составе Империи Беларусь утратила не только государственность, но и прежнее имя - *Литва, Великое княжество Литовское*. В 1839 г. была ликвидирована Уния: униатов присоединили к Русской православной церкви.

После аннексии Речи Посполитой Империю беспокоил только "польский вопрос", хотя в восстании 1862-63 гг. участвовали белорусские крестьяне и к ним обращался в газете-прокламации *Miżuskaja Prawda* (издававшейся по-белорусски, при этом польским шрифтом) Кастусь Калиновский. Трактровка белорусского языка в качестве диалекта русского языка, т.е. как феномена этнографического и уходящего, а главное - "не польского", открывало дорогу русским школам и русификации Северо-Западного края⁵.

Современный литературный белорусский язык начинает складываться спустя полтора века после обрыва письменных традиций *простой мовы*. Тесный круг его памятников образуют две анонимные поэмы *Энеида навыварат* (между 1816 и 1828 г.; впервые опубликована в 1845 г.) и *Тарас на Парнасе* (50-е гг. XIX в., первая публикация в 1889 г.); комическая опера *Sialanka* (1846) Винцента Дунина-Марцинкевича; поэтические сборники Францишка Багушевича (1890-ые гг.)⁶. Это был новый литературный белорусский язык: он формировался на живой диалектной основе, вне связи с культурой старобелорусской письменности, в русле художественной практики, тяготеющей к стилизованной простона-

⁵ В 1861 г. попечитель Виленского учебного округа в представлении Министру народного просвещения писал: "В губерниях Виленской, Гродненской и Минской большая часть сельского населения говорит наречием белорусским, поэтому и народные училища в этих местностях должны быть чисто русские" (Цит. по работе Шлюбскі 1928, 335).

⁶ Оба автора из небогатых дворян, римско-католического вероисповедания, участники восстания 1863 г. Дунин-Марцинкевич (1807-1884) учился на медицинском факультете Петербургского (по другим данным, Виленского) университета. Багушевич (1840-1900) окончил трехгодичный Нежинский юридический лицей.

2. Языковая ситуация в Беларуси:

родности и сознательно противостоящей дворянско-интеллигентской русской и отчасти польской литературным традициям.

В XX в. белорусский язык получил дальнейшее и значительное развитие. Особенно плодотворным было десятилетие после русской революции 1905 г., когда стали возможными газеты и книги на белорусском языке (но не школы, хотя бы начальные!), и затем первое десятилетие после окончания гражданской войны. В это время планы белорусизации общественно-культурной жизни - школы, печати, органов власти - были достаточно реалистичны, поскольку для преобладавшего в республике сельского населения белорусский был родным (материнским) языком.

В начале 30-х годов "курс на белорусизацию" был грубо свернут. По обвинениям в "нацдемовской контрреволюции", подрыве "дружбы народов", сепаратизме и т.п. национально ориентированная интеллигенция подвергалась массовым репрессиям. В 1930-1941 гг. и затем в 1945-1953 гг. в национально-языковой политике преобладало унифицирующее русификаторство. После смерти Сталина оно приняло нерепрессивный, но еще более широкий характер⁷. Русификаторская политика, проводимая прежде всего партийно-государственной номенклатурой БССР⁸, интенсивная урбанизация Беларуси (одна из самых сильных в мире), развитие массовой коммуникации, в первую очередь "центральной" (т.е. генерируемой в Москве), - все это настолько ослабило белорус-

⁷ Впрочем, случались и официальные кампании в защиту белорусского языка - например, июльский (1953 г.) пленум ЦК компартии Белоруссии - в ряду аналогичных кампаний, проведенных по инициативе Берия в некоторых союзных республиках летом 1953 г. (материалы пленума см. в публикации Николайчук 1993).

⁸ Роль Хрущева в этих процессах позволяют представить приводимые ниже выдержки из посмертно опубликованного частного письма белорусского писателя Пімена Панчанкі: "І вось прыязждае наследнік Сталіна не вук і хам Мікіта Хрушчоў. Абразіў на партыйным сходзе (я быў на гэтым сходзе ў Оперным тэатры) нашага беларускага кіраўніка Мазурава за яго даклад, які ён рабіў на беларускай мове. А пасля арганізаваў мітынг ля Універсітэта і пачаў агітаваць студэнтаў і выкладчыкаў супраць беарускай мовы. «Тот придет быстрее к Коммунизму, кто освоит великий русский язык». [...] І тут пачалася кашмарная старонка нашай гісторыі. Закрываліся беларускія школы, тэхнікумы. Фурцава прыслала тэлеграму, каб неадкладна перавялі ўсе інстытуты і тэхнікумы на рускую мову. Пачаўся здзек і насмешкі над нашай мовай. Халуі і кар'ерысты растапталі ўсё, што засталася ад роднай мовы, культуры, гісторыі" (Макарэвіч 2000). [Примечание 2003 г.]

ское начало в БССР, что проблематично, возможно ли сейчас кардинальное изменение сложившихся тенденций.

2.2. КТО ОТВЕТСТВЕН ЗА ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЮ БЕЛОРУСОВ ?

В судьбе белорусского народа и его языка горечи и обиды больше, чем обидчиков. От этого обида горше - если она вызвана обстоятельствами, в которых трудно упрекать людей: географическим положением, ни у кого не отобранной силой (или удачливостью, или одаренностью) соседнего народа, скудостью полезных ископаемых или малостью плодородных земель.

Можно обижаться на Варшавский Сейм, в 1696 г. запретивший *просту мову* в канцеляриях Речи Посполитой. Но трудно обижаться на то, что в Кракове книгопечатание и университет с коллегиумами начались и раньше и шире, чем на Литве. Но тогда нет виноватых и в том, что белорусские мещане и шляхта тянулись к польской культуре, принимали католичество, писали и читали по-польски. "Тень" от сильной культуры, в качестве фактора, сдерживающего развитие соседней более слабой культуры, - значима и для белорусско-русских взаимоотношений.

Русская тень оказалась сильнее и обиднее, чем польская. Дополнительным фактором русификации (на который, однако, трудно обижаться) стало ближайшее родство белорусского и русского языков. Если с этноязыковой отдельностью Бухары, Грузии или Финляндии царизм вынужденно считался, то в белорусах (а также в украинцах) видели только "побеги" "единого русского корня". Так прививался белорусам комплекс "бедного родственника" (т.е. человека, с которым не церемонятся не только потому что он "бедный", но еще и потому, что он "родственник"). От этой неполноценности избавлялись путем личного присоединения к книжно-письменной культуре соседей.

Мощным фактором ассимилирующего присоединения к русской культуре стало высшее образование, которое для белорусов было возможно только на неродном языке и за пределами родного края, поскольку и из-за постоянных опасений польских "мятежей", в Беларуси (в отличие от Украины) до 1921 г. не было высшей школы. Виленский университет (созданный на базе иезуитского

2. Языковая ситуация в Беларуси:

коллегиума, ставшего в 1579 г. академией и в 1803 г. университетом) был закрыт после восстания в 1832 г. Теологический факультет, преобразованный в Римско-католическую духовную академию, в 1842 г. был переведен в Петербург. Медицинский факультет, ставший Медико-хирургической академией, в 1842 г. был закрыт. Горецкая сельскохозяйственная школа (открытая в 1842 г. и в 1849 г. преобразованная в Сельскохозяйственный институт) после восстания 1862-63 гг. переводится в Петербург (Пічэта [1928] 1991, 20 - 23). Во гимназиях, реальных и коммерческих училищах, духовных и учительских семинариях преподавание велось по-русски. Однако в Вильне в начале XX в. в двух русских гимназиях для желающих преподавался польский язык.

Так белорусы в XIX - начале XX в. оказались народом без белорусскоязычной интеллигенции и чиновничества; слово *белорусский* становилось в значительной мере социально-этнической характеристикой, приобретая семы 'крестьянский', 'кустарный', 'бедноватый', 'простой'. Самостоятельность, "белорусскость" любых культурных событий, включая судьбы людей, игнорировалась. Всё, что поднималось над уровнем бесписьменного крестьянского быта, - церковь, школа, канцелярия, - автоматически становилось либо "русским" (и православным), либо "польским" (и католическим):

В историю русской культуры включены судьбы многих в разной мере замечательных людей, географией рождения или родословной связанных с белорусскими землями, - таких, как Иван Федоров (первопечатник), Степан Полубес, Андрей Чохов, Симеон Полоцкий, Фаддей Булгарин, Сергей Глинка, Федор Глинка, Михаил Глинка, Дмитрий Писарев, Федор Достоевский, Николай Пржевальский, Софья Ковалевская, Юрий Олеша, Игорь Стравинский, Дмитрий Шостакович, Лев Щерба, Андрей Громыко (в 1957-1985 гг. министр иностранных дел СССР).

"Утечка мозгов" в Россию продолжалась и в последние десятилетия - прежде всего благодаря первоклассным вузам Москвы, Ленинграда, Новосибирска, привлекавшим способную молодежь всего Союза. По разным причинам в Москве оказались писатели Алесь Адамович, Игорь Шкляревский, политики Аркадий Вольский, Виктор Аксючиц, генерал-десантник Георгий Шпак (командующий ВДВ РФ)⁹. Из-за меньшей жесткости московской цензуры (по сравнению с белорусской) на русском языке, в московских толстых журналах, увидели свет многие произведения Василя Быкава (ино-

⁹ Петербургский физик Жорес Алферов, академик РАН, ее вице-президент (с 1990 г.) и лауреат Нобелевской премии 2000 г., - родом из Витебска, выпускник одной из минских средних школ [Примечание 2003 г.].

гда в переводе автора). На русском языке пишут Алесь Адамович и Светлана Алексиевич - самые известные (после Быкава) за пределами СНГ белорусские авторы.

С другой стороны, и польской истории принадлежат имена знаменитостей, чье происхождение связано с Литвой-Беларусью: Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Станислав Монюшко, Юзеф Пилсудский и др.

Таким образом, близкое языковое родство оказывается отягчающим и объективным фактором глубокой русификации белорусов и (украинцев), которая по силе не сопоставима со степенью русификации других народов Империи. Вместе с тем существен и субъективный (человеческий) фактор: в течение десятилетий политика русификации планомерно проводилась (прежде всего в сферах конфессиональной, образования и издательского дела).

В Империи, в том числе в кругах либеральной и демократической интеллигенции, никто не заметил, что имперская машина раздавила народ, и никому не пришло в голову покаяться, извиниться "за своего царя", как и сейчас в России - за большевистский Советский Союз, преемником которого она стала¹⁰.

2.3. СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ

По данным Всесоюзной переписи 1989 г., процент нерусского населения (на территории СССР), считающего русский язык своим родным языком, а язык своей национальности - вторым языком, был максимально высоким среди некоторых народов Крайнего Севера

¹⁰ Этот давний шовинизм по отношению к Беларуси и Украине жив до сих пор. Отсюда этическая глухота, например, Солженицына: он не чувствует обидности для украинцев и белорусов своего сочинения *Как нам обустроить Россию*. Между тем реакция на его проект национального "обустройства" была однозначно отрицательной в Украине и Беларуси: в нем почувствовали оскорбительную великодержавность. Отношение к Украине и Беларуси как к бедным и не заслуживающим внимания родственникам вполне живо в современной русской ментальности, причем на безотчетном (т.е. достаточно глубоком) уровне. Это проявляется по-разному - и в миролюбивом убеждении московского инженера в том, что "язык практически один", и в нечаянной, конечно, дискриминации "младших братьев" на торжественном открытии славистической конференции в Московском университете имени Ломоносова (ноябрь 1993 г.), когда церемонно приветствовались дипломаты из миссий славянских государств "дальнего зарубежья", однако Украина и Беларусь, государства-члены ООН, имеющие посольства в Москве, не были даже упомянуты.

2. Языковая ситуация в Беларуси:

(манси, нивхи, орочи, алеуты и др.) и финно-угорских народов, не имевших автономии (ижорцы, вепсы), затем среди карелов (часть населения Карельской АССР в составе РСФСР); затем следуют крупные славянские народы, обладавшие, согласно советским конституциям, максимальной степенью государственной самостоятельности, - белорусы и украинцы (см. Табл. 2.а).

Табл. 2.а. Количественное соотношение групп населения (некоторых нерусских народов СССР), назвавших в качестве своего родного языка: а) язык своей национальности; б) русский язык

Нерусские народы СССР	Численность населения	Процент лиц, считающих своим родным языком:	
		язык своей национальности	русский язык
Нивхи	4631	23, 29 %	76, 20 %
Ижорцы	820	36, 82 %	51, 82 %
Вепсы	12501	50, 83 %	48, 52 %
Карелы	130929	47, 76 %	51, 83 %
Белорусы	10'036251	70, 91 %	28, 51 %
Украинцы	44'186006	81, 06 %	18, 80 %
Чуваши	1'773645	77, 50 %	22, 20 %
Татары	5'522096	85, 56 %	14, 18 %
Башкиры	1'344273	72, 90 %	10, 05 %

Источник (абсолютных показателей): Национальный состав 1991, 20-29.

Хотя процент белорусов, назвавших своим родным языком белорусский, в 1989 г. был в БССР выше, чем в целом по СССР (соответственно 80,22 % и 70, 91%), тем не менее в бывшем СССР Беларусь занимала первое место среди союзных республик по распространенности русского языка. В 1970-1989 гг. число жителей Беларуси, считающих русский язык родным или языком, которым они свободно владеют, росло (см. Табл. 2.б).

Табл. 2.б. Численный рост групп населения БССР, считающих русский язык своим родным или вторым языком

Из общей численности населения БССР	Переписи населения СССР		
	1970	1979	1989
русский язык считают своим родным языком	1'922379 (21,3 %)	2'697581 (28,3 %)	3'243179 (31,9 %)
русский язык назван вторым языком народов СССР, которым человек свободно владеет	4'082084 (45,3 %)	5'106862 (53,6 %)	5'156622 (50,8 %)
Всего:	66, %	81,9 %	82,7 %

Источники (абсолютных показателей): Итоги 1973, 192; Итоги 1989, 239; Национальный состав 1991, 20-21.

В какой степени приоритетность русского или белорусского языков связана с национальностью жителей Беларуси, можно судить по *Табл. 2.с.*

Табл.2.с. Национальный состав населения БССР по переписи 1989 г.; численность и процент лиц (разных национальностей), считающих белорусский или русский языки своим родным или вторым языком

Общая численность населения БССР 1989 г. 10'151806	Родной язык		Язык, которым человек свободно владеет ("второй родной")	
	Белорусский	Русский	Белорусский	Русский
белорусы 7'904623	6'341410 (80, 22 %)	1'559832 (19, 73 %)	749367 (9, 48 %)	4'776120 (60, 42 %)
русские 1'342099	29885 (2, 22 %)	1'311043 (97, 68 %)	328633 (24, 48 %)	23870 (1, 77 %)
поляки 417720	266790 (63, 86 %)	94240 (22, 56 %)	74391 (17, 80 %)	186855 (44, 73 %)
украинцы 291008	17016 (5, 84 %)	141745 (48, 70 %)	30348 (10, 42 %)	120595 (41, 44 %)
евреи 111883	2388 (2, 13 %)	100739 (90, 03 %)	30899 (27, 61 %)	9647 (8, 62 %)

Источник (абсолютных показателей): Национальный состав 1991, 20-21, 88.

В послевоенное время в городах Беларуси говорят по-русски. В еженедельнике *Літаратура і мастацтва* (1993, 24.07), со ссылкой на "служебные данные" академического Института искусствоведения, этнографии и фольклора, назывались такие цифры: в Минске постоянно пользуются белорусским языком едва 1,5-2% жителей. Хаотично русифицируется сельская школа. В.Л. Веренич так пишет о результатах этого процесса (1982 г., деревня Бережное Брестской области).

"Языком обучения в Бережновской средней школе, как и во всех сельских школах района, считается белорусский. Однако с конца 60-х годов в этой школе стал широко использоваться русский язык. В настоящее время полностью учат на белорусском языке только детей начальных классов. В средних классах часть предметов ведется на белорусском, а часть - на русском языке. Учащиеся старших классов, особенно выпускных, почти полностью обучаются на русском языке. Все школьные стенды, витрины, стенгазеты, методические пособия и литература представлены на русском языке. На нем проводятся также пионерские сборы, комсомольские, классные и общешкольные собрания и другие внеклассные мероприятия. По-русски разговаривают с детьми дошкольного возраста воспитатели в детском саду и яслях" (Русский язык 1985, 48).

2. Языковая ситуация в Беларуси:

В деревнях белорусский язык сохраняется в повседневном общении в семье и на работе, однако книги и периодика предпочитают русскоязычные. Например, в Бережном (население 2381 человек, из них белорусов 98 %) в 1982 г. выписывалось 2067 экземпляров газет и журналов, из них на русском языке - 76,2 % (Русский язык 1985, 47-49).

Однако в репрезентативных целях, на дотациях государства продолжалось издание белорусской художественной литературы, поддерживались белорусскоязычные газеты и журналы (при этом их тираж всегда ниже аналогичных русскоязычных республиканских изданий), продолжали работать белорусскоязычные театры¹¹.

В 1993 г. по I телевизионному каналу и I каналу радио идут программы белорусских государственных компаний, в основном на белорусском языке, в достаточной мере понятном всему населению Беларуси. Передачи "Останкино" занимают II канал, "Россия" - III, программы Санкт-Петербурга - IV канал (однако прием передач последних двух каналов возможен не на всей территории Беларуси). В приграничных западных районах желающие принимают программы польского ТВ. Все шире распространяются коммерческое кабельное ТВ (на русском языке).

В целом телевидение Беларуси функционирует не как основной и самостоятельный канал информации и развлекательных программ, но как местное дополнение к передачам из Москвы. Новости о "ближнем" и "дальнем" зарубежье передаются, как правило, "из вторых рук" (не от собственных корреспондентов) и позже московских сообщений. Однако, несмотря на профессиональную не конкурентоспособность по отношению к каналам "Останкино" и "Россия", белорусское ТВ находит своего зрителя благодаря информации именно регионального характера.

Книжный и газетно-журнальный рынок послевоенной Беларуси складывался из продукции "общесоюзной" (т.е. "центральных"

¹¹ В 1994 г. Беларуси было 18 театров, из них 4 белорусскоязычных. В минском Белорусском государственном академическом театре имени Янки Купалы (открыт в 1920 г.), по общему мнению, лучшем драматическом театре Беларуси, на репетициях рабочим "метаязыком" (части?) режиссеров был русский (сведения 1989-1991 гг.). В этой связи ср. замечание в еженедельнике *Літаратура і мастацтва* об одном из актеров театра: "Кин-Каминский - один из тех редких актеров на купаловской сцене, которые не путаются в падежах и согласованиях" (1993, № 29; перевод с белорусского).

московских и отчасти ленинградских издательств) и белорусской, с существенным преобладанием первой. Это соотношение в целом сохраняется и в настоящее время (несмотря на большие перемены как в составе и характере издательств, так и в книжном репертуаре). В продукции белорусских издательств, за исключением издательств, специализирующихся на выпуске художественной литературы, до 1992 г. преобладали книги на русском языке. В Беларуси в 80-ых гг. выпуск книг на белорусском языке составлял по числу названий около 26 %, а по тиражу - 16 % (Кротюк 1990).

Государственная политика белорусизации способствует увеличению доли белорусскоязычных изданий, однако текущий общий экономический кризис приводит к сокращению выпуска книг на обоих языках (см. Табл. 2.d).

Табл. 2.d. Динамика количества книг, изданных в Беларуси на белорусском и русском языках в начале 1990-х гг.

Количество названий книг, изданных в течение месяца на языках	июнь 1990	июнь 1991	июнь 1992	июнь 1993
белорусском	29	37	22	25
русском	55	45	39	22

Источник: Новыя кнігі 1990-1993.

Парадоксальность языковой ситуации в Беларуси в том, что основным языком большинства жителей Республики, в том числе белорусов, служит русский, и однако свыше 80 % белорусов и 65 % всего населения называют своим родным языком белорусский. Это означает, что у белорусского языка его этническая функция (быть национальным символом, консолидировать народ и отличать его от других этносов) первенствует над коммуникативной функцией.

2.4. СВОЕОБРАЗИЕ ЭТНОЯЗЫКОВОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ

В тени двух сильных культур, утратившие свою государственность и придавленные имперским гнетом, с беспамятным самоназванием *тутэйшыя*, ('здешние, местные') и неустановившимся внешним этнонимом (*литовцы, литвины, литвяки, крывичи, белорусы*), с землей, чье имя заменили географической перифразой *Се-*

2. Языковая ситуация в Беларуси:

*веро-Западный край*¹², с языком, не допущенным в школы, белорусы с середины XIX в. и в первом десятилетии XX в. только начинали формировать свое национальное самосознание. Его вносило в умы национальное возрождение 1906-1915 гг., укрепляло образование Белорусской Народной Республики (25.03.1918-12.1918), а затем существование БССР (01.01.1919-25.08.1993), имевшей максимально высокий уровень государственности в составе бывшего СССР (союзная (не автономная) республика), а также членство БССР в ООН со дня учреждения Организации. Росту этнического самосознания белорусов, далее, способствовала государственная политика белорусизации в первое советское десятилетие, а в последние годы - "парад суверенитетов", распад СССР, провозглашение статуса Беларуси как нейтрального безъядерного государства и новый прилив надежд на возрождение у национальной интеллигенции в сочетании с государственной политикой белорусизации.

Белорусское самосознание менее определено и выразительно (в сравнении с самосознанием соседей - поляков, литовцев, украинцев, русских). Если русские "легко" (незаметно для себя) ассимилируют представителей других этносов, то белорусы, напротив, не ассимилируют пришельцев, но и не придают серьезного значения этническим различиям (это касается различий прежде всего между восточными славянами, а затем между белорусами и поляками). Однако сами белорусы легко ассимилируются в иноэтничной среде. Этно-религиозную толерантность белорусов и вместе с тем их склонность к экономической "децентрализации" (относительно Петербурга и Москвы) отмечал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ 1913, 33).

О слабости белорусского этноязыкового самосознания говорит отсутствие в Беларуси 70-80-ых гг. национального диссидентского движения (как, впрочем, и правозащитного).

Отсутствие диссидентства в Беларуси, как и в республиках Средней Азии и в Молдове, однако в отличие от Украины, отмечалось внешними наблюдателями (ср. Мотул 1987, 126, 152). Белорусский "самиздат" насчитывает три произведения: 1) анонимная сатирическая поэма капустниковского толка *Сказ пра Лысую Гару* (1975) о распределении участков в дачном кооперативе Союза белорусских писателей; 2) *Письмо русскому другу* (напи-

¹² В межвоенной Польше принадлежавшая ей территория Западной Беларуси тоже не называлась этнически (т.е. белорусской), но географически, с Польшей в качестве точки отсчета: *Kresy* ('окраины') или *Ziemie Północno-Wschodnie*.

сано по-русски в 1976-77 г. сотрудником одного из гуманитарных НИИ в Москве; см. Letter 1979), содержащее романтический призыв к взаимному уважению народов и неприятию денационализации; 3) сборник документальных материалов об отношении к белорусскому языку в Беларуси, подготовленный в 1979-1981 гг. Олегом Бембелем к изданию в Минске, однако не разрешенный к публикации и, в отличие от *Сказа пра Лысую Гару*, не изданный на родине до сих пор (см. Бембель 1985).

В Беларуси интерес к языковым вопросам (в релевантном сравнении с Украиной) был невысоким. Журнал *Советская этнография*, публикуя обзор читательских писем по национально-языковому вопросу, присланных в центральные газеты в декабре-январе 1987-88 гг., указывает количество писем (по темам) из отдельных союзных республик (Коротеева, Мосесова 1988). Писем по вопросам языка из Украины было получено 24, из Беларуси - одно письмо (при том что численность населения Украины превышает население Беларуси только в 5 раз). Закономерно, что и Закон о языках в Беларуси принимается после того, как аналогичные законы приняли в большинстве бывших союзных республик (позже, чем в Беларуси, вышел закон о языках в Туркмении и, уже накануне распада СССР (25.11.1991), - в Российской Федерации).

По содержанию белорусский Закон о языках носит вторичный, подражательно-калькирующий характер. В нем нет самостоятельных принципиальных решений; вместе с тем во внимание не принимаются юридически и логически более четкие законы о языках прибалтийских государств, прежде всего Эстонии (см. Мечковская 1992, 85-86). Белорусский закон о языках ближе всего к одноименному закону Украинской ССР - такой же многословный в перечислении ведомств и органов, которым вменяется вести дела на государственном языке, "а при необходимости - на белорусском и русском или другом языке", такой же неопределенный в разрешении коллизий, могущих возникнуть при выборе языка. Например, в белорусском законе о языках не определена зависимость между "национальностью" и "языком обучения": отсутствие общедемократической нормы, в соответствии с которой человек свободен в выборе языка обучения (т.е. имеет право учиться не обязательно на родном и не обязательно на государственном языке) уже привели в Гродно к отклонению судебного иска родителей к городским властям (преобразовавшим русскую школу в белорусскую),

2. Языковая ситуация в Беларуси:

на том основании, что по паспорту родители большинства школьников - белорусы (см. Дрозд 1992).

Юридическая неразработанность *Закона о языках*, как и его вторичность, симптоматичны для современного белорусского национального движения: ему не хватает притягательных идей и ярких личностей - говорящих по-белорусски "властителей дум", телезвезд, кумиров эстрады. "Назаві хоць адну формулу, якую адраджэнне 80-90гадоў прыдумала само", - с горечью задавал невыполнимую задачу журналист Сяргей Дубавец, один из ведущих белорусских интеллектуалов (*Літаратура і мастацтва*, 1993, 05.03).

Несмотря на поздний и неяркий характер белорусского этнического самосознания, оно достаточно целостно и однородно в региональном отношении. В Беларуси нет серьезных (чреватых сепаратизмом) региональных различий. Этноязыковое своеобразие белорусско-украинского Западного Полесья пока не реализуется в представительном этнообразующем движении¹³.

В целом этноязыковое самосознание белорусов противоречиво. В государстве, 80 % населения которого составляют белорусы, большинство граждан высказывается за государственное двуязычие. "Центр исследований будущего" при издательской компании "Эридан" предложил 1448 респондентам (представляющим население областей Беларуси и города Минска) вписать свой вариант выбора в формулировку: "Государственным языком Республики Беларусь должен быть:...". Результаты опроса таковы:

60,2 %	-	белорусский и русский
22,7 %	-	белорусский
6,9 %	-	русский
6,6 %	-	белорусский, русский, украинский, польский, еврейский, татарский
3,6 %	-	не ответившие

Источник: газета Советская Белоруссия, 1993, 07.07.

¹³ Впрочем, в 1990 г. заявило о себе общественно-культурное объединение *Полісьсе*. См. публикации учредительной конференции: *Літвэжа (поліська) штудійно-прахтыцька конфырээнция: Тэзы проказэ (13-14 апріля 1990 р.)*, Пыньск 1990. - 98 с.; *Літвэжа (заходьшнопаліська) штудійно-прахтыцька конфырээнция: Матэрыялы (13-14 апріля 1990 р.)*, Пыньск 1990. - 23 с., а также несколько ротационных выпусков "информационного вестника" (небольшой газеты) *Збудінне* ('пробуждение'). Точка зрения оппонентов представлена в работе: Лысенка, Палуян 1992.

Между тем придание белорусскому языку статуса государственного - это не более чем слабая защита языка, который на глазах вытесняется русским языком. Статус государственного позволяет восстановить этнический язык хотя бы в узкой сфере официально-канцелярских бумаг и тем остановить его общее вытеснение из жизни. При известной неопределенности и в целом толерантности белорусского *Закона о языках*, который, в частности, гарантирует гражданам право обращаться в органы власти на любом языке (ст. 3), государственный статус одного языка отнюдь не ущемляет права русскоязычного населения (как, конечно, и не может обеспечить использование белорусского языка в повседневном общении). Но даже эта норма не поддерживается большинством жителей. Выступая за двуязычие, большинство населения Беларуси (в том числе большинство белорусов) фактически высказывается за сохранение существующих тенденций в языковой ситуации и, следовательно, смиряется с вытеснением белорусского языка.

Видя пассивность и равнодушие большинства, наиболее радикальная белорусская интеллигенция, в том числе депутаты, в отчаянии обостряют языковые вопросы. В газетах и на телевидении исчезли диалоги и "круглые столы" - их сменила жесткая, нередко с оскорблениями, заочная полемика, углубляющая конфронтацию. Участились антирусские выступления (словесные)¹⁴. Благодаря парламентской оппозиции Белорусского Народного Фронта и позиции Председателя Верховного Совета Станислава Шушкевича в 1993 г. удалось избежать вынесения на референдум вопроса об одном или двух государственных языках в Беларуси.

2.5. БЕЛОРУССКО-РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Взаимодействие языков представляет собой динамический аспект двуязычия. В характере их взаимодействия проявляются основные тенденции развития ситуации.

¹⁴ В виде иллюстрации упомяну об одном не самом крайнем случае: депутат С. Давидович назвал русский язык "болезнью, которая силой занесена на Беларусь"; *Народная газета* (орган Верховного Совета РБ) одобрительно процитировала эти слова и вынесла их в заглавие отчета о парламентском дне (1993, 01.12).

2.5.1. Характер белорусско-русского двуязычия

Белорусско-русское двуязычие в терминах социолингвистики может быть охарактеризовано следующим образом.

1) Данное двуязычие обусловлено в существенно большей мере социально-культурными факторами, нежели этническим.

2) Белорусско-русское двуязычие является коммуникативно несбалансированным, во-первых, по репертуару функций и сфер использования языков; во-вторых, по количеству и социально-образовательной и территориальной распределенности говорящих на белорусском и русском языках в Беларуси; в-третьих, по объему и темам коммуникации (с учетом всех видов речевой деятельности и объемов сказанного, написанного, тиражированного, переведенного ... и respect. услышанного, прочитанного). Принимая во внимание коммуникативную несбалансированность белорусско-русского двуязычия, ситуацию нельзя назвать "шизоглоссией" (вопреки Wexler 1992). Вместе с тем отсутствие функциональной иерархии между сферами использования языков по оси "престижность-непрестижность" не позволяет считать белорусско-русское двуязычие диглоссией (также вопреки Wexler 1992).

3) В силу близкого родства языков, индивидуальное двуязычие в Беларуси носит массовый характер. Большинство населения понимает речь на обоих языках, а значительные группы говорящих владеют вторым языком активно.

4) Умение говорить на литературном белорусском языке у большинства билингвов до 45 лет вырабатывается не в семье, но путем специального обучения: до 1990 г. - на отделениях белорусистики в вузах, сейчас помимо этого - в практических курсах белорусского языка для студентов разных специальностей; на языковых курсах для учителей, преподавателей, служащих; в близкой перспективе - в средних школах с белорусским языком обучения (пока ученики таких школ учатся в младших классах). Владение белорусским языком становится престижным - как полезная дополнительная квалификация (прежде всего в среде гуманитарной интеллигенции и учителей, отчасти средних и высших чиновников).

5) Как в белорусской, так и в русской речи жителей Беларуси наблюдаются разнообразные интерферентные явления. Интенсивность интерференции широко варьируется в зависимости от образования, языковой среды, профессии, возраста и национально-

сти говорящих. Однако неверно, что в Беларуси не знают как следует ни белорусского, ни русского (Dingley 1989, 186: "neither language is known properly").

2.5.2. Влияние белорусского языка на русский: основные черты "белорусского акцента"

В белорусских городах повседневное общение идет на русском языке, однако русская речь большинства белорусов со средним и отчасти высшим образованием содержит интерферентные явления, обусловленные белорусским субстратом (в небольших городах также и адстратом) речевой практики¹⁵. Влияние белорусского языка ощутимо также в речи русского населения Беларуси (хотя и в меньшей мере, чем в речи белорусов).

В фонетике это фрикативное [γ], твердые [ч] и [шч], всегда твердое [р]: *румка* и поэтому же гиперкорректное *буряки*, билабиальный полугласный [ǔ]: *ўсё*, *траўка*, *быў*, яканье (*зямля*); вызванные более сильной палатализацией зубных отчетливое дзеканье (*дзядзька*) и цеканье (*цёмный*). Фонетическая гиперкорректность нередко сказывается в "книжности" произношения, в его зависимости от орфографии (например, отчетливое произнесение двойных согласных: *грамматика*; произношение "почти по-писанному": *Михайловна*, *Павлович*, а не *Михална*, *Палыч*. В морфологии белорусское влияние на русскую речь сказывается в формы типа *с напам*, Дат.п. *Васю*, *два яблоки*, мн.ч. *окны*, *купить курей*, *у нашего собаки*, *по-ихнему*, *он хатит*, *они хочут*, плюсквамперфект типа *был написал письмо* и т.п.; в синтаксисе - в управлении по белорусским моделям: *смеялся с дурня*, *пришел со школы*, *поехал до брата*, *старший за Галю* и др. В лексике белорусизмы особенно часты в случаях отсутствия однословного русского соответствия (бел. *сніць* 'видеть во сне', *шувлядка* 'выдвижной ящик стола или тумбочки', *слоік* 'стеклянная банка' и т.п.).

Насыщенность белорусизмами русской речи белорусов и русских неодинакова у разных групп говорящих, однако необходи-

¹⁵ Трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой ненормативность русской речи белорусов связана в первую очередь с механизмами гиперкорректности (Мошенская 1992, 133).

2. Языковая ситуация в Беларуси:

мых социолингвистических данных пока нет (см. Германович, Михневич, Шуба 1981-1984; Германович, Шуба 1984-1992).

2.5.3. Влияние русского языка на белорусский: *трасянка* как множество стихийно русифицированных идиолектов

Если белорусское влияние на русскую речь можно описать в виде упорядоченного по встречаемости списка особенностей, составляющих "белорусский акцент"¹⁶, то сопоставимая картина воздействия русского языка на белорусскую речь невозможна. Это воздействие настолько сильно, что возникает ощущение не речи "с акцентом", а речи на другом языке - его называют в Беларуси *трасянка*¹⁷. Своеобразие *трасянки* в том, что в ней (в отличие от диалекта) отсутствует речевой узус. *Трасянку* составляют множество стихийно и в разной степени русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи¹⁸.

В нормативной белорусской речи (например, в речи ведущего телепрограммы, в отредактированном газетном тексте, в вузовской лекции, в речи учителя,) русизмы являются наиболее распространенными речевыми погрешностями. Повышенный самоконтроль многих говорящих на белорусском языке сказывается в скованности их лексического и синтаксического выбора.

Гиперкорректность кроме того заставляет избегать слова, похоже звучащие в обоих языках; отсюда сочетания *гуляць на скрыцы* (вместо *іграць на скрыцы*), *адчыні кнігу* (вместо *адкрыў кнігу*), *цяжарны гнет* (вместо *цяжкі гнет*; бел. *цяжарны* 'беременный'), *канчаток зімы* (вместо *канец зімы*; бел. *канчаток* 'окончание слова'). См. подробнее Мячкоўская, Мікалаенка 1993.

2.5.4. Двужычная камунікацыя

¹⁶ Эти черты соотносимы с особенностями переходных русско-белорусских говоров и островных русских говоров в Беларуси (См. главу "Русские говоры в Беларуси" в: Манаенкова 1992).

¹⁷ В белорусских словарях *трасянка* приводится в одном значении: 'смесь сена с соломой для корма скота'. В Украине хаотично русифицированную украинскую речь зовут *суржик* ('смесь зерна пшеницы и ржи, ржи и ячменя, ячменя и овса и т.п.').

¹⁸ Обзор последующих суждений о *трасянке* см. в работе Цыхун 2000. [Дополнение 2003 г.]

В условиях близкородственного и массового двуязычия жители Беларуси сравнительно быстро и легко, "естественно", усваивают неродной язык в довольно полном объеме и понимают друг друга без переводчика. Двуязычное общение, когда два языка (белорусский и русский; или белорусский и польский) используются в одном коммуникативном акте, в Беларуси издавна было обычным делом. Сейчас оно стало публичным и официальным.

Двуязычное общение можно постоянно наблюдать на заседаниях Верховного Совета. Кажется, здесь только однажды возникла заминка из-за двуязычия: говоривший по-белорусски оратор (в конце августа 1991 г.) употребил аббревиатуру ДКНС ('дзяржаўны камітэт па надзвычайнаму становішчу') - в соответствии с русск. ГКЧП... Позже эту аббревиатуру стали употреблять без перевода. Стали популярны издания на двух языках (*Народная газета, Добры вечар, Беларускі час, Рэспубліка* и др.), где прослеживаются содержательные зависимости между выбором языка и характером публикации. Иначе говоря, газеты начинают относиться к двум языкам как к двум функциональным разновидностям некоего одного языка, известного читателю.

В интервью на радио и телевидении преобладают двуязычные интервью: журналист спрашивает на белорусском, собеседники отвечают на русском или белорусском, причем жители сельской местности - преимущественно на русском (хотя, конечно, с сильным белорусским акцентом). Нередко оба языка присутствуют в одном газетном (журнальном) материале - в виде вкраплений, цитат, вставок на другом языке. Можно указать наиболее типичные функции элементов русской речи в белорусском тексте.

2. 5.4.1. Ироническое цитирование

(1) *Пацешна чытаць, напрыклад, у праекце статута СНД, што ў дачыненні да дзяржавы, якая парушыць статут, "могут прымяняцца меры"* (лидер БНФ археолог Зянон Пазыняк)

(2) *Тэрэтыку, які разважае у напрамку "так історычна склаўся", трэба ўсвядоміць: гісторыя пішыцца людзьмі і па сацыяльным заказе* (публицист Тамара Буйко)

В газетной полемике сочетание *великий и могучий* (цитата из хрестоматийно известной миниатюры Тургенева *Русский язык*) давно стала у защитников белорусского языка ироническим клише для обозначения русского языка. Встречаются целиком макаронические тексты, где чередуются абзацы на белорусском и русском, при этом внутри любого пассажа есть вставки на альтернативном

2. Языковая ситуация в Беларуси:

языке. Таков, в частности, памфлет Зянона Пазыняка на белорусском языке с русским заголовком *Письма товарищей* (*Народная газета*, 1993, 28.12), с выдержками из писем оппонентов на разных языках, с полемическими комментариями также на разных языках и пародийно-гротесковым ответом в основном на русском, но и с пассажами на белорусском. Острые насмешки при этом направлены не на "русскость" оппонентов, но на их "советскость".

2.5.4.2. Экспрессивно нейтральное цитирование

В текстах исторического и историко-публицистического характера цитаты на русском языке служат адекватной передаче соответствующего содержания. На лексическом уровне это ведет к заимствованиям. Например, З. Пазыняк не калькирует русский историзм *западник* (хотя 5-томный *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы* и дает белорусское соответствие *заходнік*), но использует русское слово.

2.5.4.3. Популярное клише (крылатое словцо, реминисценция, аллюзия), иногда с игровой деформацией, в художественно-выразительных и часто неполемических целях:

(3) *Як чалавек разумею: кожнаму трэба жыць, кожнаму трэба "детишкам на молочишко"* (писатель Генрих Далидович).

(4) *Такім людзям "несть числа"; [...] часам нейкае, скажам па-руску, "ёрничаньне" [...]* (поэт и литературный редактор Яўген Гучок; оба примера - из небольшой рецензии в *Літаратура і мастацтва*, 1993, 31.12), иначе говоря, подобные вкрапляются густо.

2.5.4.4. Метатекстовая функция: для пояснения белорусского слова или выражения при помощи русского соответствия

В начале обсуждения в Верховном Совете вопросов о таможене белорусскоязычные депутаты, употребляя белорусское слово *мытня*, считали нужным пояснить аудитории: *рускай мовай - таможня*. С. Шушкевич выступая по-белорусски на заводе в Минске (телевизионный репортаж 16.09.1993) и сказав *утрыманскія адносіны*, тут же пояснил: *ці па-руску кажучы, іждивенческие отношения*. Актриса театра Янки Купалы во время гастрольного спектакля в белорусском райцентре (играя в сатирической пьесе Николая Матуковского *Мудрамер*), вынужденно, видя, как зрители не могут понять завязки действия, "молча" (без комментария) заменяла в первых репликах пьесы белорусские слова *вынайшоў, вынаходца, вынаходства* соответствующими русскими словами (*изобрел, изобретатель, изобретение*).

2.5.4.5. Намеренные белорусские вкрапления в русском тексте

Белорусские слова в русской газетной и устной, в том числе публичной, речи появляются примерно с теми же целями, что и русские вкрапления в белорусском тексте. Чаще всего это ирония или пародия. Ср.:

(5) *Господин Шушкевич сразу же достиг згоды* [бел. *згода* 'согласие']

(6) *Разговора со спадарамі опять не вышло* [бел. *спадар* 'господин']).

Иногда белорусизмы употребляются для "красного словца", поскольку в условиях общепонятности речи на обоих языках белорусское слово может представляться говорящему более выразительным, или энергичным, или красивым, чем его русское соответствие. Например, часто говорят *абыякавы* вместо *безразличный*, *равнодушный*; *амаль* вместо *почти*; *з імпэтам* вместо *порывисто*, *с пылом* и т.п.. Однако значительно реже (чем русизмы в белорусской речи) - в качестве метаязыкового комментария-перевода или для сохранения точного смысла белорусского оригинала.

2.5.5. Единая коммуникативная система или *трасянка* для образованных?

Двуязычие белорусской печати (в том числе на одной газетной полосе), двуязычная коммуникация в парламенте, на телевидении и радио, в ученых советах вузов и НИИ, в школах и части министерств позволяют поставить вопрос: не образует ли этот сдвоенный канал новую, более гибкую и функционально дифференцированную коммуникативную систему? Во всяком случае, ее возможности привлекают тех, кто пишет и говорит на двух языках сразу.

2.6. НАЦИОНАЛЬНЫЙ РОМАНТИЗМ И ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА

То, что сделано в Беларуси для национального возрождения, при всей малости результатов, уже продлило жизнь литературного белорусского языка на несколько десятилетий. Почему бы не продолжить эти усилия дальше?

Василь Быкаў не раз пессимистически говорил и писал о перспективах белорусского национального возрождения. Белорусский акты о языке он назвал "бумажными законами и имитацией

2. Языковая ситуация в Беларуси:

бюрократической активности" в условиях "агонии национального языка" (*Літэратура і мастацтва*, 1991, 01.03); характерны также его выступления на Первом международном конгрессе белорусистов в мае 1991 г. (Быкаў 1993, 5) и интервью белорусской радиостанции *Свабода* (сентябрь 1993 г.), он которое закончил словами: *Дай, Божа, каб я памыліўся.*

Сторонние наблюдатели пишут о будущем белорусского языка или пессимистически (Wexler 1985, Solchanyk 1985¹⁹), или не ставят всех точек над *i* (Lewis 1972, Conquest 1986, Motyl 1987, Hur 1988, Dingley 1989).

Вместе с тем справедливо указывается на упорную выживаемость белорусского языка (Mayo 1982, Wexler 1992). В условиях многовекового ближайшерадственного двуязычия, всегда в тени двух сильных культур, десятилетиями под денационализирующим имперским прессом, язык все же продолжает существовать. Больше того, временами он переживает подъем, прилив новых сил: возрастает объем коммуникации, появляются новые говорящие-слушающие и новые возможности выражения по-белорусски. Именно такое возрождение белорусского языка происходит в последние годы. П. Векслер считает, что укрепление белорусского языка возможно только при ослаблении в Беларуси позиций русского языка (Wexler 1992, 49). Г. Бидер, констатируя, что и в условиях двуязычия положение белорусского языка значительно укрепились, видит главные трудности национального возрождения в кризисной экономике (Bieder 1992, 165-166; см. также Bieder 1991).

Движение за возрождение белорусского языка - это самое яркое проявление национального романтизма. Фактически движение защищает язык как с и м в о л нации, но стремится превратить его в р е а л ь н о е средство общения народа. Движение может увлекать сердца и умы и в результате обогащаться культурологическими, филолого-историческими и мифопоэтическими представлениями (вплоть до фетишизации языка), а также действительно увеличивать объем коммуникации на белорусском языке.

¹⁹ Большинство авторов, отмечая бóльшую степень русифицированности Беларуси по сравнению с Украиной, не считают этот фактор достаточным для иной судьбы украинского языка. Другого мнения Роман Солганьк: основываясь на демографических данных, он считает, что центры украинского национального самосознания сейчас находятся в городах (а не в сельской местности), и видит в этом возможность возрождения украинского языка (Solchanyk 1985).

Однако если движение за белорусский язык становится одной из линий практической политики (государственной власти, органов образования, министерства информации т.п.), то оно не должно оставаться романтическим - это опасно. При соприкосновении с жизнью национальный романтизм или отступает (в Беларуси чаще всего так и происходит), или вступает в более или менее резкий конфликт с жизнью и, таким образом, становится фактором дестабилизации общества. В современной белорусизации общества "топтание на месте" происходит почти всюду: белорусский язык не становится служебным языком в большинстве учреждений, на него не переводят делопроизводство, не переходят суды и милиция, торговля и банки. Однако иная картина наблюдается в решающей для возрождения сфере - в народном образовании, особенно среднем. По официальным данным, растет процент белорусскоязычных школ и классов. Но именно школа и вызывает наибольшую тревогу: не за язык - за школьников. Несомненно, основной груз белорусизации сейчас лежит на плечах тех младших школьников, кто из русскоязычных семей (белорусов, русских, украинцев, поляков, евреев) пришел в классы и школы с белорусским языком обучения. У меня нет уверенности, что не романтики и не те чиновники, которые привыкли в любом случае "рапортовать об исполнении", но профессионалы всерьез просчитывали психологические, дидактические и в конечном счете социальные последствия резкой белорусизации школы.

Жизнь, практика, углубление рыночных отношений (в том числе в сфере образования - например, рост числа платных альтернативных учебных заведений), ожидаемое углубление демократии и рост правовой культуры населения, - всё это будет способствовать тому, что русский язык в Беларуси будет оставаться основным средством общения в повседневной жизни городов и в сфере массовой коммуникации.

Вместе с тем позиции белорусского языка будут укрепляться. Если говорить о необходимых условиях этого процесса, то определить их можно так: 1) суверенитет Беларуси; 2) сохранение за белорусским языком статуса единственного государственного языка Республики Беларусь; 3) продолжение политики государственной поддержки белорусского языка (однако с учетом того, в какой мере с такой политикой согласны налогоплательщики; необхо-

2. Языковая ситуация в Беларуси:

дима также существенно бóльшая осмотрительность и гибкость в переводе школ на белорусский язык); 4) более широкое использование белорусского языка в качестве профессионального (служебного) языка; 5) духовная и информационно-интеллектуальная значительность и просто искусность сейчас создаваемых произведений на белорусском языке (прежде всего в сфере массовой коммуникации), их конкурентоспособность по отношению к основным видам русскоязычной информации, циркулирующей в Беларуси.

3. ЗАЧЕМ ОДНОМУ НАРОДУ ДВЕ АЗБУКИ? (КИРИЛЛИЦА И ЛАТИНКА В КОЛЛИЗИЯХ БЕЛОРУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ)*

Орфография, сия геральдика языка...
Пушкин

3.1. ПИСЬМО КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ НАРОДА

В письме люди долго видели чудо, поэтому многие народы верили, что письмо создали боги или божественные первопредки (культурные герои). Нередко происходила сакрализация самих букв Писания. Это заставляло видеть в графике и орфографии проблемы вероисповедной важности и относиться к ошибке в письме как к ереси. Но и после того, как орфографию перестали отождествлять с ортодоксией, в традициях, связанных с религиями Писания, столетиями сохранялись представления об особой важности графики и орфографии. В письме народ видит корни своей культуры и вероисповедной традиции. Ни один спор о “правильности” в языке, о диалектных или стилистических предпочтениях словарей и грамматик не бывал таким острым и пристрастным, как графико-орфографические дебаты, легко перераставшие в “азбучные войны”, нередко с анафемствованием и физическими репрессиями.

В славянском мире ареалы кириллического и латинского, а также глаголического письма соответствуют границам вероисповеданий: православные и униаты пишут на кириллице, католики - на латинице, в то время как глаголица всегда сопутствовала некоторому конфессиональному обособлению (например, хорват-глаголитов от православия). К глаголице обращались и предрефор-

* Впервые напечатано в журнале *Slavia orientalis* (t. 47, 1998, 277-292). В настоящем сборнике статья (в сокращении) публикуется с любезного разрешения *Wydawnictwa Bohdan Grell i córka s.c.*

3. Зачем одному народу две азбуки?

мационно настроенные чехи (в частности, имеются глаголические версии проповедей Яна Гуса) и под их влиянием поляки (есть свидетельства о глаголических мессах в Кракове в начале XV в.; см. Picchio 1980, 26-27). Сосуществование кириллицы и латинки в белорусском письме, практически постоянное в XIX в. и первые десятилетия XX в., предстает более интенсивным и парадоксальным, чем алфавитная тройственность хорватской печати XVI в. Хорватская конкуренция алфавитов обусловлена конфессиональными факторами и не связана с процессами этнического самоопределения. Иначе в истории белорусского народа (во времена Российской Империи): оппозиция кириллицы и латинки, по-прежнему сохраняя связь с разными вероисповеданиями, оказалась включенной также и в ряд других национально-политических и культурных коллизий.

3.2. АЛФАВИТНАЯ РАЗДВОЕННОСТЬ В РЯДУ ФАКТОРОВ, ЗАТРУДНЯВШИХ НАЦИОНАЛЬНУЮ КОНСОЛИДАЦИЮ БЕЛОРУСОВ

Начиная со второй половины XVI в. в истории белорусского народа наступают трудные времена. Ослабевает его политическая самостоятельность. Согласно Люблинской унии 1596 г., Великое княжество Литовское и Польское Королевство объединяются в конфедеративном государстве - Речи Посполитой. Вся цепь неблагоприятных обстоятельств (гео- и военно-политических, конфессиональных, социолингвистических), ослаблявших независимость Княжества и мешавших белорусам поспевать за "исторически более счастливыми народами" (выражение Л.А. Булаховского), рассмотрена в следующей статье сборника (4-й по оглавлению). Данная статья сосредоточена на одном из таких неблагоприятных обстоятельств - на более чем двухсотлетнем сосуществовании в белорусской культуре кириллического и латинского письма.

Соседство кириллицы и латинки в белорусском и западноукраинском ареалах, т.е. на пограничье православия и католичества, - вполне естественно. Исконная для восточных славян кириллица дополняется польской латинкой у украинцев в XVII в., у белорусов - в XVIII. Однако в украинской культуре латинка не получила значительного распространения (в силу преобладания православия в Надднепровской Украине и влияния москвофилов и униатов в Австрийской Украине). Существенно также, что применительно к ук-

раинской письменности не приходится говорить о п а р а л л е - л и з м е кириллицы и латинки: в Галиции, в отличие от белорусского возрождения 1906-1918 гг., разная графика не использовалась для печати о д н о и м е н н ы х книг, газет и журналов. Шрифтовое дублирование основных белорусских текстов р а с т о ч а л о силы возрождения и не могло не задержать сплочение народа.

3.3. ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ КИРИЛЛИЦЫ, ГРАЖДАНКИ И ЛАТИНКИ В БЕЛОРУССКОМ ПИСЬМЕ

Кирилловская графика, традиционная для православных славян, была изначальной в белорусской рукописной традиции и в первопечатных белорусских книгах Франтишка Скорины. При этом Скорина изменил начертание кириллических букв: под влиянием антиквы и некоторых западнорусских почерков XIV-XV вв. в его изданиях буквы становятся более округлыми и легкими, что делало набранный текст более светлым и прозрачным. К тому же Скорина меняет состав кириллицы: некоторые архаические дублетные буквы у него не встречаются, другие дублеты он использует реже, чем в предшествующем церковнославянском письме. По сути Скорина предугадал облик будущей гражданской азбуки, почти на два века опередив реформу графики при Петре I 1708-1710 гг. (см. подробнее: Мечковская 1989, 249-250).

Латиница была издавна известна белорусам благодаря контактам с польской письменной культурой, благодаря белорусским традициям латинской образованности, а позже также и знакомству с письменностью соседей-литовцев (книгопечатание на литовском языке началось с 1547 г.). Польское влияние на белорусскую культуру, в том числе белорусско-польское двуязычие образованных и/или социально мобильных белорусов, привело к использованию латинской графики в белорусском письме. Сохранившиеся ранние примеры такой записи относятся к середине XVIII в.

3.4. ГРАФИКА И ЯЗЫКИ БЕЛОРУССКИХ ИЗДАНИЙ 1801-1917 ГГ.

В белорусском письме количественные соотношения написанного (и тиражированного) на кириллице и на латинице существенно

3. Зачем одному народу две азбуки?

различались в зависимости от времени и отчасти места изданий. По своему языку издания, содержащие тексты на белорусском языке, образуют три группы: 1) одноязычные издания на белорусском языке (в латинице или кириллице); 2) двуязычные издания на русском и белорусском языках (в кириллице); 3) двуязычные издания на польском и белорусском языках (в латинице). Количественные соотношения указанных видов изданий меняются после 1905 г., т.е. с началом Первого национального возрождения (см. *Табл. 3.а*)¹.

Табл. 3.а. Языки и графика белорусских изданий в 1801-1905 и 1906-1917 гг.

Годы	Белорусскоязычные издания Всего названий - 262		Двуязычные издания Всего названий - 174	
	На латинке	На кириллице	Польско-белорусские (на латинке)	Русско-белорусские (на кириллице)
1801-1905	027	022	30	112
1906-1917	084	129	02	030
Всего:	111	151	32	142

После 1905 г. не только возрастает число изданий на белорусском языке, но и кириллица начинает преобладать над латинкой, несмотря на то, что в XIX в. белорусскоязычные издания (книги и периодика) латинским шрифтом и польско-белорусские книги (также на латинке) появились в Беларуси раньше, чем кириллические белорусские и русско-белорусские издания (хронологически первые издания каждой группы представлены в *Табл. 3б*, с. 51).

Приведенные данные об употребительности кириллицы и латиницы релевантны только для публикаций на белорусском языке, иначе говоря, это факты к характеристике маленького белорусскоязычного книжного островка, омываемого, с одной стороны, безбрежным морем кириллической продукции на русском языке, а с другой, - течениями польской книги на латинке, т.е. потоком не столь широким, но для пробуждающегося белорусского национального сознания притягательным.

¹ Таблица составлена на основе сведений, приведенных в библиографии: *Кніга Беларусі 1517-1917: Зводны каталог*, Мінск 1986. Вместе с тем следует принять во внимание неполноту справочника - как по недосмотру (например, не указаны публикации *Энеіды навыварат*), так и по цензурно-идеологическим причинам (ср. неупоминание *Кароткай гісторыі Беларусі* Вацлава Ластовского, напечатанной в 1910 г. в Вильне в двух графических версиях).

Табл. 3б. Языки и графика белорусских книг и периодических изданий в 1801-1917 гг.; параллельные издания на двух алфавитах 1906-1917 гг.

Издания на белорусском языке 1801-1917		Двуязычные издания 1801-1917		
Латинка	Кириллица (гражданка)	Параллельные издания в двух алфавитах 1906-1917	Польско-белорусские	Русско-белорусские
Общее количество названий - 81, в том числе книг - 73; газет и журналов - 8	Общее количество названий - 121, в том числе книг - 109; газет и журналов - 12	Общее количество названий - 60; в том числе книг - 56; газет и журналов - 4	Количество названий книг - 32	Количество названий книг - 142
<i>Krótkie zebrańje nauki Chrześcianskiej. Dla wieś niaków mówniasuch je zikiem polsko-ruskim wuznapnia Rzutmokokatolickiego. Wilno 1835. 24 s.</i>	<i>Бяседа старога вольніка з новымі пра іхня дзела. Б.м., б.г. 31 с. [Могилев 1861]</i>	[Каганец Карусь], <i>Вielaruskі лемнар. Рісцягвiтн 1906. 23 s.;</i> [Каганец Карусь], <i>Беларускi лемнар. Пецярбург 1906. 30 с.</i>	Војан, <i>Sześć rielwzsa. Wudawsa Adam Riejkiewicz. Wilno 1838. 252 s.</i>	<i>Опытн в русской словесности воспитанников гимназий Белорусского учебного округа. Вильна, 1839. УИІ, 525 с.</i>
<i>Niurka dwóch susiedoi. №№ 1-4 [Вielastok 1861-1862]</i>	<i>Свабода. Орган Беларускай рэвалюцыйнай грамады. Лидский повет, 1903</i>	<i>Nasza Dola. Pierzaja bielaruskaja hazeta / Wilnia 1906, №№ 1-6; Наша Доля. Першая беларуская газэта. Вильня 1906, №№ 1-6</i>	-	-

3. Зачем одному народу две азбуки?

3.5. В XIX в. БЕЛОРУССКОЕ СВОБОДОЛЮБИЕ ПРЕДПОЧИТАЛО ЛАТИНКУ

В белорусском письме первой половине XIX в. латинка преобладает почти безальтернативно. Особенно это ясно по составу списков произведений, распространявшихся в рукописи (поскольку переписчик, в отличие от издателя, не зависит от наличия желаемого шрифта в конкретной типографии). До середины века латинка - это естественное письмо частного человека, в том числе православного (отставного офицера-помещика или чиновника). Характерно, что на латинке был написан самый ранний из известных списков *Энеиды навыварат* (около 1837 г.), как, впрочем, и список, присланный в петербургский журнал *Маяк* (где в 1845 г. поэма была впервые напечатана, но уже гражданкой).

3.5.1. Ян Чачот

Когда Ян Чачот (Czeczot) включил в один из сборников белорусских народных песен в своем переводе на польский (*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie Sławiano-Krewickiej, Wilno 1844*) подборку из 28 “уласных сялянскіх песень” (определение Чачота), а в 6-м сборнике (1846) сохранил отдельные белорусские песни на языке оригинала, то мысль о кириллической печати для белорусских текстов, по-видимому, просто не возникала. Он адресовал свои издания польскому читателю - как фольклорист-романтик, как диалектолог и литератор, чувствующий выразительность провинциальной и архаичной речи в качестве дополнительных экзотических красок к польскому языку: “а некаторыя прыгожыя словы, уведзеныя ў польскую мову [...] павялічылі б без шкоды яе багацце [...]”. Однако в целом “кывіцкі дыялект” для Чачота - это скорее архаика: “[...] мова, на якой на нашай памяці любілі размаўляць паміж сабою старыя паны, што яшчэ жывуць, на якой дагэтуль гавораць паны і аканомы з сялянамі, на якой пісалі ў нас некалі афіцыйныя акты [...]” (Чачот 1996, 216).

Факт издания Яном Чачотом в Вильне в 1837-1846 гг. шести сборников народных песен имеет свою параллель или, так сказать, “аналог” в предыстории украинского национального возрождения. В 1827 г. в типографии Московского университета Михаил

Максимович публикует *Малороссийские песни* (2-е издание под заглавием *Украинские народные песни* - Киев 1834; 3-е - 1849 г.). В отмеченном сходстве нет неожиданности: интерес к фольклору вообще характерен для славянского возрождения первой половины XIX в. Однако на общем фоне различия между сборниками Чачота и Максимовича кардинальные. Чачот почти все переводит на польский язык. Максимович издает песни без перевода, печатая их гражданкой, но добавляя диакритику (*дашки*, т.е. 'крышечки') над буквами *o* и *e* для передачи нового украинского [i]. Изданный Максимовичем сборник сыграл выдающуюся роль в возрождении украинского языка. С этой книгой, как с Библией, не расставались Тарас Шевченко и Пантелеймон Кулиш; предисловие к нему стало манифестом зарождавшего украинского национализма. Что касается сборников Чачота, то они остались памятником фольклорно-этнографических увлечений "крэсового" польского предромантизма.

3.5.2. Винцент Дунин-Марцинкевич

Когда Винцент Дунин-Марцинкевич перевел на белорусский две главы из *Пана Тадеуша*, произведения отнюдь не фольклорного и простонародного, но книжно-поэтического и дворянского, и тем сделал самый решительный в XIX в. шаг для выявления культурных возможностей белорусского языка, то все же Дунин-Марцинкевич не подумал печатать свой труд в кириллице, хотя это было не только вполне доступно, но и проще, легче и, вполне вероятно, спасло бы публикацию, и перевод из *Пана Тадеуша* стал бы доступным белорусскому читателю уже в 1859 г. Выбор кириллицы явился бы шагом навстречу более широкой аудитории, но для Марцинкевича важнее были польская и антиимперская семиотика латинки, может быть, потому, что белорусский язык оставался другой условностью - театрально-литературной. Писатель Ядвигин Ш. [псевдоним Антона Лявицкого] так вспоминал об атмосфере в имении Марцинкевича, где он в 1875-76 гг. жил и учился в частной школе для "невяліччай грамадкі дзяцей" (шести учеников), открытой дочерью писателя без разрешения властей:

"Учылі нас там па расейску, па польску, па французку, вучылі розных навук, але ані гісторыі Беларусі, ані нават беларускай мовы мы ня чулі [...]"

3. Зачем одному народу две азбуки?

Мы нават яго твораў ня ўмелі. Калі-ж, бывало, прыезджалі суседзі-госьці, то чулі мы, як толькі зрэдка перакідываліся яны з гаспадаром, бытцам жартам, беларускімі слоўцамі, як гэта і цяпер вядзецца паміж дробных памешчыкоў (да каторых прыналежаў і Марцінкевіч), калі хочучь паказаць сваю дружбу, сваё «запанбрацтва». Умеў нябошчык заахвочычаць нас да навукі, умеў строіць жарты, быў для нас вельмі добрым [...], але с пісаньнем сваім, з думкамі сваімі - ад усіх запіраўся ў каморку! [...] у штодзенным сваім жыцці ня меў адвагі заявіць сябе шчырым беларусам, ня меў адвагі беларускую ідэю прыпасаваць да жыцця" (Ядвігін Ш. [1910] 1999, 734-735).

3.5.3. Кастусь Калиноўски

Латинская печать была единственно приемлемой для *Muzyckaj praudy* и писем *z pad szybienicy maskowskoj* католика Винцента Константина (Кастуся) Калиновского, обращенных *do ludu bialoruskiego, do muzykou ziemi Polskiej* (Цит. по публикации документов в издании: Giller 1867, 326-327, 335). Кириллица для него - это буквы врага, насаждающего свои *maskoŭskie szkoly* и церкви вместе со своей властью, против которой он ведет вооруженную борьбу; латиница в листовках Калиновского, была естественным письмом униата *Jaŝki haspadara z pad Wilni* (так он подписывал свои обращения к крестьянам) в защиту *Rządu*, враждебного русскому царю.

3.5.4. Францишак Багушевич

Латинка прижизненных книг Францишка Багушевича может казаться вынужденной - они выходили за границами Империи (Краков, Познань), где кириллического шрифта просто могло не быть в конкретной типографии. Однако сохранились свидетельства о том, что Багушевич хотел видеть свои книги исключительно в латинке. В 1918 г. петроградском журнале *Чырвоны шлях* Павел Любецкий писал: "Относительно этой *Скрыпачкі* [не сохранившийся рукописный сборник стихов Багушевича *Скрыпка беларуская*. - Н.М.] поэт завещал жене отдать ее в печать только при том условии, если она будет печататься латинскими буквами" (Любецкий 1918, 13).

Сейчас Багушевич видится как беззаветный защитник белорусского языка, однако, по-видимому, сам Багушевич не был полностью уверен в возрождении и функциональной полноте в белорусского языка. Ежи Туронек со ссылкой на публикацию 1933 г. пишет о том, что в 1891 г. Багушевич предпринимал практические шаги для открытия в Вильне тайных польских

школ (Tugonek 1986, 348). Стоит помнить также, что литературное творчество Багушевича развивалось на двух языках, при этом его публицистика написана на польском языке; его сохранившиеся письма также на польском. По-видимому, Багушевич был человеком двух культур, при этом, однако, не вполне “своим” в каждой из них: его белорусские стихи, надписанные крестьянскими псевдонимами (*Мацей Бурачок*, *Сымон Рэўка з-пад Барысава*), были стилизацией народной речи, своего рода “хождением в народ” совестливого белорусского шляхтича-интеллигента. Но даже такая условная белорусскость Багушевича, как и реальный демократизм его адвокатской практики, были радикальным отклонением от нравов современной ему Вильны. Близкие люди в конце 30-х гг. вспоминали факты, говорящие о “варожасці віленскага грамадзянства да «chłopotainstwa» Багушэвічавага” (Пачынальнікі 1977, 437).

В конце XIX в., в условиях нарастающей русификации Беларуси, многократного преобладания православного населения, подавляющего господства русскоязычной школы и книги, выбор ла-тинского шрифта для печати белорусского произведения становится семиотически более маркированным, чем в 60-х гг. Латинский шрифт означал романтический выбор более узкого канала коммуникации, и пишущий латинкой знал, что обращается к избранному меньшинству, оппозиционному по отношению к режиму. Предпочтение латинки, при всех индивидуальных различиях, становится знаком оппозиционности (иногда прямого вызова) режиму Российской империи, знаком католической, пропольской и “западной” (“европейской”) ориентации пишущего.

3.6. ДЛЯ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ БЕЛОРУССКАЯ ЛАТИНКА БЫЛА СТРАШНЕЕ, ЧЕМ БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Строго говоря, в XIX в. не было правительственных запретов публиковать вообще что-либо на украинском и белорусском языках. Запреты касались, во-первых, содержания публикаций; во-вторых, их шрифта. На языке оригинала публиковались исторические источники, фольклорные тексты и произведения изящной словесности, однако как бы в “русской рамке” (введения, предисловия, исследования, комментарии и т.п. должны были быть на русском языке). Запрещались учебные книги, а с 1892 г. и переводы, поскольку для такого рода текстов полагался литературный язык (не диалект), между тем белорусский и украинский языки трактовались именно в качестве диалектов русского языка. Понятно, что указанные жанрово-тематические

3. Зачем одному народу две азбуки?

ограничения все же оставляли возможность для публикаций на белорусском и украинском языках.

Значительно более жесткими были требования к шрифту украинских и белорусских публикаций: латинка запрещалась. В апреле 1859 г. цензура запретила печатание "азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку" и обязывала, "чтобы сочинения на малороссийском наречии, писанные собственно для распространения их между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами, и чтобы подобные народные книги, напечатанные за границею польским шрифтом, не были допускаемы к ввозу в Россию" (Сборник 1862, 473-474, 480.). Через несколько месяцев, в связи с печатанием *Пана Тадеуша* польским шрифтом, Главное управление цензуры распространило "запрещение применять польский шрифт к малороссийскому языку и на наречие белорусское" и определило "книгу «Pan Tadeusz» Мицкевича, в белорусском переводе Дунина-Марцинкевича, отпечатанную польским шрифтом, не выпускать в свет"(цит. по изданию: Пачынальнікі 1977, 135-136). Таким образом, латинка вызвала бóльшие репрессии, чем мог бы вызвать язык: к конфискации и уничтожению тиража привел не белорусский язык издания, и даже не факт перевода на белорусский, а польский шрифт книги. Между тем в это же время (конец 50-х гг.), едва ли не самое либеральное в российском XIX в.), украинские азбуки на гражданке (в частности, *Граматка* Пантелеймона Кулиша, 1857 г.) беспрепятственно печатались и распространялись в Надднепровской Украине.

И позже, в начале XX в., белорусская латинка вызывала бóльшую враждебность великодержавных шовинистов, чем сам язык. В латинке по-прежнему усматривали сепаратизм и "польскую угрозу". Выходившая в Вильне черносотенная газета *Крестьянин* в 1909 г. писала о *Нашей Ниве* (имея в виду ее версию в латинке): это "самоучитель польского языка, издаваемый по особому польскому методу" (цит. по изданию: Александровіч 1971, 213). В силу повышенной семиотичности алфавита, белорусская латинка вызывала бóльшие имперско-шовинистические препоны для возрождения, чем белорусские тексты на кириллице.

3.7. ШРИФТЫ “НАШАНІЎСКАГА АДРАДЖЭННЯ”: ЛАТИНКА ЗАЧИНАТЕЛЕЙ, ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ, КИРИЛЛИЧЕСКИЙ ВЫБОР ПОДПИСЧИКОВ

По традиции белорусского свободолюбия XIX в. возрождение 1906-1918 гг. не хотело расставаться с латинским шрифтом. Латинка была азбукой меньшинства белорусов², но она обладала особой социально-культурной семиотикой: это был знак “европейскости”, “культурности” белорусского возрождения, символ солидарности с польским свободолюбием и ориентации на польские авторитеты. Кроме того доля белорусов-католиков была выше в западных губерниях, чем по всей белорусской территории (в Виленской 32,8 %, в Гродненской - 13,3 %), а белорусское возрождение начиналось именно в западнобелорусских городах, а его зачинателями были в своем большинстве белорусы-католики, для которых первой азбукой была латинка.

До 1906 г. одни произведения на белорусском языке печатались польской латинкой, другие - гражданкой. На волне национального возрождения в Петербурге и в Вильне появляются параллельные издания одних и тех же произведений (в виде книг, брошюр, газет, журналов), которые различались шрифтом, - латинским или кириллическим. Библиография *Кнігі Беларусі. 1517-1917* называет 60 таких изданий (т.е. 30 кириллических и 30 латинских), в том числе две еженедельные газеты (в двух алфавитных версиях каждая). Самым значительным из параллельных изданий была *Наша Ніва* - в белорусских губерниях хронологически вторая газета на белорусском (после *Нашай Долі*), длительное время остававшаяся единственной белорусскоязычной газетой (при относительной многочисленности русскоязычных газет³).

В использовании двух алфавитов заключается одна из драматических коллизий “Нашаніўскага адраджэння”. Культурная весомость латинки была несопоставима с процентом белорусов-

² По данным I Всероссийской переписи 1897 г., белорусы-католики составляли 12,4 % населения Беларуси, включая Виленскую губернию (Беларусы 1996, 28.).

³ По данным С.Х. Александровича, в Беларуси в 1904 г. на русском языке выходило 11 газет, в 1917 г. - 17. (Александровіч 1971, 186). Кроме местных изданий, в Беларуси распространялись столичные газеты Империи.

3. Зачем одному народу две азбуки?

католиков. Разумеется, издатели и редакторы видели эти диспропорции. Осенью 1912 г. *Наша Ніва*, вынужденная из-за экономических трудностей перейти на печатание газеты одним шрифтом, открыла читательскую дискуссию о том, какой шрифт выбрать. Газета констатировала следующие количественные соотношения: "беларусоў праваслаўных, што знаюць толькі рускіе літэры, у пяць разоў больш, як каталікоў", пры гэтым "«Наша Ніва», друкаваная рускімі літэрамі, расходзіцца ў два разы болей, як друкаваная лацінскімі літэрамі" (*Наша Ніва*, 1912, № 19-20; цит. по изданию: Хрэстаматыя 1962, 205-206). Иными словами, процент читающих *Нашу Ніву* среди католиков был в 2,5 раза выше, чем доля читателей газеты среди православного населения.

И все же *Наша Ніва* перешла на кириллицу. Белорусская латинка тонула в море кириллической книжно-газетной продукции (прежде всего на русском языке). В такой ситуации латинку выбирал слишком узкий круг читателей. Массе белорусского населения латинка оставалась недоступной и поэтому чужой, что облегчало ее третирование шовинистами (как инструмента "сепаратизма", "польской интриги" и т.п.). Е. Туронек считает что, идеологи национального возрождения начала XX в. надеялись с помощью параллельных изданий на двух алфавитах уменьшить графическую разобщенность католиков и православных и тем способствовать объединению народа (Туронек 1986, 351). Но еще вопрос, можно ли в придавленном русификацией крае, где процент грамотных не достигал и четверти населения, объединять народ, предлагая его разным группам разные алфавиты.

Двойной набор букв тормозил сложение единых общенациональных норм белорусского языка. Одно из свидетельств затянувшейся нестабильности: еще в 1926 г. в Белорусской академии обсуждали проекты реформ графики (не орфографии !): например, Язэп Лёсик предлагал ввести букву J - в других славянских странах время столь крутых проектов уже было позади.

3.8. КАК УМЕНЬШАЛИ "РУССКОСТЬ" БЕЛОРУССКОЙ ГРАЖДАНКИ И "ПОЛЬСКОСТЬ" БЕЛОРУССКОЙ ЛАТИНКИ

Оба алфавита претерпели на белорусской почве определенные изменения. Некоторые из них были связаны с фонетико-фонологическим своеобразием белорусского языка. Это такие измене-

ния: 1) отказ от польских носовых букв, вполне обычных не только у Калиновского (*Mużyskaja prauđa*, 1862-63 гг.), но еще и у Багушевича (*Dudka białoruskaja*, Kraków 1891); 2) поиски латинских и кириллических знаков для [ǔ]; 3) неупотребление буквы Щ. Другие изменения в графике были связаны с преодолением нефункциональной вариантности русских аллографов И и І; Е и Ё (“ять”); Ъ и Ь (при передаче звука [j]). Известен факт использования одного из украинских вариантов кириллицы (так называемой *драгомановки* - без букв Я, Ю, зато с буквой Ј, без Ы, зато с буквой И после твердых согласных и с І после мягких) в переводной (с украинского) брошюре *Про багацтво да бьедносць*, изданной в Женеве в 1881 г. (см. фрагмент текста в: Хрэстаматыя 1962, 178-181).

Для семиотики культуры особенно интересны те принципиальные изменения, которые с началом белорусского возрождения были внесены в латинку. В ряде изданий, начиная с букваря 1906 г. *Bełaruski lementar*⁴, шипящие звуки стали обозначаться не на польский манер ([ш] - диграфом SZ, [ж] - буквой Ż, [ч] диграфом CZ), а так, как в чешском, словацком, словенском, лужицком, литовском, латышском, эстонском письме, а также в латинском (преимущественно хорватском) варианте хорваткосербского письма, - с помощью надстрочных знаков (так называемых “гачеков”, найденных еще Яном Гусом⁵) над той буквой, которая передает системно ближайшую соответствующую нешипящую фонему: Š для [ш], Ž для [ж], Č для [ч]. И хотя белорусская латинка 1906 г. еще удерживала целый ряд польских графических приемов (передача мягкости большинства согласных перед гласным с помощью буквы i, однако при сохранении пары L и Ł; передача мягкости свистящих с помощью надстрочного значка

⁴ См. [Каганец Карусь] 1906. *Bełaruski lementar* был первой книжкой белорусской издательской “суполки” в Петербурге “Загляне сонцэ и ў нашэ ваконцэ”. Об основаниях для атрибуции обеих версий “лементара” (латинской и кириллической) Карусю Каганцу см. Германовіч 1985, Туропек 1986.

⁵ Чешск. *haček* - ‘крючок’. Белорусский букварь, по-видимому, калькируя литовское обозначение данного знака (*paukštukas*, от *paukštelis* ‘птичка’), называет его *ptužačka* (см.: [Каганец Карусь] 1906, 21).

3. Зачем одному народу две азбуки?

акута ´ - Ś, Ź, Ć), все же после введения гачеков белорусская латинка перестала быть “чисто польской”.

Гусова передача шипящих, конечно, проще и логичнее, чем польская (поскольку с использованием гачеков переход от обозначений соответствующих свистящих описывается одним правилом, а не двумя; к тому же буквы с диакритикой усваиваются и опознаются в тексте быстрее, чем диграфы), и, по-видимому, это видели белорусские авторы и издатели “нашенивской поры”, когда стали вводить в латинскую графику белорусских букварей, хрестоматий, газет буквы с гачеками. Однако главный смысл введения гачеков состоял не в поисках простых и “экономических” решений, а в этно-социальной семиотике. В 1906-1918 гг. для деятелей белорусского возрождения становится важным обозначить свою “не-польскость”⁶. Во-первых, это отвечало задачам национальной самоидентификации белорусов (как народа, который не является территориально-этнографической ветвью ни польского, ни русского народов). Во-вторых, не вполне польская латинка отчасти ослабляла упреки со стороны охранителей великодержавности в “пропольскости” белорусского возрождения. В предисловии к букварю 1906 г. говорится: “... каталікі больш да латинских літэр - што йіх нясправядліва «польскімі» называюць, прывыклі; праваслаўныя - да славянскіх - ці, як кажуць да «рускіх» прывыклі. Гэтыя рускія гэтак нашы спрадвечныя беларускія, а латинскімі цяпер увесь сьвет пішэ” (Каганец Карусь 1906 [а], 6). Впрочем, в духе общей терпимости к имеющимся различиям *Belaruski lementar* допускает и польский способ обозначения шипящих: “Dalej zamiast ś, ź, ć, piśnić jak po polsku sz, ż, cz” (Каганец Карусь 1906, 22). Эта графическая двойственность присутствует как в самом букваре (на его обложке и титульном листе - польские диграфы: *Pierszaja nawuka czytannia*), так и в ряде других белорусских изданий 1906-1918 гг.

В целом в белорусских изданиях начала XX в. были выработаны “опознавательные знаки”, создающие вполне определенный облик белорусского печатного текста. Этого своеобразия достаточно, чтобы быстро отличить белорусский текст в гражданке от русского и украинского, а страницу печати в белорусской латинке - от страницы на польском языке. Во всяком случае, в кириллице различия между белорусским и русским письмом сильнее, чем между болгарским и русским. Если же говорить о различиях между польским письмом и белорусской

⁶ Мотив, неизвестный белорусскому XIX в., но энергично развиваемый в *Нашай Ніве*: борьба за белорусскую самобытность требует отталкивания и от “польскости”, и от “русскости”. Ср.: “Богдановіч павінен пазбавіцца русіцызмаў, а Власт [Ластоўскі. - Н.М.] польскіх зваротоў, бо і гэта, і гэта адбірае ад твораў пазычную вартасць, робіць іх ціхімі” (Ясеновіч [1910] 1999, 110).

латинкой с гачеками, то эти различия также более выразительны, чем графические различия между, например, словенским и хорватским языками.

3.9. УРОКИ ДВУХ АЗБУК И НОВЫЕ СПОРЫ О БУКВАХ

Вопросы, связанные с двумя алфавитами белорусского письма, - это локальное, но концентрированное выражение основной проблемы в истории белорусского народа - проблемы национально-культурного и политического самосохранения в условиях "жизни в тени" России и Польши. Это неблагоприятная геополитическая судьба - быть объектом российской и польской ассимиляции, двух мощных и противоборствующих экспансий. Но так исторически сложилось, это белорусская реальность. И два алфавита в обескровленной культуре - это часть реальности... Белорусское возрождение 1906-1918 гг. в. стремилось возродить или выработать третье (не польское и не русское) начало, объединяющее белорусов. Такое начало виделось в идеалах культурного крестьянствования, в жизни "своим домом". Однако консолидации противоречил параллелизм двух белорусских алфавитов. Два алфавита могут сосуществовать долго, но это ведет не к консолидации, а к разъединению народа. В условиях Беларуси начала XX в. продублировать более 30 изданий книг, газет, журналов, в том числе шесть лет печатать в двух версиях еженедельно *Нашу ніву* было распылением национальных сил и тормозом на пути консолидации белорусского народа.

Однако, по-видимому, такое утверждение не может быть распространено на в корне новую ситуацию: Империя пала, в марте 1918 г. в оккупированном немцами Минске провозглашена Белорусская Народная Республика, летом 1918 г. в Вильне Бранислаў Тарашкевич издает *Bielaruskuju hramatyku dla škol* (вначале на латинке, через несколько недель - на кириллице). Но и эта ситуация вскоре переменялась кардинально. Все последующие издания грамматики Тарашкевича, включая 7-е, вышедшее в 1943 г. Минске, напечатаны кириллицей. Впрочем, во всех изданиях грамматики Тарашкевича, как и в пособии Язэпа Лёсика *Граматыка беларускае мовы: Фонэтыка* (Менск 1926), белорусская латинка (*абэцэда*) называется в качестве второго

3. Зачем одному народу две азбуки?

белорусского алфавита⁷. Латинская графика для белорусов, разумеется, более близкий алфавит, чем для украинцев и русских. В довоенной Западной Беларуси на латинке печатались многие белорусские издания, в особенности клерикальные. Латинский шрифт почти всегда присутствует на страницах возобновленной в 1991 г. *Нашай нівы*, а ее № 18 (1993) набран латинкой полностью - как художнический поиск горстки виленских белорусских интеллектуалов, могущих себе позволить на какое-то время забыть о читателе, рынке, подписке и другой подобной прозе.

Похоже, история повторяется. В конце XIX в. невозможно было не видеть, что перспективы белорусской латинки утрачены. Уже во времена “нашаніўскага адраджэння” алфавитный параллелизм был не столько просчетом, сколько сознательным выбором более узкого канала коммуникации, более оппозиционного и потому более трудного пути возрождения. Этот романтический анахронизм в выборе графики говорит о камерности и кабинетности белорусского движения начала века. Но, кажется, в Беларуси по-прежнему весом кабинетный романтизм. Правда, теперь уже ситуацию выбора создают не две азбуки, но две орфографии - 1918 г. и 1933 г. (*тарашкевічыца* и *наркомаўка*). По своей семиотико-прагматической природе конфликтам орфографий присуща меньшая острота, чем конкуренции двух графических систем. И все же по способности волновать и ссорить говорящих из всех языковых феноменов орфография занимает второе место - непосредственно после графики. При этом горячности и нетерпимости к оппонентам у защитников тарашкевицы больше, чем это прочитывается у приверженцев латинки в начале XX в. О новом витке орфографических распрей приходится сожалеть, потому что в спорах о буквах люди легко впадают в преувеличения, чреватые новым расколом пишущих по-белорусски и, в конечном счете, ослаблением белорусского возрождения.

⁷ “Побач з кірыліцай, хоць радзей, ужываецца ў беларускай мове лацініца” (Тарашкевіч 1929, 49).

4. НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В БЕЛАРУСИ И УКРАИНЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ*

4.1. ПРИРОДА ОБЩНОСТИ

Фамильное сходство национальных движений в истории украинского и белорусского народов можно было бы сравнить с двумя графиками, вычерченными в одной системе координат и близкими по общей конфигурации своих подъемов и спадов, только при этом одна кривая (украинская) располагается несколько выше и левее. Выше, потому что события и общий уровень достижений - крупнее; левее - потому что многие события украинского возрождения опережали "одноименные" белорусские события.

Факторы, которые обусловили сходство процессов национального развития белорусского и украинского народов, в дальнейшем изложении объединены в три группы: геополитические (раздел 4.1.1); общеевропейское сходство письменно-литературного развития культур на фоне ближайшего родства языков и культур украинцев и белорусов (раздел 4.1.2); сходство в логике национального выживания зависимых народов (раздел 4.1.3).

4.1.1. Геополитическая близость белорусской и украинской истории: между Россией и Польшей

В XIV-XVI вв. белорусы и украинцы составляли основное население Великого княжества Литовского. Столицей Княжества была Вильня; его западные города - это Гродно, Сураж, Брест; в его юж-

* Впервые напечатано в *Zeitschrift für aktuelle Fragen der weissrussischen Sprache* (hrsg. von S. Koester-Thoma, Berlin, 1999, [1], 67-85). В настоящем сборнике статья публикуется с любезного разрешения *Dieter Lenz Verlag*.

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

ные пределы входили Черкасы, Винница, Кременец, Острог, Луцк; в восточные - Путивль, Брянск, Смоленск, до 1494 г. - Вязьма.

Со второй половины XVI в. Великое княжество Литовское начинает постепенно утрачивать самостоятельность. Вынужденное и нарастающее сближение с Польшей приводит к усилению польского ассимилирующего культурно-языкового влияния (Люблинская уния 1569 г., объединившая Великое княжество Литовское и Королевство Польское в общем государстве - *Речи Посполитой*; Брестская церковная уния 1596 г.). С востока усиливается военная экспансия Московского государства, а затем Российской Империи: после Переяславской Рады (1654), Андрусовского перемирия (1667) и подтвердившего его *Вечного мира* (1686) между Россией и Речью Посполитой, значительная часть украинских и белорусских земель были присоединены к России. После трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795) и Венского конгресса 1815 г. все белорусские земли оказались в составе России; украинские земли были разделены между Россией и Австро-Венгрией.

Перечисленные исторические события и процессы непосредственно сказались на судьбах языков. Письменный язык белорусско-украинский язык Великого княжества Литовского назывался *русский язык*, или, в противопоставлении церковнославянскому, - *проста мова*. Этот язык был закреплен Литовским Статутом (в редакциях 1566 и 1588 гг.) в качестве официального языка Княжества¹. Однако в XVII и XVIII вв. *просту мову* постепенно вытеснили польский и / или русский языки. Так, если в XV и большей части XVI в. документы Литовской метрики (около 600 томов архива Княжества) писались на *простой мове*, то в XVII и XVIII вв. - преимущественно на польском языке и частично на латыни. В XVII в. польский становится основным языком проповедей, конфессиональной полемики (в том числе православной и униатской), светской литературы; на нем печатались также православные катехизисы и богослужебные книги.

Впрочем, в Надднепровской Украине XVIII в. в ученой прозе и школьной поэзии использовался гибридный русско-церковнославянский язык с украинским оттенком (таков, в частно-

¹ *А писарь земьский маеть поруску литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати, а не иньшимъ языкомъ и словы* (Цит. по: Статут 1989, 140).

сти, язык философских сочинений и переводов Григория Сковороды). В белорусских землях к XVIII в. преобладают польские школы и училища при монастырях и костелах; *проста мова* полностью вытесняется из частного письменного обихода: письма, дневники, воспоминания, "записки для себя" пишут по-польски или по-русски (в последнем случае их авторы - это русские чиновники, переведенные на службу в новые губернии Империи).

При сходстве белорусской и украинской ситуаций XVIII в. имеют место и заметные различия между ними: ареал украинского языка разделен между Россией и Австро-Венгрией; в белорусских землях сильнее, чем в украинских, польское культурно-языковое начало; при общем для XVIII в. замирании прежних литературных традиций в белорусском ареале упадок литературного языка и разрыв с предшествующей письменной культурой были сильнее, чем в украинском; украинский язык в несколько большей мере (чем белорусский) сохраняет связь церковнославянской письменностью.

4.1.2. Историко-типологическое сходство литературного процесса

В языковой истории национального возрождения украинцев и белорусов есть сходство, которое объясняется типологическими закономерностями литературного развития Европы. И украинское и белорусское "предвозрождение" начала XIX в. начинались как художественное творчество в жанрах, выработанных классицизмом и сентиментализмом. Во-первых, это бурлескные поэмы, пародирующие греко-римскую классику): украинская *Енеїда* Ивана Котляревського (Петербург 1798); белорусская анонимная *Энеїда на выварат* (написана между 1816 и 1828 гг.; первая публикация в Петербурге, в 1845 г.); белорусская, также анонимная, поэма *Тарас на Парнасе* (50-е гг. XIX в., первая публикация в 1889 г.).

Во-вторых, это музыкальные комедии "с переодеванием" (дворянской девушки в крестьянскую), с панями и подпанками, что провоцировало и оправдывало соединение народной языковой стихии (украинского *resp.* белорусского языка) с русским или польским: таковы у украинцев *Наталка Полтавка* (1819) Ивана Котляревського и его же *Москаль-чарівник* (1819); у белорусов - *Sialanka* (1846) Винцента Дунина-Марцинкевича.

В-третьих, в предыстории украинского и белорусского возрождения выдающуюся роль сыграли издания первых записей ук-

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

раинской и белорусской народной словесности. Как сами записи, так и широкий общественный резонанс, который получили их издания, вполне в духе европейского романтизма, с его интересом к фольклору, вплоть до литературных переработок фольклорных источников. В украинской традиции это прежде всего сборник Михаила Максимовича *Малороссийские песни*, изданный трижды (Москва 1827, 1834, 1849). Написанное Максимовичем предисловие к сборнику стало "манифестом украинского народничества" (Огієнко 1949, 145). Одновременно в предисловии был напечатан очерк украинского языка (хронологически второй после *Грамматики малороссийского наречия* Алексея Павловского, Петербург 1818). По преданию, книгу *Малороссийских песен* знали на память и не расставались с ней Тарас Шевченко и Пантелеймон Кулиш.

В истории белорусского предвозрождения аналогичное место занимают фольклористические сборники Яна Чачота и Яна Баршчэўскаго. Ян Чачот в 1837-1846 гг. издал в Вильне на польском языке 6 книг белорусских народных песен; в последнем томе около 100 песен он сохранил на языке оригинала (*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, nektóry przysłowia i idiotyzmy, w mowie Sławiano-Krewickiej, z postrzeżeniami nad nią uczynionymi*, Wilno 1846). Ян Баршчэўски издал в своем польском переложении 4 тома белорусских легенд и сказок (*Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, t.1-4, Petersburg, 1844-1846), предваряя некоторые из них очерками о нравах и языке белорусов.

При всем сходстве литературного процесса заслуживает внимания факт разных "рамочных" языков изданий: у Максимовича это русский, у Чачота и Баршчэўскаго - польский. Ниже (в разделе 2) будут показаны факторы, объясняющие различия в украинском и белорусском возрождении, в том числе причины разного отношения царизма к явлениям и людям украинской и белорусской культур. Однако уже сейчас, говоря о зачинателях национального возрождения, уместно показать, как разные судьбы украинского и белорусского возрождения преломились в разительных несходствах жизненных путей Максимовича и Чачота.

Михаил Максимович (1804-1873) - полтавский помещик, либеральный историк и филолог, кандидат и позже профессор ботаники Московского университета, затем первый ректор (в 1834-35 гг.) открытого в Киеве университета, один из зачинателей украинской фольклористики и журналистики,

издатель *Денницы, Киевлянина, Украинца*, впоследствии член-корреспондент Российской Академии наук.

У Чачота - все иначе, все трудно и трагично. Ян Чачот (1796-1847) - безземельный шляхтич, вынужденный из-за бедности оставить занятия в Виленском университете (впрочем, закрытого правительством после восстания 1830 г.), сосланный на 10 лет на Урал за участие в тайном национально-просветительском обществе виленских студентов. Отбыв ссылку, был вынужден по суду доказывать свое дворянское достоинство и большим чахоткой зарабатывать на хлеб в чине губернского секретаря.

4.1.3. Сходство во взаимодействии метрополии и ее инонациональных регионов. Общая логика национального выживания

Существует общая логика и сходная технология во взаимоотношениях метрополии и ее иноэтнических земель. С одной стороны, это близость методов репрессирования зависимых народов; с другой, - сходство в способах сопротивления репрессиям. В языковом аспекте логика подавления подчиненных или "присоединенных" народов в рассматриваемых ареалах привела к вытеснению *простой мовы* и обрыву письменно-литературных традиций Великого княжества Литовского. Однако позже логика этнического самосохранения вела украинцев и белорусов к постепенному возрождению своей письменной культуры на этнических языках. В силу почти полного угасания *простой мовы*, в XIX в. этнические литературы на украинском и белорусском языках начинались как бы заново.

Что касается социально-политического взаимодействия метрополии и ее инонациональных регионов, к тому же территориально смежных и близкородственных по языку, то именно этот фактор обуславливает событийно-хронологическое сходство в процессах первого украинского и белорусского возрождения. Сходство такого, например, характера: ослабленный революцией, русский царизм был вынужден разрешить национальные газеты и журналы, книгоиздание, национальный театр, однако до Первой мировой войны у Империи хватало сил не допустить национальный язык в образование. Белорусизация *resp.* украинизация школы и науки начиналась позже, в годы войны и углубления кризиса Империи.

Сходно и то, что украинское и белорусское национальные движения достигают пика после падения монархии (февраль 1917), в условиях военных поражений России: в марте 1917 г. создаются национальные представительские собрания (*Рады*), ставившие своей целью образование национальных государств. Созданные госу-

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

дарства и правительства просуществовали до их ликвидации Красной Армией и установления власти большевиков: Украинская Народная Республика с ноября 1917 по ноябрь 1920 г.; Белорусская Народная Республика - с марта 1918 по январь 1919 г.

Последующая история отмечена еще бóльшим параллелизмом. В Украине и Беларуси, как, впрочем, и во всех "национальных окраинах" бывшей царской России, в 20-ые гг. был провозглашен курс на "коренизацию" власти, образования, культуры. В Украине и Беларуси десятилетие коренизации действительно привело к значительному упрочению общественных позиций и культурных возможностей национальных языков. Политика "украинизация" *resp.* "белорусизация" была тем более успешной, что на национальных языках говорило большинство населения; требовалось лишь расширять сферы их употребления, создавать терминологии, переводить учебники. Эти процессы отвечали интересам народов, однако они были разрешены и даже срежиссированы "Центром" (Москвой), что вызывало разительные совпадения в "одноименных" событиях.

Характерный пример: орфографические конференции, с размахом проведенные национальными академиями (в 1926 г. в Минске и в 1927 г. в Харькове, тогдашней столице Украины) - с приглашением зарубежных авторитетов и значимых фигур эмиграции, с широким освещением в прессе, с полностью публикуемой дискуссией, с компромиссными решениями, примирившими эмиграцию и советскую практику письма. Это была демонстрация "наших достижений", на сей раз в области национальной культуры, языкового строительства и миролюбия, - одна из тех кампаний, которые становились типичным орудием советской пропаганды, особенно когда они адресовались и зарубежной общественности.

Однако уже в конце 20-х гг. политика "коренизации" начала стремительно и кроваво свертываться. Национальная демократия (*нацдемовщина*) третировалась как фашизм и контрреволюция "помещиков и капиталистов", национальная интеллигенция репрессировалась. Через несколько лет после либеральных орфографических конференций, в Беларуси и Украине еще более синхронно (в 1933 г.) были проведены жестко русифицирующие реформы письма; за ними шла русификация словарей и грамматик и, самое главное, вытеснение национальных языков из сферы власти, образования, культуры. За десятилетием "коренизации" последовало более полувека жесточайшей денационализации и русификации.

Несмотря на непоследовательность политики "коренизации", предвоенные годы привели к укреплению и развитию национально-

го своеобразия языков и культур. В украинском и белорусском языках была выработана национальная терминология по основам наук, созданы учебники по всем предметам среднего и отчасти высшего образования². Белорусский язык 20-30-х гг., по сравнению с языком *Нашай Нівы* (1906-1914), лексически существенно отделился от русского языка; ср. обычную для *Нашай Нівы* лексику: *глаўны промысел, з'ўропейскіе гасударствы, немцы патрэбляюць, правіцельства, колькі рублёў цэніца, цыфравы матэр'ял, пагода, жыцелі, чытацелі, у поездзі, на катаргу без сроку, споўняць законы, заложэная кальвінамі друкарня, сейм, каторы мае права* и т.п., включая выходные данные: *газэта з рысункамі, цэна за грамадзянствай, перэмена адрэсу, 10 сеньцябра (Наша Ніва, 1909, 10.09)*.

Вместе с тем есть свидетельства того, что в БССР 20-30-х гг. белорусский язык не был основным языком высшего образования и повседневным языком интеллигенции. Приведу два факта.

(1) В 1926 г. Вацлаў Ластоўски, вернувшись в Ковно (современный г. Каунас) после конференции по белорусской орфографии в Минске, напечатал в журнале *Крывіч* заметки о виденном. Со ссылкой на ректора Белорусского государственного университета историка В.И. Пичету, Ластоўски приводит между прочим данные об степени использования белорусского языка в университете: в 1926 г. около 12% курсов читалось на белорусском языке, при этом если на педагогическом факультете 47 %, то на медицинском - ноль ([Ластоўскі] Власт 1926-1927, 90).

(2) Вот какой увидел белорусскую языковую ситуацию Мар'ян Пяцюкевич, вленский белорусский деятель, во время конференции школьных инспекторов Беларуси: "Першы раз у жыцці давялося мне быць у Мінску позняй восенню 1941 года [...] Хаця мне няраз і не было патрэбы чагось пытаць у сустрэчных мінчан, але я спрабаваў нешта запытаць, каб пераканацца, ці гэтыя беларусы. Усе яны на мае пытанні адказвалі па-руску і непрыязна глядзелі на мяне. Відаць, беларуса яны залічылі, як і немцаў, да «акупантаў» ісцінна «русского народа». И позже на конференции: "Усходнікі [учителя с той основной территории БССР, которая до 1939 г. не входила в состав Польши. - Н.М.] захоўваліся, як на паншчыне. Падчас перапынкаў яны гуртаваліся «свае са сваімі» і вялі гутарку між сабой на «общепонятном языке». Гэта з'ява рабіла дрэннае ўраджанне на тых заходнікаў, якія за сваю культуру, за сваю мову цяпер праслед з боку польскіх акупацыйных ула-

² В 20-е и в начале 30-х гг. (до 1934 г.) в Беларуси было напечатано 32 терминологических словаря, включавших тысячи белорусских терминов по разным областям знаний и практики, в том числе термины медицины и делопроизводства. Однако позже терминологическую работу остановили, да так решительно, что в течение 27 лет (1935-1962) в Беларуси не было напечатано ни одного терминологического словаря (См.. Цыхун (ред.) 2000 [а]). [Дополнение 2003 г.]

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

даў. І мы - заходнікі - на свае вочы ўбачылі «перадавую беларускую інтэлігенцыю» і горка расчараваліся" (Воспоминания М. Пяшукевича храняцца в отделе рукописей академической библиотеки в Минске; цит. по книге: Туронак 1993, 55-56).

Второе национальное возрождение в Украине и Беларуси, связанное с новым имперским кризисом (горбачевская перестройка, конец тоталитарной системы, падение Берлинской стены), начиналось, в отличие от аналогичных процессов в других союзных республиках, позже и было менее радикальным. Показательны, в частности, законы о языках, в 1989-1990 гг. принятые почти во всех союзных республиках³ для того, чтобы остановить вытеснение национального языка русским, в том числе путем придания национальным языкам статуса государственного. Украинский и белорусский законы о языках были приняты позже принятия аналогичных законов почти во всех бывших союзных республиках⁴. Законы о языках в Украине и Беларуси оказались самые пространными, но при этом максимально неопределенными и, в отличие от законов стран Балтии, нерешительными в защите своих государственных языков (См. подробно Мечковская 1992).

Таким образом, основа сходства в истории национального возрождения белорусов и украинцев заключается в близости геополитических условий исторического бытия двух народов; в типологическом сходстве социально-политического взаимодействия народов; в единстве литературно-художественного развития Европы. Геополитический фактор, включая национально-государственные геополитические интересы, из названных трех - самый важный; он определяет главные координаты и векторы истории, хотя иногда, в качестве постоянного фактора, его не упоминают или как бы выносят за скобки⁵.

³ Кроме закавказских республик, где языки титульных наций обладали статусом государственных языков еще по конституциям союзных республик 1978 г.

⁴ Позже, чем в Беларуси, вышел закон о языках в Туркмении (24.05.1990) и в Российской Федерации (25.11.1991).

⁵ Ср.: "Может быть, нынешняя трагедия Украины не столько в том, что Карпатские горы Господь Бог воздвиг не с той стороны, сколько в том, что независимость она обрела в то позднее время, на той уже стадии своей истории, когда разложение и нравственная деградация общества достигли масштабов, чреватых необратимостью" (Дзюба 1998, 22).

4.2. ИСТОКИ РАЗЛИЧИЙ, ОБЪЯСНЯЮЩИЕ, ПОЧЕМУ В БЕЛАРУСИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛАБЕЕ, ЧЕМ В УКРАИНЕ

Различия в истории белорусского и украинского возрождения многочисленны, разноплановы и достаточно очевидны. Ниже они систематизированы так, чтобы ответить на вопрос: почему в Беларуси национальное движение слабее, чем в Украине? Применительно к периоду, когда оба народа находились в составе Российской Империи, различия могут быть сведены к следующему.

4.2.1. В войнах Российской Империи с Польшей Украина - это союзник России, Беларусь - союзник Польши против России.

С точки зрения царизма, Украина (прежде всего украинское казачество) - это исторический союзник России в войнах против Польши, в то время как белорусы со времен Великого княжества Литовского чаще выступали в союзе с Польшей (или с польским национально-освободительным движением) против России.

4.2.2. В области высшего образования царизм проводил разную политику: в Украине университеты открывались, в Беларуси - закрывались

При том, что в национальной политике царизма и в Украине и Беларуси определяющей линией была русификация, в ее методах наблюдались различия. В Беларуси Империю беспокоил не белорусский, а "польский вопрос": преобладало "располячивание" и борьба, в том числе вооруженная, с "польской интригой", в то время как в Украине шло в первую очередь насаждение русских культурно-образовательных институций и только во вторую очередь - запретительно-репрессивная борьба против украинского национального движения (в котором, впрочем, царизм также усматривал "католическую" интригу и "польский сепаратизм"). Поэтому если на Украине в XIX в. правительство открывало университеты и лицеи, то в Беларуси высшие и привилегированные школы закрывались, количество гимназий ограничивалось, библиотеки и архивы вывозились (как культурные ценности из аннексированных земель). Для белорусов, в отличие от украинцев, высшее образование оказалось возможным только за пределами родного края, что ускорило денационализацию интеллигенции и чиновничества.

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

4.2.3. Последствия запрета белорусской высшей школы при царизме: недостаточная сформированность белорусской национальной элиты (в сравнении с украинской)

Недостаточная социально-культурная весомость белорусской национальной элиты (в сравнении с украинской) обусловила цепную реакцию последующих различий. Ко времени провозглашения независимых Украинской (ноябрь 1917 г.) и Белорусской Народных Республик (март 1918 г.) белорусская учено-литературная традиция оказалась существенно менее представительной, чем украинская; БНР продержалась меньше, чем УНР, и меньше успела сделать для укрепления суверенитета. Потом это сказалось в различиях судеб белорусской и украинской эмиграции; в разной основательности культурно-образовательной работы в межвоенные годы; в 60-80-х гг. - в отсутствии диссидентства в БССР. В Украине (в отличие от Беларуси) было правозащитное движение, хельсинские группы, самиздат, политзаключенные (националисты и правозащитники), движение за автокефальную украинскую православную церковь.

4.2.4. Больше конфессиональное единство украинцев (в сравнении с белорусами)

Для истории украинского народа характерно большее конфессиональное единство, чем для белорусской истории. В XVI в. протестантизм в Беларуси был сильнее и ярче, чем в Украине. С наступлением Контрреформации многие белорусские протестанты (в прошлом православные) переходили в католичество. По данным Всероссийской переписи 1897 г., католики составляли 12,4 % белорусов и 18,1 % всего населения Беларуси, включая Виленскую губернию (См.: Беларусь 1996, 29).

4.2.5. Этнокультурная автономия "австрийских" украинцев была фактором, который активизировал украинское национальное движение в Российской Империи

В начале XX в. у белорусского движения, в отличие от украинского, не было такой мощной внешней моральной и организационной поддержки, какой для "малороссов" России была национально-культурная автономия украинцев в составе Австро-Венгрии.

В городах Галиции, в том числе в образовании, журналистике и книгоиздательском деле, преобладали польский и немецкий языки. Однако австрий-

ское правительство, стремясь, с одной стороны, ослабить в Галиции польское культурное доминирование, а с другой, - продемонстрировать Европе свой либерализм и толерантность, не только разрешало, но и обязывало (законом 1774 г.) создавать начальные школы на родных языках подданных монархии, т.е. в Галиции - на западноукраинском языке (сами носители называли его *руским* или *русинским*).

Во Львовском университете в 1786 г. был создан научно-образовательный центр украинистики - *Studium Ruthenicum*, впрочем, закрытый в 1809 г. В 1848 г., в революционно-демократической атмосфере "весны народов", во Львове стала выходить первая в Украине газета на украинском языке *Зоря галицька*; в 1869 г. увидел свет первый украинско-язычный журнал. В 1849-1851 гг., на гребне революционного подъема, венский правительственный бюллетень печатает общеавстрийские законы на признаваемых в Империи языках, в том числе на *руском* языке галичан (Бідер 1997, 27). В "подросийской" Украине всё это представлялось невероятной и манящей свободой: здесь по-украински (для *местного колорита*) могли быть напечатаны только художественные тексты, при этом первые украинские школы стали возможны лишь с падением Российской Империи.

Между тем в 1848 г. во Львовском университете создается кафедра украинского (*руского*) языка и словесности, во главе с Яковом Головацким; в 1894 г. - кафедра истории Украины, во главе с Михайлом Грушевским, выпускником русскоязычного Киевского университета и тогда еще молодым доцентом, которого пригласил на службу во Львов лично австрийский император. Грушевский, впоследствии академик и светило европейской величины, сумел превратить Львовскую кафедру в крупнейший исследовательский и образовательный центр украинской культуры. Он преобразует львовское Шевченковское товарищество в *Науково Товариство імені Шевченка*, наладив регулярный выпуск ученых записок и других важных изданий по украинистике. Поэтому впоследствии, когда бывшие "российские", "австрийские" и "угорские" земли Украины объединились (в январе 1919 г.), то именно львовское товарищество имени Шевченко стало основой гуманитарных отделений созданной в Киеве Академии наук.

Российское правительство специальными указами запрещало ввозить из Австро-Венгрии украинские книги и периодику. Однако контакты украинской интеллигенции "поверх барьеров" сохранялись. Известны украинские книги, которые после неудачных попыток напечатать их в Киеве или Петербурге, выходили во Львове. По оценке И.И. Огиенко, украинская книжность и украинская политическая публицистика Галиции в течение тридцати лет (1876-1905) была, "захистом і для східньоукраїнського слова" (Огієнко 1949, 234). В начале XX в. Галиция оказывала мощное украинизирующее влияние на восточную Украину и в том числе на ее язык (см. подробно Шевельов 1998, 23-29).

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

4.2.6. Потери белорусов в сфере национально-государственной атрибутики и символики

Национальная идеология невозможна без национальной семиотики - без внушающей силы "главных" знаков-образов, с детства укоренных в коллективном и индивидуальном сознании, причем укоренных не столько в "голове", сколько в "сердце" человека. В отличие от украинцев, белорусы понесли ряд максимальных потерь в составе знаков-"якорей" для национальной идеологии (и мифологии) - в национально-государственной геральдике и атрибутике, в консолидирующей этно- и лингвонимике, в иконостасе вдохновляющих символов своей истории, общенародных святынь и объектов национальной гордости.

Если для украинцев прямое родство Украины с Киевской Русью самоочевидно, то права белорусов на славу Великого княжества Литовского нуждаются в доказательствах или хотя бы в учительском рассказе. Между тем для аксиоматики национального самосознания нужна не логика, но знакомые человеку с детства и не требующие доказательств образы и простые слова. По пакту Молотова-Риббентропа (1939 г.), Вильна, город, который в течение столетий был главным очагом культурно-политической истории белорусов, стал столицей соседнего государства. Возник и геральдический спор: к гербу Великого княжества Литовского ("Погоня") восходят и исторический герб Беларуси и герб Литовской Республики. Между тем в Украине, хотя в имперский период официально она и называлась *Малороссией*, топоним *Украина* и его производные *украинский*, *украинец* никогда не уходил из языка и сознания (как и трезубец, и желто-блакитные колеры из гербов украинской знати).

В Беларуси до сих пор нет нового гимна; в необходимом случае продолжает звучать гимн БССР, но без слов. Когда Беларусь была вынуждена вводить свои деньги, то ряд историков и депутаты Верховного Совета от Белорусского Народного Фронта предлагали назвать новые единицы не так, как у русских, - *рублем* и *копейкой*, а выбрать что-то из белорусских исторических наименований (*талер*, *дукат*, *шелег*, *грош*, *орт*, *барацинка* и т.п.). Предложение не было принято Верховным Советом.

На первых белорусских деньгах изображались лесные звери: зубр, рысь, медведь, волк, заяц (на купюре достоинством в 1 белорусский рубль) и белка. Вскоре в русской разговорной речи слово *зайчик* стало обозначать белорусский рубль, а *зайчики* - белорусские деньги (Неологизм уже отмечен

лексикографами; см. Толковый словарь 1998, 237). На украинских *гривнах* (первых бумажных деньгах нынешней Украины) были изображены исторические личности: на самой крупной купюре - первый президент независимой Украины (председатель Центральной Рады в 1917- начале 1918 г.) историк академик М.С. Грушевский; на второй по значимости купюре - гетман Украины Иван Мазепа, в Северной войне Петра I ставший на сторону шведского короля Карла XII; далее киевские князья (прежде известные советским школьникам как персонажи российской истории): Ярослав Мудрый, затем креститель Руси Владимир (в русских былинах *Владимир Красное Солнышко*), затем Тарас Шевченко и Леся Украинка.

4. 2.7. Утрата белорусами исторического самоназвания; продолжительные колебания в белорусской этнолингвонимии

В Великом княжестве Литовском самоназванием белорусов был этноним *руские, русь, русины*; свой язык они также называли *руским*, ср. в предисловиях Фр. Скарыны к библейским книгам: *Азь [...] нароженный в руском назыку; выложихъ [...] на русский назык зуполне; Абы братиш моа Русь люди посполитые, чтучи могли лепей разумети* (Цит. по факсимиле текстов в издании: Скарына 1988, 164, 77). *Руский назык*, или *проста мова*⁶ был официальным языком великокняжеской канцелярии, языком Литовского статута, соймов и судов (до 1696 г.). Что касается жителей Московской Руси, то в Литовской Руси их называли *московцы, москали* (что было сходно и с западноевропейским этнонимом *moscovitae*).

В Московском государстве жителей Великого княжества Литовского (именно восточных славян) называли *литва, литвины, литовцы* (ср. в названии московского сочинения 1627 г.: ... *литовский протопон Лаврентий Зизаний*). Тот балтийский этнос, который сейчас называется *литовцы* (современное самоназвание *lietuviai*), во времена Великого княжества Литовского составляли *жемайты (жмудь)* и *аукштайты*.

В Центральной и Западной Европе белорусов и украинцев называли *rutheni*, а также *russi* и *roxolani*; при этом этнонимы *rutheni* и *roxolani* были недифференцированными общими названиями для украинцев и белорусов вместе. Эти имена встречаются также и в латинских самоназваниях пишущих, например, на титульных листах рукописных риторик Киево-Могилянской академии, ср. в риторике Феофана Прокоповича 1706 г.: *pro Roxolana iuventute [...] in academia Mohylaeana* (Стратий, Литвинов, Андрушко

⁶ Историки языка в современной Беларуси называют данный язык *старобелорусским*, в Украине - *староукраинским*.

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

1982, 55). Ср. самоопределение одного "рутенского" студента в польском университете: *gente Ruthenus, natione Polonus* (Frick 1995, 229)⁷.

Вместе с тем к XVII в. этнолингвоним *русский*, *русь* переставал быть самоназванием белорусов и их языка, поскольку все прочнее связывался с одной (великорусской) ветвью восточного славянства. С 1654 г. в титул российского самодержца был включен топоним *Белая Россия* (как относящийся к белорусским землям), с того же времени входят в употребление первоначально "внешний" (не являвшийся самоназванием) оттопонимический этноним *белорусцы*, *белорусы* (наряду с прежним этнонимом *литва* и его дериватами). Однако этноним *литва*, *литовский* стал использоваться в качестве самоназвания и балтийским населением Литовской Руси. В конечном счете, оба этнонима - и *русский*, и *литва* / *литовцы* - оказались "занятыми" не-белорусами. С другой стороны, и этноним *белорусы* в качестве самоназвания белорусов долго не приживался (хотя известен в таком употреблении с конца XVI в.), тем более, что в истории мотивирующего топоним *Белая Русь* были свои проблемы.

После разделов Речи Посполитой белорусские земли именовались перифрастически: *губернии, от Польши возвращенные* (или *присоединенные*); *новые западные губернии* и т.п. При Екатерине II в 1772 г. было создано *Белорусское генерал-губернаторство* (объединявшее восточные белорусские земли), однако после восстания 1830 г. в официальном русском языке постепенно переставали употреблять термин *белорусский*. При Николае I распространился топоним *Западная Россия*, *Западный край* (для Украины — *Юго-Западная Россия*); в 1840 г. был издан именной указ о запрете прежних топонимов *Литва* и *Белая Россия*, *Белая Русь*. Угасание в белорусской памяти исторического имени *Литва*, *литовский* было ускорено также отменой в 1831-1840 гг. действия Статута Великого княжества Литовского. К концу XIX в. географическая перифраза *Северо-Западный край* стала официальным названием 6 белорусских и литовских губерний (Виленской, Ковенской, Гродненской,

⁷ Имена *Ruthenia*, *Ruthenian* (с указанным референциальным объемом) до сих пор фигурируют в западной историко-филологической литературе (ср., Томсон Ф. 'Мелетий Смотрицкий и уния с Римом: религиозная дилемма в Рутении XVII века', *400 лет Брестской церковной унии. 1596-1996. Критическая переоценка*. Москва 1998, 177-218).

Минской, Могилевской, Витебской). С образованием независимой Литвы (1919 г.) имя *литовский* окончательно было потеряно для белорусов.

Колебания в белорусской этно- и топонимике вызвали и лингвонимический разнобой. Наряду с лингвонимом *белорусский язык* (в дореволюционном официальном и официозном употреблении - *белорусское наречие*), в XIX-XX вв. употреблялись термины *język polsko-ruski* (ср. в польском заглавии белорусского Катехизиса Мих. Бобровского: *Krótkie zebranie nauki Chrześcijańskiej. Dla wieśniaków mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego*, Wilno 1835), *mowa Sławiano-Krewicka* (ср. инвариант в заглавиях фольклорных сборников Яна Чачота: *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny [...] w mowie Sławiano-Krewickiej*, Wilno 1837-1846), *крыўская мова* (ср.: В. Ластоўскі, *Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік*, Коўна 1924), *кывіцкая мова* (Я. Станкевіч, *Маленькі маскоўска-беларускі (кывіцкі) слоўнічак*, Менск 1942), *вялікалітоўская мова* (ср. титульный лист в издании перевода Нового Завета Янки Станкевіча: *Новы Закон Спадара а Спаса нашага Ісуса Хрыста / З мовы грэцкае на вялікалітоўскую (беларускую) нанавя перакладзены / Нью-Ёрк: Влікалітоўскае (Беларускае) Навуковае Таварыства Пранціша Скарыны, 1970).*

В XX в. белорусы продолжали поиски самоназвания. Вместо преобладающего имени *белорусы* предлагались этнонимы *кывічы*, *літвіны*⁸, *літвякі*, *руснякі*⁹, *палешукі*, *ятвягі*, *вялікалітоўцы*, вплоть до беспамятного и классического *тутэйшыя*¹⁰. Из них исторически наиболее обосновано имя *кывічы*.

⁸ В национально озабоченной белорусской печати (например, в еженедельнике *Літаратура і мастацтва*) в 1991-1995 гг. были нередки призывы называть белорусов *літвінамі* или *літоўцамі*, а современных литовцев - *літувісамі*.

⁹ Ср.: "Наш народ не загіне, і прыйдзе такая часіна, што прачнеца наш русняк і скажэ суседзям [...]" (Каганец [1909] 1996, 753). В петроградском журнале 1918 г. *Чырвоны шлях* (в основном русскоязычном, однако некоторые материалы шли по-белорусски) была напечатана заметка, озаглавленная призывом: "Белоруссы! Называйтесь своим именем!".

¹⁰ *Тутэйшыя* (1922, публикация 1924, постановка 1990) - сатирическая трагикомедия классика белорусской литературы Янки Купалы, раскрывающая разорванность и противоречивость этноязыкового самосознания жителей Минска в 1918-1920 гг. Иронический у Купалы этноним *тутэйшыя* по сути не так уж далек от "серьезных" и, разумеется, позитивных названий двух первых и самых возрожден-

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

Этноним *кривичи* читается в *Повести временных лет* (XII в.), в немецких (XIV в.) и итальянских (XVII в.) хрониках. Его географическая привязка такова: верховья Западной Двины, Днепра и Волги. Белорусский апеллятив *кывіч* означает 'своjak, родственник', литовский этноним *krievisks* и латышский *krievs* означают 'русский'. По Фасмеру, этноним *кривичи* этимологически связан с именем родоначальника племени **Кривь* (от *кривой*); однако народная этимология устойчиво сближает *кривичи* и 'кровь' (бел. *кроў*, польск. *krew*), тогда *кривичи* - это 'кровники, родственники'.

В 20-е гг. Вацлаў Ластоўски настойчиво призывал отказаться от "накінутага нам назову" *беларусы* и принять "стары і ўласны назоў нашага народу і краю", лишенный "наменклатурнай залежнасці ад «общерусскости»", - *кывічы*: "Як «беларусы» мы - толькі адбіццё агульнарускай індывідуальнасці, нейкі «промежуток и недоумок», але як «кывічы» - мы асобны індывідуум, асобнае славянскае племя са сваёй багатай мінуўшчынай, сваёй асобнай мовай, тэрыторыяй і духоўнай творчасцю" (Ластоўскі [1925] 1997, 386). Стремясь ввести имя *кывічы* в общее употребление, Ластоўскі в Вильне в 1918 г. издавал журнал *Кывічанін* (впрочем, в свет вышел только один его выпуск); в 1923-1927 гг., живя в эмиграции в Каунасе, Ластоўски вновь издает журнал под близким названием - *Кывіч*. В названиях ряда своих работ он использует два термина: как основной - *кывіскі* и как пояснительный - *беларускі*. Такое употребление поддерживали Максим Гарэцки, Ян Станкевич и др. В современной патриотической песне на слова знаменитой *Пагоні* Максима Багдановича (1916) стихи *Старадаўняй Літоўскай Пагоні / Не разбіць, не спыніць, не стрымаць* поют так: *Старадаўняе Кывіскай Пагоні / Не разбіць, не спыніць, не стрымаць*. Минский "Цэнтр этнакасмалёгіі" начал издание научного журнала *Кывіч* (в 1994 г. вышел один номер).

Так белорусы оказались народом с полузабытой зыбкой этнолингвонимикой. Эти потери - в том же ряду, что и утрата герба, флага, исторической столицы. С размытой символикой трудно строить респектабельную национальную идеологию и/или мифологию.

ческих белорусских газет - не с этнонимом, а его местоименной перифразой: *Наша Доля* (1906), а после ее закрытия - *Наша Ніва* (1906-1914).

4.2.8. Лингво-семиотические проблемы национального обособления белорусов и украинцев: преимущества у того языка, который сильнее отличается от русского

Сравнительно позднее национальное самоопределение и взаимное обособление украинцев, белорусов и русских имеет, помимо геополитических и культурно-исторических причин, также и языковые причины. Ареал восточнославянских языков в целом характеризуется большей взаимной близостью языков, чем два других ареала Славии - западно- и южнославянский. При этом в границах восточнославянского имеет место бóльшая близость между белорусским и русским языком, чем между украинским и русским. В этом легко убедиться сопоставляя эквивалентные тексты на трех языках (например, переводы Библии или Всеобщей Декларации прав человека ООН). Ниже в *Табл. 4.а* представлены усредненные данные о количестве межъязыковых различий, приходящихся на 100 словоформ эквивалентного текста.

Было сопоставлено по 10 фрагментов на трех языках, длиной в 100 словоформ, из Евангелия от Матфея). Подсчитывалось количество несовпадающих граммем (включая такие асемантические расхождения, как различия по роду у неодушевленных существительных (типа укр. *одяг* – рус. *одежда*) и как несовпадения между синтаксически зависимыми граммемами); было подсчитано также число несовпадающих лексем, т.е. лексем, которые различаются корнем или хотя бы аффиксами (как бел. *адзенне* – рус. *одежда*). В *Табл. 4.а* приведены среднеарифметические данные о количестве межъязыковых различий по трем парам языков.

Табл. 4.а. Количество межъязыковых различий, приходящихся на 100 словоформ эквивалентного текста (на украинском, белорусском и русском языках)

Пары языков	Количество несовпадающих граммем	Количество несовпадающих лексем
Белорусский и русский	07	43
Украинский и русский	12	50
Белорусский и украинский	13	30

Что касается фонетико-фонологических различий, то они более резко (чем различия в грамматике и лексике) отличают украинскую речь от литературной русской и белорусской. В украинском: 1) нет аканья; 2) звук, восходящий к звуку на месте древнего Ъ из дифтонга, изменился в [i]: *хліб*; 3) этимологические [o] и [e] чередуются с [i]: *він / вона, з Києва / Київ*; 4) все согласные перед [e] и все губные произносятся твердо. В то же время различия в звучании между русской и белорусской речью существенно менее фоно-

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

логичны, поскольку затрагивают главным образом интегральные, а не дифференциальные признаки фонем (например, бел. [ч] только твердое, а рус. [ч'] только мягкое). Белорусское "цекане"- "дзеканне" (произнесение мягких аффрикат [ц'] и [дз'] в результате смягчения взрывных [т] и [д] перед передними гласными), во-первых, носит не фонологический, а фонетический характер; во-вторых, оно наблюдается, хотя и в меньшей мере, также и в русском произношении¹¹. Другое дело, что "цекане"- "дзеканне", в силу фонетического характера белорусской орфографии, отображается на письме: *хата* - у *хаце*, *сады* - у *садзе*.

Отмеченный объективно-лингвистический факт - это еще один фактор в ряду тех, с которыми связаны бóльшая замедленность и затрудненность белорусского национального самоопределения (в сравнении с украинским).

В условиях двуязычия близость языков подтачивает функциональные и структурные демаркации между языками. Если в двуязычном социуме все жители просто "по жизни", без особого обучения и усилий, понимают речь на обоих языках, то у людей пропадает самый массовый стимул овладеть вторым в социуме языком - опасение оказаться "без языка": не суметь объяснить, не суметь понять сообщение. (При этом, естественно, выбор делается в пользу более престижного языка).

С другой стороны, ближайшее родство языков при двуязычии создает условия для массовой и постоянной интерференции языков в речи билингов, что приводит к гибридным языковым образованиям (в Беларуси это *трасянка*, в Украине - *суржик*).

4.2.9. Алфавитная раздвоенность белорусской письменной культуры XIX-XX вв.

В ряду факторов, затруднявших консолидацию белорусов, следует назвать еще один, связанный с различиями между православием и

¹¹ Ср. наблюдения Р.И. Аванесова: "В русском литературном языке мягкие [т] и [д] произносятся с очень слабым свистящим фрикративным элементом, который практически говорящими обычно не ощущается [...]. В отдельных русских говорах при произнесении [т'] и [д'] фрикративный элемент бывает представлен заметно сильнее: вместо [т'] и [д'] тогда появляется [т^с] и [д^с] или даже [б'] и [д'з']. Такое произношение иногда проникает и в литературный язык" (Аванесов 1968, 109-110).

католичеством, - более чем двухсотлетнее сосуществование в белорусской культуре кириллического и латинского письма.

По данным А.Е. Крымского, в Украине латинка (в польском варианте) была известна с начала XVII в: такова, в частности, графика рукописных и печатных интермедий галичанина Якуба Гаватовича; казацких сатирических и лиро-эпических виршей середины XVII в.; в 1835 г. в Перемышле латинкой напечатан этнографический сборник *Ruskoje vesile opysanoje czerez J. Łożyńskoho*; А.Е. Крымский упоминает также украинские газеты Галиции, напечатанные латинским шрифтом (Кримський 1929, 176-177, 182). Однако в целом в галицийской украинской письменности всегда преобладало традиционное для униатов Австрийской Украины письмо - кириллица. Имеются сведения о сопротивлении украинцев Галиции попыткам ввести латинку в украиноязычные издания (в 1859 г.; см. Огієнко 1949, 216). Более того, в силу значительного влияния униатско-москвофильских кругов, в Галиции еще в конце XIX в. встречаются светские издания, набранные орнаментальным церковнославянским шрифтом (Bieder 1998, 111).

Иначе у белорусов: в первой половине XIX в. латинка преобладает почти безальтернативно и до 1919 г. ее присутствие остается значительным. Латинская печать была единственно приемлемой для "Музыкај прауды" и писем *z pad szubienicy maskouskoj* католика Винцента Константина Калиновского, обращенных *do ludu bialoruskiego, do muzykou ziemi Polskiej*. В латинке изданы все прижизненные книги классиков нового литературного белорусского языка - Винцента Дунина-Марцинкевича и Францишка Багушевича.

Однако к XX в. белорусская латинка уже тонула в море кириллической книжно-газетной продукции (прежде всего на русском языке). Письмо, органичное для зачинателей национальной литературы, теряло в обществе свою относительную значимость. Возрождение 1906-1918 гг., по традиции белорусского свободолюбия, хотело сохранить латинский шрифт. Латинка была азбукой католического меньшинства (12,4 % белорусов), однако у не была особая семиотика - как знак "европейскости", "культурности" белорусского возрождения, символ солидарности с польским свободолюбием и ориентации на польские авторитеты. Существенно и то, что зачинателями возрождения были белорусы преимущественно из католических семей, т.е. те, для кого первой азбукой была латинка. Одна-

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

ко, стремясь к надконфессиональной консолидации народа, они решили писать и на латинке и на кириллице.

С 1906 г. в Петербурге и в Вильне появляются параллельные белорусские издания, различавшиеся шрифтом. Таких изданий известно более 60 (т.е. более 30 кириллических и столько же латинских). В их числе хронологически второй белорусский букварь (1906), первый белорусский учебник истории Вацлава Ластоўскага (1910), первая и лучшая из довоенных белорусская грамматика Бранаслава Тарашкевича (1918), а также две еженедельные газеты (в двух алфавитных версиях каждая). Самым значительным из параллельных изданий была *Наша Ніва* - хронологически вторая газета на белорусском языке (после *Нашай Долі*), длительное время оставшаяся единственной белорусскоязычной газетой (при относительной многочисленности русскоязычных газет). В использовании двух алфавитов заключается одна из драматических коллизий "Нашаніўскага адраджэння". В 1912 г. *Наша Ніва* из-за экономических трудностей перешла на один шрифт - кириллицу. В придавленном русификацией крае, где грамотных не было и четверти населения, латинку выбирал слишком узкий круг людей; большинству потенциальных читателей она оставалась недоступной.

Вопросы, связанные с двумя белорусскими алфавитами, - это локальное, но концентрированное выражение основной проблемы в истории белорусов - проблемы национально-культурного и политического самосохранения в условиях "жизни в тени" России и Польши. Два алфавита в обескровленной культуре - это часть белорусской реальности... Белорусское возрождение 1906-1918 гг. в стремилось возродить или выработать третье (не польское и не русское) начало, объединяющее белорусов. Такое начало виделось в идеалах культурного крестьянствования, в жизни "своим домом". Однако параллелизм двух белорусских алфавитов противоречил консолидации народа. Два алфавита не только разъединяли. В Беларуси начала XX в. продублировать более 30 изданий, в том числе шесть лет еженедельно печатать в двух версиях единственную белорусскую газету - это значило распылять силы национального возрождения (См. подробнее в 3-ей статье этой книги).

4.3. КОНСОЛИДИРУЮЩЕЕ ПРЕИМУЩЕСТВО БЕЛОРУССКОЙ СИТУАЦИИ: БОЛЬШАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ОДНОРОДНОСТЬ БЕЛАРУСИ (В СРАВНЕНИИ С УКРАИНОЙ)*

Рассмотренные в 2-м разделе различия между языковыми ситуациями в Украине и Беларуси позволяют понять, почему белорусское национальное возрождение менее успешно, чем украинское. По всем рассмотренным признакам Беларусь оказывалась в более трудных, неблагоприятных условиях, чем Украина.

Однако следует поставить и встречный вопрос: имеются ли в белорусском ареале черты, которые можно трактовать как консолидирующее преимущество белорусской ситуации в сравнении с украинской? Ответ положительный, такие черты есть (хотя это, скорее, одна черта): для Беларуси характерна бóльшая этноязыковая и диалектная однородность населения, чем для Украины. Это было заметно еще по советским переписям: не только по меньшему удельному весу украинцев во всем населении Украины (в сравнении с процентом белорусов в БССР), но и по отношению в республиках к национальным языкам: в 1989 г. в БССР 71,3% жителей (независимо от национальности) назвали белорусский язык своим родным языком, в то время как в УССР соответствующая группа составила 64,7% населения.

Ареальная консолидированность этнического языка проявляется в двух аспектах: 1) в глубине (или «силе», «резкости») различий между диалектами или группами диалектов, а также в резкости различий между диалектами и литературным языком; 2) в наличии конкурирующих наддиалектных образований, могущих претендовать на роль языкового стандарта, общего для всего народа.

Территория белорусского языка в диалектном отношении достаточно однородна. Ее бóльшую часть занимают относительно близкие друг к другу диалекты, образующие так называемый "основной массив белорусских говоров" (термин белорусской диалектографии, см. Крывіцкі 1994). От "основного массива" значительно отличается группа западнopolесских говоров, северная граница которых проходит по линии городов Брестской области Пружаны - Бяроза - Лунинец - Столин. Западнopolесские говоры представляют собой переходные идиомы между белорусским и украинским

* 3-й раздел статьи написан при ее подготовке к публикации в данной книге.

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

языками; при этом в разных диалектологических картах (К.П. Михальчука 1877 г., Е.Ф. Карского 1903 г., Московской диалектологической комиссии 1914 г., украинских диалектологов 1933, 1966, 1980 гг.) граница между белорусскими и украинскими говорами проводится существенно по-разному.

Наблюдаемые проявления этноязыковой активности носителей диалекта не позволяют говорить о западнopolесском этносе. В конце 80-х - начале 90-х гг. по инициативе Мыколы Шаляговича, уроженца Полесья и в те годы аспиранта Института языкознания Академии наук Беларуси, было создано общественно-культурное объединение *Полісьсе*¹², ставившее перед собой просветительские и краеведческие задачи, включая развитие литературного творчества на полесском диалекте (в котором энтузиасты видели основу нового литературного *ятвяжского* языка)¹³. Вышло несколько отпечатанных на ротапринтере номеров газеты *Збудінне* ('пробуждение', в качестве печатного органа объединения *Полісьсе*) и несколько страниц-вкладышей в республиканской молодежной газете *Чырвоная змена*, с заглавием *Балесы Полісься* ['Страницы Полесья'] (1988-1990 гг.), написанных на *ятвяжском* языке с использованием особой графики.

Большинство белорусских филологов и литераторов отрицательно отнеслось к названным инициативам, видя в них угрозу позициям белорусского языка. М. Шаляговіч, в частности, был исключен из аспирантуры. Что касается органов государственной безопасности, то в годы перестройки и гласности *Полісьсе* не вызвало опасений в сепаратизме. Объединение распалось из-за недостатка приверженцев; Шаляговіч занялся бизнесом¹⁴.

Впрочем, в 1998 г. газета *Навіны* сообщила о следующем факте. По распоряжению органов госбезопасности из библиотек Брестской области было изъято 27 экземпляров "Словника Берестейщины" Владимира Леонюка (Львов 1996). Книги подарил библиотекам Украинское общественно-культурное объединение, официально зарегистрированное в Беларуси. Шеф Совета безопасности В. Шейман, выступая на слушаниях по правам человека в Национальном собрании, сказал: "Мы не допустим создания у нас в Брестской и Гродненской областях своего Косова". Как замечает ав-

¹² См. публикации учредительной конференции: *Літвіжска (полісьска) штудійно-прахтыцка конфырэ́нцыя: Тэзы проказэ (13-14 апріля 1990 р.)*, Пыньск 1990. - 98 с.; *Літвіжска (заходышнополісьска) штудійно-прахтыцка конфырэ́нцыя: Матырjелы (13-14 апріля 1990 р.)*, Пыньск 1990. - 23 с.

¹³ О *ятвяжском* языке в общеславянской перспективе см. статью Н.И. Толстого "Новый славянский литературный микроязык?" (Толстой 1998, 497-506).

¹⁴ Ср. поздние гипотезы публициста: "Рух «новаяцвягаў» сапраўды можна разглядаць як спробу рэалізацыі нацыятворчага праекту, а можна - як маштабную палітычную інтрыгу ці ўмелую правакацыю КДБ супраць беларускага і ўкраінскага нацыянальна-вызвольных рухаў. Маўляў, як Малдове стварылі Прыднястроўе, так тутака хацелі стварыць Яцвязь" (Дынько 2000, 14).

тор материала, "відаць, органы бяспекі, не маючы рэальных ворагаў, каб апраўдаць існаванне гіганцкага апарату спецслужбаў, вырашылі эксплуатаваць міф пра сепаратызм гродзенскіх палякаў і ўкраінцаў Берасцейшчыны і Піншчыны" (Дынько 1998).

В сравнении с белорусской ситуацией, диалектный ландшафт украинского языка значительно менее однороден. Еще в относительно недавней истории (конец XIX - начало XX в.) имелось два письменно-литературных узуса украинского языка: в Надднепровской ("российской") Украине (на основе юго-восточного наречия украинского языка) и в западной ("австрийской") Украине (с опорой на галицко-буковинские говоры). Различия двух узусов связаны не только с глубиной диалектной дифференциации языка, но и с общественно-политическими различиями в существовании украинского языка в разных империях. В России до 1905 г. власть трактовала украинский язык как «малороссийское (или «южнорусское»¹⁵) наречие» великорусского языка, поэтому общественное использование украинского языка ограничивалось публикацией художественных текстов и исторических документов. В Габсбургской монархии в ее разных ареалах условия для развития украинского языка были несхожи: в собственно «Австрийской Украине» (Галиция и Буковина) имелись значительные этноязыковые свободы (см. выше, раздел 2.5); в «Угорской Украине» (тех украинских закарпатских землях, которые находились под управлением венгерской администрации) украинский язык не разрешался в публичном употреблении, в том числе в начальной школе.

Интенсивное развитие литературного украинского языка в Галиции (украинские школы, газетно-журнальная публицистика, гуманитарная и естественно-научная терминология и ученая проза многочисленных изданий *Наукового Товариства ім. Т. Шевченка* (*Записки, Исторична бібліотека, Студії*, этнографические сборники и т.п.), проза и поэзия Ивана Франко, Василя Стефаника, Ольги Кобылянской и др.), преимущества естественной украинской идентичности Галиции на фоне русифицированной Надднепровской Украины привлекали многих. Однако были и противники "огаличания" украинского языка (см. подробно Шевельов 1998, 51-56, Русанівський 2001, 245-253). Продолжительная дискуссия о языке (в

¹⁵ Ср. текст на титульном листе букваря Тараса Шевченко (в записи на «ерыжке»): *Букварь южнорусскій, 1861 року. Цина тры копійкы. Санктпетербурзь.*

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

90-х гг. - начале XX в.) в "обеих Украинах" отражала двойственность украинского литературно-журнального узуса.

Иван Франко, общепризнанный лидер галицийской словесности, выступал за консолидацию двух ветвей украинской литературы на языковой основе Надднепровской Украины. Это объединение и произошло в 1918-1920 гг. - в силу массы факторов, возникших в бурных событиях Первой мировой войны, последующих войн и революций. Однако накануне Первой мировой войны вектор истории еще не просматривался однозначно. Модест Левицкий, отвечая в 1913 г. противникам западноукраинского языка, писал: "Не дай Боже, доживемо до того сумного явища, що колись буде дві українські мови" (цит. по работе: Шевельов 1998, 53).

В годы между мировыми войнами межгосударственная разделенность Украины сохраняла языковые и усиливала ментальные различия "восточных" и "западных" украинцев. В сочетании с комплексом новых национально-языковых проблем вокруг Крыма это привело к тому, что в современной Украине имеется не одна, а по меньшей мере три ситуации (Надднепровская Украина, Западная Украина и Крым), при этом ситуация в городах существенно отличается от положения дел в сельской местности. Ср. в Табл. 4.b выборочные данные о степени украинизации образования в Украине в целом и в некоторых ее контрастных регионах.

Табл. 4.b. Удельный вес обучения на украинском языке в детских садах, средних школах и вузах Украины в 1996 уч.г. (в процентах)

Сту-пень образова- ния	Р е г и о н ы У к р а и н ы						
	Ураи -на (вся)	Киев	Киевская область (без Киева)	Донец- кая обл. (с До- нецком)	Автоном ная рес- публика Крым	Сева- сто- поль	Львов- ская обл. (со Львовом)
Детские сады	69	99	97	15	0,3	0,5	99,6
Средние школы	60	76	93	07	0,1	0,2	97,0
Вузы	56	75,3	99,4	11	0,2	0,0	100

Источник: Українська мова 1999, 48-52.

Наличие в современной Украине нескольких языковых ситуаций и двух вариантов литературного украинского языка переросло в волнующее политиков противопоставление двух регионов

страны: русифицированной восточной Украины, в речевой практике которой преобладает суржик, и западной Украины, где распространено пренебрежение к украинцам остальных областей страны («зрусифіковані та зденаціоналізовані» «східняки», «енки» и т.п.); (см. Українська мова 1999, 41, 58, 363). Язык украинской диаспоры восходит к львовскому интердиалекту.

Однако вернемся к вопросу о том, имеются ли в белорусском ареале черты, составляющие консолидирующее **п р е и м у щ е - с т в о** Беларуси по сравнению с украинской ситуацией. По моему мнению, ответ может быть таким: у Беларуси, в силу ее бóльшей этноязыковой и диалектной однородности населения (в сравнении с Украиной), нет тех серьезных проблем, связанных с преодолением центробежных тенденций в регионах, которые стоят перед Украиной. Несомненно, в белорусской ситуации это позитивный фактор "внутренней" стабильности страны, однако он и не ускоряет и не ослабляет процессы национального возрождения. Что касается Украины, то здесь Киеву приходится постоянно иметь в виду задачи сохранения / упрочения ментальной и диалектно-языковой консолидации Украины. При этом, однако, Западная Украина, как и 100 лет назад, выступает как весомый фактор "украинизации" страны.

4.4. Ряд следствий, значимых для национального возрождения в Беларуси: особенности белорусского этноязыкового самосознания

4.4.1. Парадоксальность массового языкового сознания белорусов: народ не говорит на том языке, который признает своим родным языком

Процент говорящих на белорусском языке точно никому неизвестен. Называют разные цифры: 43% населения Беларуси (Залоска 1992); 16% жителей малых белорусских городов (Кузьмянкова 1993); 1,5-2% жителей Минска (эта цифра, со ссылкой на "служебные источники" Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Беларуси, названа в работе Залоска 1992); 3,8% жителей Минск (Канвіцкі 1994).

Ненадежность количественных оценок связана с недостаточной определенностью в условиях двуязычия того явления,

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

встречаемость которого подсчитывается. Например, неясно, входят ли в "число говорящих на белорусском языке" люди, говорящие на "трасянке" с преимущественно русской лексикой? Входят ли в число "говорящих на белорусском языке" люди, которые используют белорусский язык только по работе (например, учительница белорусского языка и литературы, которая во всех ситуациях, кроме уроков, говорит по-русски)? Если информантов спрашивали о том, *владеют* ли они белорусским языком, то можно ли положительный ответ интерпретировать как "*говорят* на белорусском языке"?

Однако по переписи 1989 г. более 80% из почти 8 миллионов белорусов в БССР назвали своим родным языком белорусский. Иными словами, миллионы людей не говорят на языке, который считали и считают родным. Вот, кажется, вот основание, чтобы вслед за П. Векслером (Wexler 1992) назвать белорусскую ситуацию *шизоглоссией*. Ощущение этого противоречия травмирует белорусское сознание, вызывая чувство вины (Ср. заглавие материала о школьном преподавании языка, напечатанного в русскоязычной молодежной газете *Знамя юности: Прости нас, родная мова!*).

4.4.2. Белорусы в большей мере (чем украинцы) подвержены ассимиляции

По данным советских переписей населения, белорусы чаще, чем представители титульных наций остальных союзных республик, называли своим родным языком не белорусский, а иной язык (большой частью русский). Такая языковая самоидентификация является проявлением ассимилированного сознания. Динамика ассимиляции белорусов в Белорусской ССР (по данным трех последних переписей населения СССР), представлена в Табл. 4.с.

Табл. 4.с. Нарастание языковой ассимиляции белорусов в БССР в 1970-1989 гг.

Годы переписей	1970	1979	1989
Процент белорусов (в БССР), считающих своим родным языком белорусский	90,15	83,50	80,22

Источник: Итоги 1973, 192; Национальный состав 1991, 20-21.

Сопротивление ассимиляции реализуется в двух противоположных направлениях: с одной стороны, в национальной ангажированности части белорусской интелли-

генции, но с другой стороны, - в национальной апатии и космополитических склонностях.

Проявления космополитизма не очень заметны, они сказываются не столько в идеологии или даже умонастроениях, сколько на практике. Например, в таком факте: еще при советской власти, по данным западных специалистов, в Беларуси (в сравнении с другими союзными республиками) более широкое распространение получили общеобразовательные школы с преподаванием части предметов на иностранных языках (Lewis 1972, 205). Переселенцы из Беларуси в России и на Западе почти не образуют белорусских общин (во всяком случае, такие организации всегда малочисленнее и слабее украинских); в целом белорусы за пределами Беларуси ассимилируются быстрее, чем украинцы.

4.4.3. Белорусы - стихийные конфедераты

Отношение населения страны к ее независимости и объединению с Россией парадоксально: белорусы и хотят и не хотят независимости. Ср. в Табл. 4.d. ответы 1535 граждан Беларуси (в социологическом опросе 1996 г.) на два противоречащих друг другу вопроса относительно независимости и интеграции.

Табл. 4.d. Отношение граждан Беларуси к объединению с Россией в 1996 г.

Вопросы	Ответы		
	Да	Нет	Не ответили
1. Хотите ли Вы, чтобы Беларусь была независимым государством?	64,6 %	34,4 %	1,0 %
2. Хотите ли Вы, чтобы Беларусь и Россия объединились в одно государство?	62,5 %	32,0 %	5,5 %

Источник: Шавель, 1996.

4.4.4. Черты романтизма в национально ангажированном белорусском сознании

Национальное движение в Беларуси не является массовым, поэтому ему не достает зрелости и реализма в оценках ситуации. Камерность и недостаточная взрослость ангажированного сознания про-

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

является в интеллектуальной и информационно-образовательной слабости части авторов, защищающих белорусский язык.

Одно из проявлений романтизма состоит в преувеличении роли языка в обществе, его этносохраняющих возможностей. Публицисты-историки, реже политики видят в национальном языке главное условие сохранения белорусского государства. Ср. у историка: *Выжывем толькі з роднай мовай* (Лыч 1994, 140); *Без адраджэння мовы няма суверэннай дзяржавы* (П. Краўчанка, историк, бывший секретарь Минского горкома КПБ, министр иностранных дел в 1990-1994 гг.); *Без беларускай мовы няма Беларусі* (историк Алег Трусаў, председатель *Таварыстава беларускай мовы*).

Романтики могут отождествить язык с народом; неупотребление языка сближают с физической смертью его носителей. Ср. заглавие газетной статьи Сяргея Навумчыка, одного из лидеров Белорусского Народного Фронта: *Нашчадкі не даруюць усім нам, калі на пачатку новага тысячагоддзя будзе знішчаны беларускі народ* (*Народная воля*, 1998, 08.07). Между тем в статье говорится все же не о геноциде, а о государственной политике, направленной на вытеснении белорусского языка из общественной жизни.

Такой же огромной видится роль белорусского языка в личных судьбах его защитников. "Мы - носьбіты мовы, а ўсё астатняе - прыкладаецца, калі чалавек досыць разумны, каб стаць багатым. [...] Маршрут вядомы: трэба спачатку ў дасканаласьці вывучыць мову, каб пасля таксама вывучыць сябе, а пасля - сьвет. Бліскава авалодаць ёю, а пасля сабою, каб кіраваць сьветам. Тады спраўдзіцца старая беларуская масонская казка пра Івана ўдовінага сына" (Каўчук 1998).

Нередко происходит сакрализация или фетишизация языка. Ср.: "Пачуцьце мовы еённа - гэта пачуцьце Бога - пачуцьце сябе - пачуцьце свёй мэты - пачуцьце сэнсу гэтага стагодзьдзя і тысячагодзьдзя" (Каўчук 1998). Публицист Алесь Гибок-Гибкоўски сравнивает язык с крестом и крыльями (статья *Крыж и крылы* в еженедельнике *Літаратура і мастацтва*, 1998, 03.07); у Алега Лойки в стихотворении *Мова мая беларуская* язык предстает одновременно и раем и адом: *Мова мая беларуская - / Мой зямны рай... / [...] Мова мая беларуская - / Пекла маё зямное* (*Літаратура і мастацтва*, 1998, 15.05).

Романтически настроенные авторы не хотят смотреть правде в глаза и склонны принимать желаемое за действительное. Ср.: "Як імкліва нас пакідае Расея! [...] Для сёньняшніх нашых тынэйджэраў гэта краіна не Высоцкага і Таркоўскага, а хутчэй - краіна без куміраў. Менавіта ад гэтае пустаты расейская мова стала ў нас моваю таннае папсы, а беларуская яшчэ не стала моваю рок-н-ролу й высокай мовы. А часу застаецца ня так і шмат. Роўна столькі, колькі будзе кіраваць першы і апошні" (Бартосік 1997).

В городах выбор в общении белорусского языка вполне определенно маркирован: это акт борьбы за язык *шпрэхтрэгерскай бе-*

ларускай інтэлігенцыі (если использовать самоопределение Андрэя Каўчука; см. Каўчук 1998). Белорусская литературная неофициальная речь в городе элитарна; переход на белорусский язык за пределами своей группы - это в большей или меньшей степени вызов и демонстрация отдельности (особенно у людей до 30-40 лет). Борьба за родной язык требует мужества, жертвенности, усилий, но она наполняет жизнь смыслом и творчеством. Защитники белорусского языка, выходя за пределы узкого круга говорящих по-белорусски соратников, попадают в атмосферу дискриминированного одиночества. Ср.: "Цяжка пазбыцца адчування жывога экспанату ў запарку «Беларусь», экзатычнага калекцыйнага жука на шпільцы [...]. «Вы так красіва размаўляеце! Па рабоце ілі как?» - вось адна з рэплік, якую носьбітам мовы часта даводзіцца чуць" (Каўчук 1998).

Белорусская речь в небелорусскоязычном окружении - это своего рода обет, который добровольно принимают защитники языка. Лирический герой одного эссе признается, что на мове он решается говорить только в особом настроении и даже в особой одежде: "Асабіста я ня стану гаварыць на «бел», знаходзячыся ў «нябелым» настроі, ці нават маючы нейкую хібу ў адзеньні. Каб нішто не дапамагло асацыяваць маю мову зь якім-кольвек убоствам" (Бартосік 1997). Психологическая конфронтация с русскоязычным большинством нередко вызывает у лирических героев эссе стремление к скандалу, драке, т.е. к некоторой физической реализации своего языкового вызова большинству.

"Усіх гэтых правоў, напрыклад, права на белмоўную вайсковую службу трэ' было б дамагацца - і праз суд, і кулакамі - але ж апошнія гады канчаткова паставілі дыскрымінаваную меншасць у стан, калі дамагчыся нейкага толку можна адно тэрарызмам або ўхіленьнем (у нашым прыкладзе - пазьбягаючы службы ў войску)" (Каўчук, 1998); "Патрэбен такі стыль, каб белых людзей пазнавалі адразу. Каб не пасьпявалі мы адкрыць рот, а яны ўжо ведалі, якою моваю зь імі будуць мовіць. А зь першымі нашымі словамі пасьпявалі закрыць свае раты. Маючы пэрспектыву атрымаць "дапамогу", якую практыкуе адзін мой знаёмы - дае поўху" (Бартосік 1997).

4.5. УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ПРОГНОЗЫ В 1998 Г.

Мнение литературоведа Иван Дзюбы, в прошлом диссидента, знавшего национальную политику социализма (см. Дзюба [1966] 1973), ныне академика Национальной академии наук Украины: при всей

4. Национальное возрождение в Беларуси и Украине

"незавершенности национальной консолидации и ущербности национального сознания в результате столетий русификации", при всей агрессивной антиукраинской направленности нынешнего стихийного «дикого» рынка, при всем "критическом уровне русифицированности общества", при "драматической исторической запоздалости нашей государственности - все же "государство Украина состоялось. И пребудет во всем «обозримом историческом будущем»" (Дзюба 1998, 22, 25, 26).

Мнение Народного писателя Беларуси Василя Быкава: "Белорусы все же потеряли свой очень важный и благоприятный исторический шанс, который дала этой нации в самом начале распада советской империи история [...]. Беларусь не может пойти наперекор всеобщим, всемирным, европейским процессам. [...] Мы пойдем по своему историческому пути не назад, а вперед, как все, только потеряем на этом пути, может, пять, может десять, а может, и сто лет. Такая наша судьба. Судьба, конечно, ужасающая. Кто здесь больше виноват? Я думаю, что все же виновата нация, это ее метафизическая вина" (Быкаў 1998).

Когда Быков говорит: "Нация без языка - это не нация" (Быкаў 1998), то он вторит романтикам. Однако реальность другая: нации без своего "одного" и "особого" языка существуют (только в Европе - австрийская, ирландская, швейцарская, бельгийская, боснийская, черногорская и др.). Нации не существуют без независимости - без хотя бы минимально автономной, "своей", организации своей жизни. (И, надо признать, даже при советской власти какая-то дозированная автономия имелаась и у БССР: Советская Беларусь, член ООН, все же не была *Северо-Западным краем*).

С распадом СССР Беларусь получила независимость не только без борьбы, но и без стремления к ней. Как сказал Сократ Янович, живущий в Польше белорусский писатель, "Беларусь осуждена на суверенитет". Этот суверенитет, каким бы он ни был "бумажным" и "липовым", сохранится - в силу экономических и политических преимуществ быть отдельным от России государством. С суверенитетом связаны будущее национально-культурной самостоятельности народа Беларуси, в том числе белорусского языка.

5. ВИНЦЕНТ ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ НЕ БЫЛ АВТОРОМ ВОДЕВИЛЯ *ПИНСКАЯ ШЛЯХТА**

5.1. ХРОНОЛОГИЯ И РАЗБОР ИЗВЕСТИЙ О *ПИНСКОЙ ШЛЯХТЕ*

А. 1868 г. Дунин-Марцинкевич в письме Яну Карловичу от 15.07.1868 (датировка Я.Я. Янушкевича, см. Янушкевич 1991, 121), говоря о своем вкладе в обработку *ludowej literackiej niwy*, приводит нумерованный перечень своих книг, включая не пропущенные цензурой *ludową powiastką "Karanasya"* и перевод *Pana Tadeusza* (всего 6 позиций, в числе которых нет *Пинской шляхты*). Далее говорится о том, где можно достать уцелевшие экземпляры *Pana Tadeusza*, и затем - о своего рода обмене книгами и рукописями:

"O nadesłanie prac Pańskich najczulej upraszam, będą one pomieszczone w pamiątkach drogich mojemu sercu, obok pamiątek od Kraszewskiego i nieboszczyka Korzeniowskiego. Własnie jedzie jeden poczciwy szlachcic z naszych stron, który doręczy Panu Dударza i *Lucynkę*, a do Wiszniewskiego wiezie dla przeczytania *Pinskaja Szlachta* i *Szkice prowincjonalne*" (Цит. по публикации в кн.: Янушкевич 1991, 123).

В приведенной выдержке, как и в письме в целом, не сказано, что автор *Пинской шляхты* - это Дунин-Марцинкевич. Характерно, что рядом с водевилем названы *Szkice prowincjonalne*, автор которых неизвестен, и, принимая во внимание жанровый состав литературного наследства Дунина-Марцинкевича, трудно допустить, что *Szkice* написаны им.

В. 1885 г. В марте 1885 г. в петербургском польскоязычном еженедельнике *Kraj* (№ 10), в редакционном некрологе памяти Дунина-Марцинкевича *Pieśniarz białoriski*¹ говорилось:

* Впервые напечатано в *Wiener Slawistischer Almanach* (Bd. 46, 2000, 225-238). В настоящем сборнике статья публикуется с любезного разрешения издателей и редакторов журнала *Wiener Slawistischer Almanach*.

¹ Некролог был составлен редакцией на основе биографии Дунина-Марцинкевича, присланной Александром Ельским, и подписан псевдонимом Ельского *eli*; перевод некролога на белорусский (Г.В. Кисялёва) см. в кн.: Пачынальнікі 1977, 162-165.

5. Винцент Дунин-Марцинкевич

З 1863 г. Марцінкевіч цалкам адасобіўся ў сваёй сядзібе. Пісаць не перастаў, але публічна ўжо не выступаў. [...] Колькі яго прац таго часу (як, напр. "Залёты", вадэвіль на мяшанай беларуска-польскай мове, "Пінская шляхта" па-беларуску) мае ў сваіх зборах п. Аляксандр Ельскі (Замосце пад Мінскам). Добра было б как пп. выдаўцы звярнулі на іх сваю ўвагу (Цит. по: Пачынальнікі 1977, 164).

Сообщение о *Залётах* и *Пинской шляхте* было сенсационно неожиданным. За месяц до него, в феврале 1885 г., издатели *Kraja*, еще не зная о смерти Дунина-Марцинкевича (наступившей в декабре 1884 г.), в предисловии к статье А. Ельского *O gwarze białoruskiej* (№ 6) сообщали, что Дунин-Марцинкевич, "адзін з вядомых працаўнікоў на непрафесійнай дагэтуль ніве беларускага пісьменства", прислал в редакцию образец своего перевода *Pana Tadewusza* А. Мицкевича, "мяркуючы, што пры пасрэдніцтве *Kraju* ўдасца яму знайсці выдаўца і апублікаваць пераклад [...]" (Цит. по: Пачынальнікі 1977, 328). Возникает вопрос: почему Дунин-Марцинкевич не заводил речи о *Пинской шляхте* и не хлопотал о ее публикации? Скорее всего, потому, что не он был автором произведения.

По-видимому, Ельски до кончины Дунина-Марцинкевича не знал о существовании *Пинской шляхты*. Аляксандр Ельскі (1834-1916), известный белорусский историк и этнограф², диалектолог, библиограф, фольклорист и первый биограф Дунина-Марцинкевича (т.е. человек с профессиональной памятью на факты), в стихотворном шутливом послании *Вінцуку Дуніну-Марцінкевічу* (1872 г., первая публикация - 1919 г.), перечисляя книги и персонажи Дунина-Марцинкевича (*Здароў, Вінцэсь, айцец "Гапона"! / Табе паклон ад Гелікона / За "Вечарніцы" і за "Дудара" / І за "Навума" - сяла гаспадара*), не упоминает ничего, что было бы связано с *Пинской шляхтой*, т.е. с произведением, самым близким по времени и самым талантливым. Более того, в послании звучит упрек айцу *"Гапона"* в молчании и призыв вновь "запеть": *Ды пацеш жа Мужычкоў, / Ім трэба песенькі сваей, / Дык ты ж, Вінцэсь, ты ім запей. / [...] Ты толькі нам зайграй: ду-ду! / Бо ўжо вельмі сумна ста-*

² В 1864 г. Ельски создал в своем имени под Минском литературно-краеведческий музей, фонды которого насчитывали около 7 тысяч книг, 20 тысяч рукописей, более тысячи гравюр, коллекции картин, монет, археологических находок (Мальдзіс 1985, 416).

ла, / *Як твая песня замаўчала* (Цит. по публикации в издании: Белорусская літаратура 1988, 357-358).

Скорее всего, после неудачи с изданием перевода *Пана Тадеуша* (1859) и трагических событий антиимперского восстания 1863-64 гг.³, до конца 60-х гг. Дунин-Марцинкевич не писал новых произведений. В 1867 г., посылая *на пробу* в газету *Виленский вестник* начало своей стихотворной повести *Былицы, рассказы Навума Приговорки* (1857 г., по датировке автора) он предлагает: "[...] я буду присылать свои сочинения, а господин редактор *Вестника* платить мне за всякую повесть" (Цит. по публикации письма в кн.: Дунін-Марцінкевіч 1984, 483). *Былицы, рассказы Навума* впервые напечатаны в минском журнале *Полымя* (1946, № 8-9, сс. 94-108) по копии с рукописи Дунина-Марцинкевича, снятой в 20-х гг. И.И. Замотиным).⁴ Возникает вопрос: почему автор, стремясь к сотрудничеству с газетой, в феврале 1867 г. даже не обмолвился о новом не опубликованном водевиле *Пинская шляхта* (датируемом 1866 г.) и хлопочет об издании повести, законченной им 10 лет назад? Скорее всего, он не был автором *Пинской шляхты*.

С. 1887-88 гг. Дочь Дунина-Марцинкевича Камила Асипавичова посылает Ян Карловичу фрагменты из *Sialanki*, перевод *Пана Тадеуша* и *Пинскую шляхту*. Поскольку в 1885 г. один список *Пинской шляхты* оказался в собрании Ельского (именно об этом списке *па-беларуску* он сообщал в *Kraj*), то очевидно, что дочь писателя говорит о другом списке комедии. Вот тот фрагмент письма, в котором упоминается *Пинская шляхта* (перевод с польского Г.В. Кисялёва):

Апрача таго, пасылаю яшчэ адзін твор майго бацькі: "Пінская шляхта". Калі Пан з прысланых рэчаў захоча што набыць, то прашу самому прызначыць

³ Дунин-Марцинкевич лично пострадал от правительственных репрессий: более года (с октября 1864 по декабрь 1865 г.) он находился под следствием в минской тюрьме (и это в возрасте 56 лет!), затем до конца жизни - под почти постоянным надзором полиции (надзор был снят в 1872-74 гг. и восстановлен в 1876 г.), с запретом отлучки дальше Минска. За участие дочерей и жены в демонстрациях и пение запрещенного гимна Дунин-Марцинкевич был оштрафован (в размере 30% доходов), а дочь Камила выслана из *Края*.

⁴ *Былицы, рассказы Навума* впервые были напечатаны в минском журнале *Полымя* (1946, № 8-9, сс. 94-108) по копии с рукописи Дунина-Марцинкевича, снятой в 20-х гг. И.И. Замотиным.

цану, бо я ў гэтым не разбіраюся (Цит. по публикации перевода в кн.: Кісялёў 1988, 10).

После смерти Карловича (1903) его архив, в том числе присланная рукопись *Пинской шляхты*, оказались в виленском историческом архиве. Я.Я. Янушкевич цитирует (в переводе) ее архивную паспортизацию, по всей вероятности, основанную на сведениях Карловича: "*Пінская шляхта* - п'еса з народнага жыцця. Аўтар невядомы" (Янушкевіч 1982). Ср. замечания об архивном списке Г.В. Кисялёва: "Тытула няма, аўтар неназваны. Няма і пераліку дзейных асоб, года напісання твора. Адразу пачынаецца тэкст" (Кісялёў 1988, 41). О рукописи было известно по крайней мере с 1965 г., при этом некоторые исследователи считали ее переводом комедии на украинский язык, другие (Г.В. Кисялёв, Я.Я. Янушкевич) видели в ней не перевод, но авторский текст (впрочем, без специальных доказательств первичности "пинской" редакции текста). Графологическая экспертиза фотокопии (по инициативе Я.Я. Янушкевича) доказала, что рукопись является автографом Дунина-Марцинкевича. Рукопись в кириллице, она законченная и аккуратная, однако с поправками и дополнениями, которые свидетельствуют, по мнению Г.В. Кисялёва, о том, "што перад нами - не апошні аўтограф твора" (Кісялёў 1988, 45).

Недостаточность приведенных фактов для доказательства того, что Дунин-Марцинкевич был автором *Пинской шляхты*, состоит в двух моментах. Во-первых, наличие списка пьесы, выполненного Дуниным-Марцинкевичем, не означает, что он был автором произведения. В Беларуси после 1863 г., в условиях запретов на печатное белорусское слово, сложилась практика рукописного копирования и распространения произведений. Списки посылали (передавали) для снятия копий, затем возвращали⁵. Известно, в частности, что после смерти Дунина-Марцинкевича в его архиве (по воспоминаниям Ядвига Ш., - *вялікі куфар, куды складаў ён сваё пісаньне*), среди прочего, были обнаружены написанные его рукой поэма *Тарас*

⁵ Ср. в цитированном выше письме Дунина-Марцинкевича Я. Карловичу: "W Lidzie u powiatowego doktora Cywińskiego jest mój własny [egzemplarz *Pana Tadeusza*. - Н.М.], który, za okazaniem tego pisma, da Panu do przepisania, a Pan, po skopiowaniu, racz mi go odesłać. Dalszych pieśni 1-go tomu będę Panu (dla przepisania) udzielał z tem, aby mi przez tęż samę okazyą, nie przez pocztę, odsyłać" (Цит. по публикации в кн.: Янушкевіч 1991, 123).

на *Парнасе*, стихотворение *Вясна гола перапала*, которые именно по почерку владельца рукописей вначале были атрибутированы Дунину-Марцинкевичу, под его именем были впервые напечатаны, и только через много лет вопрос об их авторстве был пересмотрен.

Во-вторых, поправки и дополнения в белой рукописи *Пинской шляхты* необязательно свидетельствуют о том, что их делал сам автор произведения. Рукописное, а не типографское воплощение текста нередко провоцировало владельцев рукописей или непрофессиональных "пользователей" на собственные приписки и исправления. Например, в каллиграфической, по бумаге и почерку едва ли не парадной, копии *Залётая*, снятой в Петербурге в 1893 г. известным собирателем белорусских источников Б.И. Эпимах-Шипилой с оригинала, который прислал ему из своего архива Ельски, имеется позднейшая правка текста, внесенная, по-видимому, Янкой Купалой или Язэпам Лёсиком в начале работы над переводом пьесы и ее редактированием для постановки (на сцене Белорусского музыкально-драматического гуртка в 1915 г. в Вильне)⁶.

Д. 1889 г. Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел (Санкт-Петербург) 12.08.1889 г. посылает в Вильну генерал-губернатору (*виленскому, ковенскому и гродненскому*) запрос о его мнении относительно целесообразности печатания в готовящемся *Календаре Северо-Западного края* "биографии В. Дунина-Марцинкевича с портретом его и еще не изданных произведений под заглавием *Пинская шляхта*, фарс-водевиль на пинском наречии, и *Сборника народных песен* на том же наречии" (Цит. по изданию: Пачынальнікі 1977, 167-168). . Ответ от 31.08.1889 г. генерал-губернатора относительно публикации биографии, портрета и водевиля был однозначно отрицательным.

Инициатором публикации *Пинской шляхты* был издатель *Календаря Северо-Западного края* на 1889 и 1890 гг. профессиональный историк, в те годы приват-доцент Московского университета М.В. Довнар-Запольский, имевший доступ к рукописным собраниям А. Ельского. Вместе с тем можно думать, что речь идет не о том списке *Пинской шляхты*, который после смерти Дунина-Марцинкевича оказался у Ельского и о котором в 1885 г. писал пе-

⁶ У Е.Ф. Карского указано, что пьесу перевел Купала (Карский 1922, 61); по данным Й. Голомбака, полный перевод выполнил Лёсик (Gołąbek 1932, 66).

тербургский *Kraj* в некрологе (см. раздел В). Ельски вполне точно сообщал о рукописях своего собрания: "Залёты, вадэвіль на мяшанай беларуска-польскай мове, *Пінская шляхта* па-беларуску". Если бы список *Пинской шляхты* Ельского был тем самым, который позже хотел издать Довнар-Запольский и который фигурировал в чиновнической переписке как *фарс-водевиль на пинском наречии*, то Ельский, скорее всего, не называл бы его белорусским. По-видимому, у Ельского был еще один список пьесы, с текстом *па-беларуску*.

Е. 1918 г. Минский еженедельник *Вольная Беларусь* (его главным редактором был Язэп Лёсик) в 1918 г. в №№ 30-31 печатает *Пінскую шляхту*, предваряя публикацию справкой, в которой водевиль впервые и окончательно датируется:

Твор гэты напісаны аўтарам пінчуцкай гаворкай у 1866 г. і да гэтага часу нідзе не друкаваўся. Выпраўлены на беларускі лад, ён друкуецца ў *Вольнай Беларусі* першы раз. З часам *Вольная Беларусь* выдрукуе і аўтэнтны гэтага твора.

Максим Гарэцки указывая, что эта публикация появилась под редакцией Язэпа Лёсика, ничего не говорит о языке первоисточника (Гарэцкі [1920] 1992, 215).

Ф. 1923 г. В этом году водевиль выходит в свет второй раз, судя по всему, в той же редакции Язэпа Лёсика, в сборнике *Сцэнічныя творы* (Менск) со следующим послесловием:

УВАГА. *Пінская шляхта* напісана Марцінкевічам пінчуцкай гаворкай у 1866 г., і да апошняга часу гэты твор нідзе не друкаваўся. Аўтэнтны гэтага твора ў часе польскай акупацыі Менска недзе згинуў.

Эта же дата (1866) и слова о *мове пінчукоў* повторены в статье Рамуальда Зямкевича (Зямкевіч 1923, 120). По-видимому, датировка основана на устном предании и связана с кругом Ельского: "У Ельскага, які ведаў год напісання камедыі, і ў рэдакцыі *Вольнай Беларусі*, былі, трэба думаць, больш познія тэксты" (Кісялёў 1988, 45). Что касается числа списков *Пинской шляхты* накануне ее публикации, то было не только несколько списков, но и две языковые версии водевиля - "па-беларуску" (о таком списке упоминал в 1885 г. Ельски) и "пінчуцкай гаворкай" (такой список дочь Марцинкевича в 1887 г. послала Карловичу; опубликовать такой список в *Календаре Северо-Западного края* собирался в 1889 г. Довнар-Запольский; такую версию *Пинской шляхты* "выпраўляў на беларускі лад" в 1918 г. Лёсик).

Г. 1984 г. В последнем и самом полном собрании сочинений Дунина-Марцинкевича (1984) составитель и комментатор издания Я.Я. Янушкевич, печатая текст водевиля по публикации 1918 г. в *Вольнай Беларусі*, в приложении к основному корпусу сочинений публикует тот текст из виленского архива, который вместе с другими рукописями дочь Марцинкевича послала Яну Карловичу через три года после смерти отца (см. пункт С). Таким образом, в качестве основного текста произведения издатель принимает его перевод 1918 г. на белорусский язык, а тот текст который, считает оригиналом, помещает в приложении (sic!).

Итак, прямые доказательства того, что водевиль *Пинская шляхта* написан Дуниным-Марцинкевичем, в документах эпохи отсутствуют.

Однако более сильные доказательства того, что не Дунин-Марцинкевич был автором водевиля, я вижу не в документах, а в тексте пьесы - в его языке и художественно-выразительных чертах⁷. Во-первых, если допустить, что "пинская" редакция была первоначальной (т.е. что ей не предшествовал какой-то сейчас неизвестный "минско-молодечненский" протограф), то следует принять во внимание и то, что Дунин-Марцинкевич не владел пинским диалектом, который, как известно, достаточно сильно отличается от основного массива белорусских говоров; не удастся удовлетворительно понять мотивы обращения Дунина-Марцинкевича к пинскому наречию (ср. в книге Кісялёў 1988, 45-46 объяснения, развиваемые некоторыми исследователями).

Во-вторых, и это главный аргумент, по своей поэтике *Пинская шляхта* вполне определенно отличается от всего написанного Дуниным-Марцинкевичем, в том числе и от пьесы, самой близкой к

⁷ Что-то похожее произошло с атрибуцией *Тараса на Парнасе*: у Ельского был самый ранний список поэмы, написанный рукой Дунина-Марцинкевича; на его основе Довнар-Запольский впервые издал поэму - в качестве сочинения Дунина-Марцинкевича (Витебск 1896), напечатав при этом в *Витебских губернских ведомостях* работу Дунина-Марцинкевича и его поэма "Тарас на Парнасе" (отдельный оттиск 1896). И все же атрибуция *Тараса на Парнасе* автору Гапона и Вечарніц - не удержалась: "В. Дунін-Марцінкевіч не мог быць аўтарам нашай пазмы, гэтаму супярэчыць і яго мова, звязаная найперш з мінскімі гаворкамі, і тэхніка верша і, нарэшце, культурная арыентацыя пісьменніка (яму бліжэй была польская літаратура)" (Кісялёў 1993, 366).

5. Винцент Дунин-Марцинкевич

Пинской шляхте по времени создания (если принять дату 1866 г.), - комедии *Залёты* (1870).

5.2. ТЕКСТ ВОДЕВИЛЯ "ПІНЧУЦКАЙ ГАВОРКАЙ" И ЕГО ВАРИАНТ, "ВЫПРАЎЛЕНЫ НА БЕЛАРУСКІ ЛАД"

О первичности "пинчуцкого" текста свидетельствует ряд смысловых потерь перевода. Ограничусь четырьмя разнотипными примерами.

5.2.1. В переложении нарушается логика в развитии мысли; одновременно страдает образная ткань текста. Ср. в песне Куторги:

Пинская редакция

*Гдэ унадытца юрыста,
Вымэтэ хату дочыста!
Такіх дываў нагаворыт,
Так многа кручкоў натворыт,
Шчо, почысаўшы затылок,
Ты рассупоныш узылок.
Не даш? Вюн тэбэ замучыт (с. 488)⁸.*

Перевод

*Гдзе ўнадзіцца юрыста,
Вымеце хату дачыста.
Такіх дзіваў нагаворыць,
Так многа кручкоў натворыць,
Што, пачасаўшы затылак,
Не рассупоніш памылак.
Не дасі, - цябе замучыць (с. 120).*

5.2.2. В первоисточнике - семантически более узкое и потому более точное слово, в новой редакции - семантически более широкое слово:

Пинская редакция

*Нэ ведаю, што зробіты? Вюн сам бо-
итса, щоб, зробівши вам поблажку,
пэрдэ судом нэ отвэчат (с. 495).*

Перевод

*Не ведаю, што рабіць! Ён сам баіцца,
каб, зрабіўшы вам паслугу, перад су-
дом не адказываць (с. 128).*

5.2.3. Порой в переводе затемняется (возможно, она не была почувствована) метафоричность оригинала:

Пинская редакция

*Писулькин (в сторону, поглядывая
на бумажку). Хорошо быть письмо-
водителем у разумного человека.
Малеваные гостики (указывая бу-
мажку) сами в карман лезут, не надо
и рук вытягивать (с. 495).*

Перевод

*Пісулькін (убок, разглядаючы бумаж-
ку). Хорошо быць письмевадзіцелем у
разумнага чалавека, маляванья
госцікі! (паказваючы на бумажку).
Самі ў карман лезуць, не нада і рук
выцягываць (с. 128).*

5.2.4. Естественная рифма первоисточника (не требующая искусственной модификации фонетического облика слова) в переводе вы-

⁸ Здесь и далее в скобках указаны страницы по изданию: Дунин-Марцинкевич 1984.

держивается с помощью именно неорганичного изменения звучания одной из рифмующихся словоформ:

Пинская редакция	Перевод
<i>Молоды ж Грыцько нэщыры, Нэ шукай в ным доброй <u>виры</u> (с. 492).</i>	<i>Але Грышка твой нящчэры, Не шукай ў ём добрай <u>веры</u>! (с. 123).</i>

5.2.5. Некоторые слова, прежде всего в стихах, оставлены без перевода:

Пинская редакция	Перевод
<i>Мой Грыцько - хлопэць матарны, Выдны, молоды да гарны (с. 492).</i>	<i>Грышка мой - хлапец матарны, Малады, відны ды гарны (с. 123).</i>

Выводы: 1) пинский диалект был исходным текстом водевиля (в известных двух редакциях); 2) перевод водевиля на литературный белорусский язык выполнен с потерями в ущерб смыслу и эстетическим достоинствам произведения.

По-видимому, тот, кто писал "пинчуцкий" текст, не был знаком с практикой записи украинской речи средствами русской азбуки (так называемой *ерыжской*), распространенной в Украине XIX в. Это объясняет его такие сугубо фонетические написания, как *вюн* 'он', *вюна* 'она', *тюлька* 'только' и проч. ("ерыжской" писалось бы *вин, вина, тилькы*).

5.3. ПИНСКАЯ ШЛЯХТА И ЗАЛЁТЫ: РАЗЛИЧИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИНЦИПАХ ПИСЬМА

Характер интриги и общий сюжетный замысел в *Пинской шляхте* и в *Залётах* настолько различны, что их сопоставление для атрибуции текстов недиагностично. Если в *Пинской шляхте* действие разворачивается с классицистической цельностью одноактного водевиля - как пружина, то *Залёты* - это, в сущности, трехактная пьеса (во всяком случае, действие требует трех разных декораций)⁹, опыт панорамного изображения разных сословий пореформенной католической Беларуси. Если *Пинская шляхта* - легкая, веселая и искусная в сценическом отношении вещь, то в *Залётах* автор не столько

⁹ Отсюда ее новое жанровое определение при переводе: не *Фарс-вадзвіль у адным акце*, как вывел, снимая копию, Б.И. Эпимах-Шипила, но *Смяхотная штука ў 3-х дзях*, как написано рукою Купалы на титульном листе того же списка. (См. комментарий Я.Я. Янушкевича в кн.: Дунін-Марцінкевіч 1984, 506).

5. Винцент Дунин-Марцинкевич

развлекает читателя, сколько делится своими тревогами: его пугают напор бесчестных нуворишей, крестьянские и шляхецкие браки по расчету, бессилие крестьян, близорукость судей. *Залёты* - проблемное и во многом пессимистическое произведение¹⁰; по сути, автору здесь почти не удается пошутить, позабавить зрителя.

Для атрибуции *Пинской шляхты* и *Залётаў* едва ли продуктивно их лингвистическое сопоставление: язык обеих редакций *Пинской шляхты*, как и язык полностью "белорусизированных" *Залётаў*, нельзя атрибутировать Дунину-Марцинкевичу.

Радикальное несходство двух комедий можно увидеть с помощью анализа художественного текста. Есть черты поэтики, значимые для атрибуции произведения. В художественной ткани *Пинской шляхты* и в художественной ткани *Залётаў* обнаруживается разный состав релевантных для атрибуции черт.

5.3.1. Поэтическая искусность

По этому признаку, оппозиция, конечно, градуальная, а не привативная. Немногие сопоставимые места демонстрируют бóльшую искусность *Пинской шляхты*. Ср. куплеты влюбленной в молодого парня крестьянской девушки, которую родители прочат за старого и нелюбимого:

Пинская шляхта
*Да што мні з мужа старога,
 Я хочу мого мылога,
 Бо стары, мэсто гуляты,
 Будэ кашлят да стогнаты.*

*Мой Грыцько - хлопэц мотарны,
 Выдны, молоды да гарны.
 Глянь! - Аж душа к нему рветса
 И сырдынко крэпчэй б'ється!* (с. 491-492).

Залёты
*Панас са мной не дасць рады,
 Буду чакаць за каляды,
 Бо мой мілы Пятрук -
 То статэтчны дзяцюк!*

*Як бацькі захочуць мусіць,
 Я не стану вельмі трусіць,
 Загалашу са ўсіх сіл -
 Апанас-то мне не міл!* (с. 152.)

5.3.2. Сценическая легкость

Что такое сценическая "тяжеловесность" (в белорусско-польской комедии XIX в.), можно показать на примере 1-й и 2-й сцен из *Залётаў*. В 1-м диалоге арендатор Антон Сабкович и его сестра ("па-

¹⁰ Отмечая социальную остроту и богатство жизненного материала *Залётаў*, Й. Голомбек считал эту пьесу лучшим произведением Дунина-Марцинкевича (Gołabek 1932, 63).

ненка" Дамицэля) обсуждают, чего недостает Сабковичу для женьитьбы на богатой паненке. Реплика Дамицэли напоминает развернутый логически упорядоченный монолог резонера в классицистических комедиях: *Перш-наперш [...], Другое [...], Трэцяе, і самае важнае, [...]*, который заканчивается резюмирующим выводом: *А ты, мой брацейка, - даруй, што праўду скажу, - не можаш пахваліцца ні першым, ні другім, ні трэцім*. Насколько громоздкий синтаксис Дамицэли, дает представление следующая фраза:

Перш-наперш, мой даражэнькі, кавалер, што заляцаецца да паненкі, павінен быць таго самага стану, як і яна; калі ж ён з ніжэйшага стану, то павінен, прынамсі, мець славу вучонага і разумнага, - інакш той стан, да каторага належыць паненка, будзе крычаць, што гэта мезальянс, і адгаворыць не толькі бацькоў, але і паненку, калі б ты нават ёй і падабаўся (с. 136).

Что касается монологов Пятрука во 2-й сцене, то они просто анти-сценичны. Они разрушают диалог и останавливают действие: это самодовлеющие воспоминания бывалого мужичка, в фольклорно-этнографическом жанре устных рассказов, - вначале о том, чем поразила его Вильна (суею и теснотой); затем следует пространнейшие (более двух страниц!) воспоминания (вначале пересказ дедовых, потом свои) про военную службу (как казаки и москалі муштраваліся). Две вставные реплики Сабковича (*Дык што... што ж вам дзядок твой расказваў?; Ну, дык што... а ў Вільні што ты бачыў?*), конечно, не могут внести динамику в эту сцену.

Ничего близко похожего на резонерство Дамицэли и стилизованные были-небылицы батрака не встретить в *Пинской шляхте*. Здесь действие развивается стремительно и искусно.

5.3.3. Игра слов

В *Пинской шляхте* это не только источник комических эффектов, но и одна из "малых" пружин развития действия.

Вот, например, Кручков, помилив родителей Грыцька и Марыси, тут же выступает как сват: *Ну, що, Тыхон! Отдаш за Грыцька свою Марысю?* В этот момент входят Кулина и Марыся, ставя на стол горячую брагу. Следует потешный диалог, классический *qui pro quo* комедий:

Кулина (входя). *Горачая! ой, горачая, Найяснейшая Корона!*

Кручков. *Откуль же ты вздаеш?*

Кулина. *Да я ж сама ее сладыла.*

Кручков. *Що?*

Кулина. *Да горылку [...].*

Кручков. *А ... ты толкуеш об крупнику!* (с. 496).

5. Винцент Дунин-Марцинкевич

Еще пример. После окончательного всеобщего примирения и благословения молодых, под возгласы *Здоровье молодых, дай бог им вик с собою щастливо прожыты!*, входит выпущенный из-под замка Куторга. Он принимает поздравления на свой счет: *Дякуй, дякуй, пановэ громада, буду старатца уцаслывыт Марысю*, и только с опозданием, под вероятный смех зрителей, до него доходит: *Дак это нэ я - пан молоды? Нэ за мое пылы здоровье?* (с. 498). Так происходит не только наказание, но и финальное посрамление комического злодея. Ср. также каламбур в диалоге Кулины и Тихона (сцена суда):

Кулина. *А що будэ! Вэдомо, юрыста, обдэрэ всих дочиста дый поидэ с богомдохаты.*

Тихон. *Хрин тоби ў вочи! Щоб прынаймнэй шкура была цэла, а то як доберецца да нэй, будэ нэчисты интэрэс* (с. 494).

Иначе в *Залётах*: здесь нет ни одного каламбура, ни одного комического недоразумения, основанного на недослышанном, неверно понятом или невпопад сказанном слове.

5.3.4. Ирония

Скрытая насмешка присутствует в монологе и в любовном романсе Куторги. Вот он размышляет о трудностях, которыми чревата женитьба на молоденькой: *Ой, ой! Нэ раз почишу затылок - молодэж, баш пшчолы ульлю, будут облегат мою хату, прыателей польчу копами*; пытается убедить себя, что не один он такой: *Нэ я пэршы, нэ я послэдни — дурных старцыў нэ мало на божим свитэ*; что ко всему надо относиться философски: *Быть филозофом - то значит: / Нэ бач, що нэ трэба бачит*. Однако здесь же, но не на прямую - вначале не словами, а жестом, и затем иносказательно - Куторга все же ставит точки на *i*: [ремарка:] *(Вытягивает над головой пальцы, изображая роги.) Взростут над головой груши, / Думай, що се доўги вуши* (с. 490).

В романсе Куторги ирония умеряет силу его любовных мук. Ирония создается контрастом между традиционными народно-поэтическими образами любовных переживаний и рядом снижающих сравнений:

*По паннэ Марьяннэ душичка тоскуе,
Бытцем бы зюзюля жалосно кукуе. [...]
Ой, высох я, высох, як лапэть на пэчи.
Гырка ж моя доля, хто ж мэнэ улечи.
[...]*

*Дам тэби зэгарок вельки, як репа,
Нехай вюн при сырцы крпико твоим
клепа
И напоынае, як богатько ною,
То ж и в дэнь, и в ночи нэ маю спокою
(с. 491).*

Ср. также сближение *коханки* с чем-то таким, что делает еду вкусной:

*Не верэцаки, коўбасы дэлянка -
Ништо нэ смакуе без тэбэ, коханка!* (с. 491).

Ирония усиливает игровую комическую насыщенность *Пинской шляхты* и вместе с тем психологически обогащает образ Куторги (особенно в его прозаических размышлениях). Ирония свидетельствует не только о мастерстве, но и о драматургическом такте автора: благодаря ироническим краскам отвергнутый Куторга не вызывает у зрителя особого сочувствия (что превратило бы водевиль в драму).

В авторской палитре в *Залётах*, как, впрочем, и в *Гапоне* и *Вечарніцах*, иронии нет.

5.3.5. Пародия

В *Пинской шляхте* в сцене следствия и суда, представляющей собой карикатуру на судопроизводство, пародируется язык и стиль судебных заключений и приговоров. Комические эффекты сцены имеют разную природу. Во-первых, смешна абсурдистская логика судебных решений, вроде приговора к штрафу и лозам не только свидетелей, но и *всей протчей шляхты, которая не видела драки, за то, что не видела, а тем самым не могла и разнять дерущихся* (с.495). Во-вторых, смешны анахронизм или бессмысленность дат законов, на которые ссылается Куторга (*[...] по указу всемиловейшей государыни Елисаветы Петровны 49-го апреля 1895 года* и т.п.). В-третьих, комизм пародийных пассажей создается стилистическими контрастами в речи Кручкова, когда тяжеловесный и торжественный юридический русский язык (при этом итоговый *декрет* Кручков зачитывает выйдя с бумагою на середину сцены) вдруг у него самого сменяется живой народной речью:

[...] коим назначается в пользу суда от тяжущихся гривны. Обжалованный Протосовицкий имеет зараз же уплотить пошлин 20-ть, прогонных 16-ть и на канцелярию 10-ть карбованцоў. Жалующийся Липский в половине того; свидки, которые бачили драку, а нэ бороньлы, - по 9-ть карбованцыў, а вся протчая шляхта, що нэ бачыла драки, за то, що нэ бачыла, по 3-и рубля. Платите! (с. 494).

В *Залётах*, по авторскому замыслу, пародии, как и иронии, нет¹¹.

5.4. КТО МОГ НАПИСАТЬ *ПИНСКУЮ ШЛЯХТУ*?

Пародийная сцена суда написана с профессиональным знанием процедуры и языка земского судопроизводства. Полномочный состав *временного присутствия*, функции его членов, обязанности *дэсяцкого*, неременное *судовое сукно* на столе, процедуры следствия, сбора пошлины в пользу суда (причем, разной от разных тяжущихся сторон), язык предписаний и приговоров, последовательность исполнения приговора (*Тэпэр зборщик нэхай собырае гроши, после же прымэмся за лозу*), - спародировать все это в водевиле мог тот, для кого судебные заседания были службой, бытом. Как известно, Дунин-Марцинкевич не служил в земском суде и был далек от казенных учреждений.

Судя по ссылкам Кручкова на Статут Великого княжества Литовского (*[...] а равномерно в смысле Статута Литовского раздела 8; [...] применяясь к Статуту Литовскому раздела 5-го, параграфа 18-го, определило* (с. 494-495), автор помнил судебную практику, имевшую место до отмены юридической силы Статута в белорусских землях (в 1831 г. в губерниях Витебской и Могилевской; в 1840 г. - в Виленской, Гродненской и Минской). Уездные земские суды (как административно-полицейский орган для решения незначительных судебных дел) существовали в Империи до 1862 г.

Таковы хронологические границы времени, которое нашло свою водевильную зарисовку в *Пинской шляхте* неизвестного белорусского автора.

¹¹ Разумеется, речь идет именно об авторском замысле; другое дело, что многие сцены водевиля, особенно в доме судьи Сакальницкого, сейчас легко могут быть восприняты и сыграны как пародия.

6. ЧЕМ БЕЛОРУСЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ РУССКИХ?*

6.0. Вопрос, поставленный в заглавии, не относится к "русским вопросам". Для русских интересно то, чем от них отличаются американцы, англичане, французы, немцы... В соседях-славянах русские видят не столько отличные от них индивидуальные этносы, сколько "те же" характеры, иногда только количественно "редуцированные" или качественно "измененные" в силу условий жизни.

Ответ на поставленный вопрос может быть в разной степени развернут - от пословичного стереотипа (*памяркоўныя беларусы¹ versus русское раздолье*) до книги и серии книг. Мой жанр ближе к паремиям: ниже сформулированы 10 "отличий", с небольшими комментариями, иногда иллюстрациями и следствиями.

6.1. ЕВРОПЕЙЦЫ-БЕЛОРУСЫ versus ЕВРАЗИЙЦЫ-РУССКИЕ

География и геополитика определили разную силу, разный характер и разные каналы западного влияния на белорусов и русских. В XVI-XVII вв. западное влияние на Московскую Русь шло через посредство украинских и белорусских земель; позже, в императорской России, влияние Запада осуществлялось "сверху" - через путешествующее и живущее за границей дворянство, писателей и журналистов, переводчиков, гувернеров - и касалось прежде всего сфер культуры, науки и образования. В Беларуси западное влияние шло

* Впервые напечатано в *Festschrift in Honour of Arnold McMillin. New Zealand Slavonic Journal* (vol. 36, 2002, 159-172). В настоящем сборнике статья публикуется с любезного разрешения издателей и редакторов журнала *New Zealand Slavonic Journal*.

¹ *Памяркоўны* (производное от общеслав. **měra* - 'мера, мерка, измерение') имеет следующие значения: 1. (о характере) *сговорчивый, уступчивый, покладистый*; 2. *доброжелательный, снисходительный*; 3. (о взглядах и т.п.) *умеренный* (Атраховіч 1988-1989, II, 99). В ТСБМ (III, 657) одно из значений трактуется менее позитивно: 'падатлівы, уступчывы, які лёгка прыстасоўваецца да іншых' (с иллюстрацией из Алены Василевич: *Анэта памяркоўная жанчына: усё сцерпіць, усюды змоўчыць*).

6. Чем белорусы отличаются от русских?

"снизу" - по этническому соседству - и затрагивало прежде всего быт и мелкое хозяйство, а во времена Великого княжества Литовского также и административно-правовой уклад (Статуты княжества 1529, 1566, 1588 гг.; магдебургское право в более чем 50 городах; выборные представители в органах центральной власти и др.).

Ряд следствий: 1) белорусы относятся к разным конфессиям (среди белорусов есть православные, католики, униаты, протестанты; в Беларуси рождество и пасха официально отмечаются по двум календарям - западному и восточно-христианскому); белорусы веками жили бок о бок с людьми иного языка и иной веры; у белорусов бóльшая, чем у русских веротерпимость, а может быть, и бóльшее равнодушие к обрядовым и доктринальным различиям²; 2) антизападные стереотипы сознания для белорусов характерны в значительно меньшей степени, чем для русских.

6.2. БЕЛОРУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ЕДИНОЛИЧНИКИ versus РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ОБЩИННИКИ (КОЛХОЗНИКИ)

У белорусских крестьян, в отличие от русских, имеется более продолжительный опыт хозяйствования на своей собственной земле. Как известно, крестьянская реформа, отменявшая крепостное право (1861), имела свои отличия в российских и белорусских губерниях. В России и после реформы сохранялась крестьянская община, которая делила землю (принадлежавшую помещику и переданную помещиком общине для постепенного выкупа) и перераспределяла земельные наделы между крестьянскими хозяйствами по числу "душ" (мужчин); при этом общинная земля не продавалась и была

² Ср. паритетность и взаимозаменяемость православных и католических терминов в белорусских поговорках (по материалам сборников: Прыказкі 1976, Аксамітаў 2000): *Вяселле, хрысціны - папу (ксяндзу) добрыя гадзіны; Поп (ксёндз) і дохтар і ў лесе з голаду не памрэ; У чужой цэркві (чужым касцёле) свечак не папраўляй; Правіць як ксёндз з (на) казальніцы і Правіць як поп у цэркві; У карчме, лазні, касцэля і царкве ўсе людзі роўныя.* В ряде поговорок *кабак, карчма, шынок* в равной степени противостоят и *касцёлу* и *царкве*, а *поп* и *ксёндз* - мирскому человеку: *Да касцёла дарога крыва, а да карчмы проста; У цэркву склізка, у кабак блізка; Як да касцёла, то гразка, а як да карчмы, то хоць па загуменню; Званіцу дзярэ, карчму крые; Касцёл дзярэ, карчму крые; Чалавек як чалавек: усё ў шынок часцей пападзеш, чым у царкву; Мы не папы, не ксяндзы, нам не трэба спавядацца; У цябе праўды, як у папа з ксяндзом.*

6. Чем белорусы отличаются от русских?

как бы "ничьей" (по устойчивым крестьянским представлениям, - «земля - бóгова»). Крестьянская община, тормозившая развитие рыночной экономики на земле и хозяйственной самостоятельности русского крестьянина, просуществовала до реформ П.А. Столыпина (1906-1911 гг.), вынужденных революцией 1905-1906 гг.

Что касается белорусских земель в XVIII-XIX вв., то здесь крестьянской общины в качестве сословной институции не было. После реформы 1861 г., по закону об "обязательных выкупах", часть белорусских крестьян стала владельцами той земли, которой они пользовались до реформы. Поэтому белорусское крестьянство больше, чем русское, привязано *да сваёй зямельцы*; поэтому белорусы лучше, чем русские, работают на земле; у них прочнее и разнообразнее навыки самостоятельного крестьянствования.

В послереволюционной России колхозы как бы реставрировали прежнюю общину (крестьянский "мир" с "ничьей землей" и круговой порукой), в то время как для белорусских крестьян, чьи отцы и деды не знали общины, коллективизация была абсолютно злым нововведением. К тому же колхозов не было в Западной Беларуси (находившейся в 1921-1939 гг. в составе Польши), что усиливало внутреннее неприятие коллективизации белорусами в БССР.

У белорусов более хозяйское и более ответственное, чем у русских, отношение к земле и всему, что живет и растет на земле. Так, конечно, было и при колхозах / совхозах. Помню, как в начале 70-х гг. на Витебщине пожилой совхозный кассир делился впечатлениями о русском колхозе (где он провел несколько дней в составе делегации совхозного руководства по линии традиционного в те времена "обмена опытом"). "Мероприятие" пришлось на майские праздники, три-четыре дня длилось застолье, и все дни было слышно, как на ближней ферме ревмя ревут не доенные коровы - у доярок праздник. Но и начальническое застолье тоже не прерывалось: брошенные на время праздника коровы были в порядке вещей. А белорусский кассир (раньше он был бригадиром, а когда-то, сразу после войны, председателем колхоза), вернувшись домой, говорил об этих брошенных коровах как о пределе разлада: "Конечно, с колхозами нигде нет толку, но чтоб три дня скотину не *спарадкаваць*, - у нас такого никогда не было"³.

³ Более тесная (чем у русских) связь белорусов со своей землей проявилась в своеобразии деревенской темы в белорусской литературе, отмеченном Мак-Миллином. По мысли исследователя, белорусские авторы, в отличие от русских писателей-"деревенщиков" (прежде всего В. Белова, В. Распутина), не идеализируют патриархальное прошлое крестьянства и не считают, что "близость к земле" поможет и спасет от всех напастей урбанизации. Большую трезвость и реалистичность белорусских деревенщиков Мак-Миллин справедливо объясняет их прямой и

6. Чем белорусы отличаются от русских?

Следствия указанного различия проявляются в ряде оппозиций. Белорусы, в том числе сегодняшние горожане, больше, чем русские связаны с землей и сельским хозяйством: свой "домик в деревне", "своя картошка" - в Беларуси это более повседневные явления, чем в Европейской России. В психологии белорусов значимы черты частного, негосударственного человека: это естественный индивидуализм хуторянина ("крестьянскость"), личностное самостояние, большая ответственность перед своей семьей за свое дело. В психологии русских вековая зависимость от общины (*мира*, позже от колхоза), означавшая не только несвободу и уравниловку, но и известные гарантии выживания⁴, укрепляла коллективизм, поддержанный также идеями православной соборности, и вместе с тем иждивенческие стереотипы сознания.

Хозяйственная самостоятельность белоруса нередко, впрочем, ограничивается его крестьянским кругозором: в беге времени он чаще замечал круговорот земледельческого календаря, чем перспективы и новые задачи⁵.

6.3. НАРОД, НАКАЗАННЫЙ ИМПЕРИЕЙ ЗА СОЮЗ С ПОЛЬШЕЙ

В составе Российской Империи экономике, образованию, культуре белорусского народа был нанесен ущерб, сопоставимый с тем ущербом, который терпит побежденная в войне, аннексированная и наказанная сторона. Справедливость этого тезиса становится очевидной если сравнить политику царизма в Украине и в Беларуси. С точки зрения царизма, Украина (прежде всего украинское казачество) - это исторический союзник России в войнах против Польши, в то время как белорусы со времен Великого княжества Литовского

кровной связью с крестьянской жизнью, а также тем, что "эта жизнь была органической частью белорусской литературы с самого ее начала" (McMillin 1999, 151).

⁴ Ср. пословицы у Даля: *У мира животы и тонки, да долги; Про мир пирога не испечешь; на мир вина не напасешься; С миру по нитке голому рубаха* (Даль II, 331); ср. также контекст из А. Чехова (рассказ *Встреча*): *Не по своей охоте еду, мир послал, да ведь мир за меня и хлеб уберет, и рожь посеет, и повинности справит* (приведен в ССРЛЯ, VI, 1035).

⁵ Характерна теснота минского метро (начало эксплуатации 1984 г.), в сравнении с московским метро, центр которого спланирован еще в 30-х гг. Дело при этом не в скудных средствах, отпущенных на минское метро (здесь есть поразительно просторные и дорогие сооружения), а именно в неадекватности планирования.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

чаще выступали в союзе с Польшей (или с польским национально-освободительным движением) против России. При том, что в имперской национальной политике и в Украине и в Беларуси определяющей линией была русификация, в ее методах наблюдались различия. В Беларуси Империю беспокоил не белорусский, а “польский вопрос”: преобладало “располячивание” и борьба, в том числе вооруженная, с “польской интригой”, в то время как в Украине шло в первую очередь насаждение русских культурно-образовательных институций и только во вторую очередь - запрети-тельно-репрессивная борьба против украинского национального движения (в котором, впрочем, царизм также усматривал “католическую” интригу и “польский сепаратизм”). Поэтому если в Украине в XIX в. правительство открывало университеты и лицей, то в Беларуси высшие и привилегированные школы закрывались, количество гимназий ограничивалось, библиотеки и архивы выво-зились (как культурные ценности из аннексированных земель)⁶. Ко времени Первой мировой войны в Беларуси не было ни одной высшей школы; уровень общего образования оставался существенно более низким, чем в остальной части Европейской России: три четверти населения было неграмотным.

Украинские университеты, хотя до 1916 г. они были исклю-чительно русскоязычными, явились главным источником нацио-нальной книжно-гуманитарной культуры и освободительного на-ционального движения. Среди выпускников дореволюционных университетов Украины есть имена европейского и мирового зву-

⁶ Ср. хронологию создания высших школ в Украине: Харьковский университет (1805), Харьковский сельскохозяйственный институт (1816), Нежинский лицей (1820), Киевский университет (1834), Киевский медицинский институт (1841), Одесский университет (1865), Харьковский политехнический институт (1885), Ки-евский политехнический институт (1898), Киевская консерватория (1913), с одной стороны, и хронологию разрушения образования в Беларуси: в 1832 г., после польского восстания, закрыт Виленский университет, его библиотеку вывезли в Киев, где как раз готовилось открытие университета Св.Владимира; в 1842 г. тео-логический факультет Виленского университета был преобразован в Римско-католическую духовную академию и переведен в Петербург; в начале 30-х гг. По-лоцкий кадетский корпус (созданный на основе иезуитского коллегіума и имев-ший богатейшую библиотеку, типографию, картинную галерею, обсерваторию) был переведен в Москву, где стал Первым Московским кадетским корпусом; Го-рецкий сельскохозяйственный институт (открытый в 1849 г.) после восстания 1863 г. был закрыт и переведен в Петербург.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

чания (Потебня, Грушевский, Драгоманов, Костомаров, Житецкий, Крымский, Булаховский, Огиенко (митрополит Кирилл) и др.). Для белорусов же, в отличие от украинцев, высшее образование оказалось возможным только за пределами родного края, что ускоряло денационализацию интеллигенции и чиновничества. Зачинатели белорусской гуманитаристики учились в Петербурге (Эпимах-Шипила, Тарашкевич, Гарэцки), Нежине (Карский), Москве (Никольски), Киеве (Доўнар-Запольски), Тарту (Игнатоўски), Одессе (Бузук). Некоторые видные деятели белорусской культуры так и не получили высшее образование (Насович, Раманаў, Антон Луцкевич, Ластоўски, Цишка Гартны (Жилунович), Лёсик), в том числе классики национальной литературы Янка Купала и Якуб Колас.

Важное следствие отсутствия университетов в дореволюционной Беларуси: недостаточная социально-культурная весомость белорусской национальной элиты (в сравнении с украинской). Это обусловило цепь последующих различий между украинской и белорусской культурами: ко времени провозглашения независимых Украинской и Белорусской Народных Республик (1917-1918 гг.) белорусская учено-литературная традиция оказалась существенно менее представительной, чем украинская; БНР продержалась меньше, чем УНР, и меньше успела сделать для укрепления суверенитета. Потом это сказалось в различиях судеб белорусской и украинской эмиграции; в разной основательности культурно-образовательной работы в межвоенные годы; в 60-80-х гг. - в отсутствии диссидентства в БССР. В Украине (в отличие от Беларуси) было правозащитное движение, хельсинские группы, самиздат, политзаключенные (националисты и правозащитники), движение за автокефальную украинскую православную церковь (см. Мечковская 1999).

6.4. "ПРИВАТНЫЕ" ЖИТЕЛИ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРСКОЙ ОКРАИНЫ versus "ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРОД"

В силу различий в статусе русских и белорусов в Российской Империи, русские осознавали себя народной основой государства, в то время как этническое самосознание белорусов целенаправленно подавлялось. Русским прививалось сознание "государственного народа" (формула Александра III), главного и объединяющего народа империи. С середины 30-х гг. XX в. и особенно после Второй мировой войны тезис об особой миссии русского народа был возвра-

щен в идеологию и активно внедрялся в сознание советских людей (характерен тост Сталина на приеме в Кремле в честь победы "за великий русский народ" и его выдающуюся роль в разгроме врага). До Октябрьской революции белорусы, если они отделяли себя от русских, то оказывались этнически слабо консолидированным населением *Северо-Западного края*⁷ (позже самой "спокойной", иначе говоря, самой послушной из союзных республик СССР). В Российской Империи правительство стремилось не допустить национального самоопределения белорусов: их язык трактовался как *белорусское наречие* великорусского языка, а сами белорусы - в качестве этнографической разновидности *общерусского* народа.

После революции 1905-1906 гг., несмотря на известную политическую либерализацию жизни, в том числе в сфере национальных отношений (главное достижение либерализации в белорусских землях при царизме: разрешены газеты, журналы и книгоиздание на белорусском языке), в Беларуси не было ни одной разрешенной правительством белорусскоязычной школы. Благодаря активности белорусского национального возрождения (начиная с 1906 г.), в особенности недолгому существованию Белорусской Народной Республики (25.03.1918.- декабрь 1918), в 01.01.1919 г. на территории Северо-Западного края была провозглашена БССР (класс государственных образований, получивших в советской административно-государственной иерархии максимально высокий ранг)⁸.

Унитаристская русифицирующая политика (возобладовавшая в СССР с конца 20-х гг.), "естественная" для русских (ср. у В. Маяковского: "Как известно от Кремля, начинается земля"), массовые сталинские репрессии под лозунгом борьбы с *нацдемовщиной* (сокращенный дериват от *национальная демократия*) в значительной

⁷ После разделов Речи Посполитой белорусские земли именовались перифрастически: *губернии, от Польши возвращенные* (или *присоединенные*); *новые западные губернии* и т.п. При Екатерине II в 1772 г. было создано *Белорусское генерал-губернаторство* (объединявшее восточные белорусские земли), однако после восстания 1830 г. термин *белорусский* постепенно уходит из официального употребления. В 1840 г. именным указом были запрещены прежние топонимы *Литва, Белая Россия, Белая Русь*; их заменила географическая перифраза *Северо-Западный край*, став официальным названием 6 белорусских и литовских губерний (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской).

⁸ После распада СССР (1991) только "союзные" республики (но не "автономные") стали независимыми государствами.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

степени ликвидировали плоды 20-летней белорусской национальной консолидации. Развитие белорусского национального самосознания, и без того квёлого, приостановилось. Белорусы, конечно, осознавали себя членом "братской семьи народов СССР", но при этом, с одной стороны, им не хватало самобытности, национальной самостоятельности: они менее других народов отличались от русских (в бытовом укладе и по языку), однако, с другой стороны, в отличие от русских, белорусы трезво ощущали себя менее значительными, с меньшими правами в общем Союзе, более приватными в нем, чем русские. В отличие от "государственного" русского народа, белорусы всегда (во всяком случае, после Льва Сапегы) были и есть более "приватные" люди, отдельные от любого государства (в том числе, разумеется и будучи депутатами, партийными функционерами, министрами, госслужащими и т.п. как в СССР-БССР, так и в Республике Беларусь). Такова ментальность народа, у которого давно не было своего государства⁹.

Еще одно из следствий: в отличие от русских, среди белорусов почти нет монархистов, а ряженые казаки (в телерепортажах) вызывают презрительную и вместе с тем опасливую насмешку.

6.5. БЕЛОРУСЫ РАНЬШЕ, ЧЕМ РУССКИЕ, ПОКИДАЮТ ОБЩЕЕ ЛОНО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Хронология этнического самоопределения и разделения у восточных славян такова: украинцы, белорусы, потом русские. Процессы этнической дифференциации у восточных славян развивались позже, чем у западных и южных славян, в том числе позже взаимного обособления чехов и словаков, болгар и сербов, хорват и словенцев, сербов и хорват. Данный исторический факт отразился, в частности, в том, что восточные славяне долгое время сохраняли древнейшее общее самоназвание - *Русь, рус(с)кие*¹⁰.

⁹ Характерно название колонки главного редактора *Нашай Нівы* в 1991-2000 гг. (Сяргея Дубаўца): *Дзённік прыватнага чалавека* (часть материалов была опубликована в издании Дубавец 1998).

¹⁰ Ср. в общем заглавии библейских книг, изданных Франтишком Скориною в Праге (1517-1522 гг.): *Бивлія рѣска выложена докторомъ Францискомъ Скориною изславнаго града Полоцька [...]*"; язык своих пражских изданий Скарына последовательно называет *русый (русский, руський)*, причем считает его родным: *Азь*

6. Чем белорусы отличаются от русских?

Из трех восточнославянских народов украинцы первыми стали осознавать себя отдельным народом (20-е гг. XIX в., издания Михаила Максимовича, Киевское Кирилло-мефодиевское общество (1845-1847) и др.) и более решительно (чем белорусы) выступали за свое национальное самоопределение и самоуправление (см. подробно Мечковская 1998, Мечковская 1999). У русских и белорусов осознание своей этнической отдельности складывалось позже, при этом вектор и "знак" развития этнического самосознания был разный. Русским пришлось как бы "выделить" белорусов "и з с е б я" (как крестьянин "отделяет" женившегося сына, разделяя собственность, т.е. становясь беднее на долю, отданную сыну)¹¹. Это процесс у т р а т ы , поэтому массовое имперское сознание народа, которому веками прививалось самоощущение "государственного народа" (см. п.3), противится разделению. Белорусы психологически находятся в более оптимистической позиции повзрослевшего сына, который не "утрачивает", а, напротив, "получает": его самостоятельность, независимость, его имущественный статус растут. Однако оптимизм национальной суверенизации у белорусов существенно ослабляется психологией "младшего брата" или даже "бедного родственника": белорусы не уверены в своих силах и далеко не в полной мере дорожат своим суверенитетом. Таково о к р а и н н о е имперское сознание, сформированное столетиями жизни в империи, когда все лучшее (даровитое, успешное, предприимчивое) сосредотачивалось в имперских столицах и теряло связь с географической родиной. Великорусы, самый многочисленный славянский этнос, усвоив себе общее самоназвание восточных славян - *Русь, русские* - осознавали себя в качестве общего *корня* или *ствола единого русского древа*, рассматривая украинцев (*Малороссия*) и белорусов (*Литовская Русь, Белая Русь*) как ответвления, поздние *поросли* единого древа. Русские люди "в глубине души" (т.е. не всегда официально или просто эксплицитно, но на практике) склонны трактовать Украину и Беларусь как географические понятия - как регионы, автономии, со своим "местным" самоуправлением и "местным" колоритом, но в принципе как "один народ"¹²

[...] *нарoжeный в руском языку [...]. А то для того Абы братия моя Русь люди посполитые чтучи могли лепей разумети* (см. подробно Мечковская 1989). Ср., далее, топоним *Україна-Русь* в значении 'Украина' в концепции украинских историков школы Михаила Грушевского (в том числе в его 13-томной *Історії України-Русі* 1898-1936 гг.).

¹¹ Точнее, русским еще до сих пор приходится "выделять белорусов из себя": в каких-то слоях русского народа процесс осознания этнической отдельности русских и белорусов, а также русских и украинцев еще длится.

¹² Ср., однако, и вполне официальное проявление такого рода психологии: девиз, под которым в Москве 1-2 июня 2001 г. проходил "Съезд славянских народов Беларуси, России, Украины": *Три страны - один народ*. Егор Строев, в то время председатель Верхней палаты Российского парламента России, в выступлении по московскому ТВ в начале июня 2001 г. сказал: "*Русские и белорусы - это один народ*"

6. Чем белорусы отличаются от русских?

Одно из следствий: в наши дни среди русских в России больше сторонников интеграции, чем среди граждан Беларуси. Это видно и по результатам социологического опроса (см. *Табл. 6.а*):

Табл. 6.а. Результаты социологического опроса граждан России и Беларуси на тему "Общественное мнение о союзном государстве России и Беларуси"

Вопросы: <i>Считаете ли Вы, что у России и Беларуси должен (-ны, -на, -но) быть:</i>	Процент граждан, которые ответили положительно	
	из 2026 граждан России	из 606 граждан Беларуси
<i>свой (отдельный) президент?</i>	26 %	52 %
<i>свой (отдельный) парламент?</i>	29 %	51 %
<i>отдельные армии?</i>	22 %	57 %
<i>отдельные спецслужбы?</i>	28 %	40 %
<i>единое экономическое пространство (как в ЕС)?</i>	84 %	83 %
<i>единая валюта?</i>	81 %	73 %

Источник: Данные медиагруппы "Союз" и группы компании "Monitoring.ru" (опрос в феврале 2002 г.), представлены в материале 'Большасць беларусаў супраць аб'яднання' (без подписи, со ссылкой на БелаПАН), *Наша Ніва* (2002. 05.04).

Как замечает *Наша Ніва*, "поскольку опрос был проведен лоббистами объединения, реальные цифры, надо думать, на сегодняшний день еще менее утешительные для интеграторов".

6.6. БЕЛОРУССКАЯ ПОДАТЛИВОСТЬ АССИМИЛЯЦИИ И БЕЛОРУССКИЙ КОСМОПОЛИТИЗМ versus НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ РУССКИХ К ОКРУЖАЮЩИМ ЯЗЫКАМ

Из всех народов СССР русские - это самый устойчивый по отношению к ассимиляции народ (включая грузин и чеченцев), в то время как белорусы из всех "титulyных наций" союзных республик предстают народом, наиболее подверженным ассимиляции. Свидетельство ассимиляции естественно видеть в том, что человек считает своим родным языком не язык своего народа, а некоторый другой язык. По данным переписи 1989 г., на территории СССР (т.е. не только в самой республике) язык своего народа считали родным

64, 7 % башкир	80, 1 % украинцев	98, 4 % грузин
70, 9 % белорусов	98, 1 % чеченцев	99, 8 % русских

(ср. возмущенную реакцию на это выступление в газете *Народная воля* от 07.06.2001 г. в статье *Брыда* ['дрянь, гадость']).

6. Чем белорусы отличаются от русских?

Дело, однако, не только в том, что большинство современных белорусов общается преимущественно по-русски¹³ и что белорусский язык - самый близкий к русскому. В белорусской ментальности в большей степени, чем у русских и украинцев, присутствуют космополитические черты. Как отмечали еще при советской власти западные эксперты, в Беларуси (в сравнении с другими союзными республиками) более широко распространены общеобразовательные школы с преподаванием части предметов на иностранных языках (Lewis, 1972, 205). По сообщению министра образования В. Стражева, в 1998 г. в белорусской начальной школе каждый третий школьник изучал иностранный язык; подобных высоких цифр нет в странах СНГ и в Восточной Европе ('Кола дзён', *Літаратура і мастацтва*, 1998, 27.11). В Беларуси самый высокий процент вузов, в которых установлен обязательный вступительный экзамен по иностранному языку. Несмотря на трудности переходного периода, в Беларуси сохраняется движение эсперантистов, продолжают выходить учебники по эсперанто¹⁴.

Есть основания говорить о наднациональных чертах в современной белорусской литературе. Мировая известность трех белорусских авторов - Светланы Алексиевич¹⁵, Василя Быкова, Алеся Адамовича - во многом связана именно с экзистенциальной и наднациональной, иначе говоря, космополитической глубиной их произведений, не привязанных к определенному хронотопу¹⁶. Думаю, не случайно, что не украинский автор (допустим, из русифицированного Харькова) и не русский (вопреки пресловутой "всемирной от-

¹³ При этом по переписи 1999 г. 85,6% белорусов назвали своим родным языком белорусский язык (Население 2000, 144).

¹⁴ См. изданное 4-тысячным тиражом пособие: Паўлюкавец, Адам, *Мова эсперанта. Практычны дапаможнік*, Менск: Навука і тэхніка, 1992. - 158 с.

¹⁵ По данным Адама Мальдзиса, в мире вышло 64 издания книг С. Алексиевич (*Наша свабода*, 2002, 01.04).

¹⁶ См. *Последнюю пастораль* А. Адамовича (1986); притчи (*Сказки*) В. Быкова, так похожие отсутствием "местного колорита" на *Чуму* А. Камю или притчи Й. Кафки. Работая над *Карателями* [...] (1981), Адамович шел от документов и хроники, но при этом стремился понять зло в его чистом абсолютном виде - на той глубине сознания и подсознания, где можно увидеть генезис зла - его "микроб" или "ген". В итоге Адамович написал экзистенциальную и потому космополитическую книгу не только о карателях (немцах и русских), но о природе зла как экзистенциальной категории жизни.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

звивчивости русской души"), но Светлана Алексиевич в интервью *Комсомольской правде* назвала себя космополитом, объясняя это тем, что после Чернобыля чувствуешь свое родство не то что с любым человеком, но с птицей в лесу...

Одно из следствий: весной 2000 г. белорусов меньше, чем русских, волновали американские бомбежки в Сербии (во всяком случае акций протеста возле посольства США в Минске, в отличие от Москвы, не было).

6.7. БЕЛОРУССКОЕ НЕДОВЕРИЕ И/ИЛИ РАВНОДУШИЕ К СЛОВУ, ОБРАЗОВАНИЮ, К КНИЖНОЙ И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ, К ИДЕОЛОГИИ versus РУССКАЯ СЛОВОЦЕНТРИЧНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАСТНОСТЬ

В сравнении с русскими и польскими соседями, белорусы не просто немногословны: они косноязычны и то и дело лезут за словом в карман (как в публичной устной речи, так и во всех видах СМИ). Таковы следствия крестьянской привязанности к земле (см. п. 6.2), запоздалости университетов (см. п. 6.3) и "негосударственности" (приватности) белорусского характера (см. п. 6.4).

Белорусское равнодушие к слову, недоверие к городской культуре и вместе с тем обида на город (и отчасти зависть к его, по крестьянским понятиям, более "легкому" хлебу и "чистой" работе), любопытным образом проявляется в паремиях, пародирующих чужезычную речь. Основным объектом такого рода насмешек была белорусско-польская шляхта, которая по достатку и образу жизни часто стояла ближе к крестьянам, чем к помещикам. Комический эффект жанра строится на контрасте между польскими "шляхетными" оборотами, часто витиеватыми и церемонными, с одной стороны, и реалиями убогого крестьянского или полукрестьянского быта, а также простым ("мужицким") белорусским языком, с другой. Ср. несколько примеров (приводимых по изданиям *Прыказкі* 1976, *Аксамітаў* 2000; подробно см. Мечковская 2002).

Пра́ша, пані, мoя пані прасіла пані, жэбы пані мoей пані пазычыла рoдля (польск. *rondel* - кастрюля).

Іхмосця з Замосця (польск. *ichmość* - (уст. 'его милость').

[Пародийны "шляхецкий" диалог (один "пан" видит вошь на одежде второго):] *Пазволь, браце, на сваём поле звярынку паймаці! - Можна, бо то з вашэцінага забегла лесу (вашэціны ('ваш') - пародийная искусственная форма; ср. польск. *waszmość* - 'ваша милость').*

6. Чем белорусы отличаются от русских?

Не выпэндзам, але проша вон (*wypędzać* - 'выгонять, прогонять').

Рацыя, рацыя - гатова каляцыя (пародия на звучание ученой беседы, которой легко зарабатывают на ужин; польск. *racja* - 'обоснование, довод; правота', *kolacja* - 'ужин').

Як естам, дык естам, а ўсё каля места (в пародии на польскую речь жителей местечек обыгрывается паронимия польск. *jestem* 'я есть' и бел. *есці* - 'есть, кушать'; в паремии звучит насмешка над теми, кто мастер как следует поест, но не хочет сменить город (*miasto*) на крестьянскую жизнь; к городской культуре крестьянин относится с недоверием и обидой, что в половицах обычно оборачивается насмешкой).

Я ва́шаць і ты вашаць, хто ж нам хлеба напашыць (пародия на польскую вежливую речь сменяется прямым укором в дармоедстве; характерно также белорусское противопоставление "культурной" (или "ученой") речи и забот о хлебе).

У свінушніку жыве, ды хоча кашляць па-панску. Здесь уже не пародия (педраэзніванне), но прямая характеристика чужого стиля (речи, жизни) как "панского кашля".

Ничего похожего на русское шалое (и "словоцентрическое") *Ради красного словца не жалко и отца* в белорусских паремиях нет. Напротив, есть понимание того, что всякого рода нетрезвость - опасна; ср. *Шынкар любіць п'яніцу, але дачку за яго не аддасць*.

Одно из важных следствий белорусского недоверия к слову и книгам состоит в равнодушии белорусов к философии и любой идеологии, а также к политической символике. В Беларуси, в отличие от России, не было собственных одержимых приверженцев марксизма, как не было и его страстных ниспровергателей.

После конца советской власти в белорусских городах было демонтировано несколько памятников, переименовано несколько проспектов и улиц, исключено имя Ленина из официальных наименований крупнейшего в стране университета, крупнейшей библиотеки, крупнейшего театра (оперы и балета). Однако, в отличие от "народного" свержения в августе 1991 г. памятника Дзержинскому в Москве, в Беларуси ни одна из подобных акций не была инициирована "снизу"; всё делалось по распоряжению начальства.

Конечно, переименование главной магистрали Минска (*проспект Ленина* стал *проспектом Скарны*) семиотически очень важно. Однако большинство переименований для большинства из тех горожан, кто это заметил, значимы совсем не в такой степени, как это было бы, допустим, в Москве. Например, когда в Минске по решению горсовета *вуліца Жданава* стала *вуліцай Жылуновіча*¹⁷, то реально одно малоинтересное имя заменили на

¹⁷ Змицер Жилунович (писатель Цишка Гартны) - первый председатель советского правительства БССР (январь 1919 г.), академик АН Беларуси (1928), организа-

6. Чем белорусы отличаются от русских?

имя, еще менее известное белорусам. При этом не приходится говорить об общественном резонансе, связанном с фактом увековечивания памяти Жилуновича: резонанса не было. И Жданов, и его знаменитые жертвы, и Жилунович не волнуют белорусов. Или не так волнует, как осуждение Жданова волнует интеллигентские круги в России. Конечно, имя председателя первого советского правительства БССР, талантливого писателя и публициста вернулось в энциклопедии и учебники, однако в Беларуси слишком мало людей, которые могли бы о Жилуновиче говорить (и писать) хорошо и страстно и слушать с волнением. Для этого нужны более ранние университеты, более богатые традиции гуманитарного образования.

Белорусское крестьянское недоверие к образованию, к книжной и городской культуре составляет один из стойких и глубоких и поэтому "лирических" мотивов белорусской публицистики. Это как бы часть или обратная сторона любви к родной деревне. У национально ангажированных авторов городская культура иногда отвергается как фактор русификации.

Ср. фрагмент из *калёнкі* Алеся Бяляцкаго, колумниста *Нашай Нівы* (речь идет об одной переставшей существовать деревне из чернобыльской зоны): "Гэта была вёска, якая ня ведала расейскай мовы! У вёсцы жыла сям'я «рускіх» і сям'я «кацапаў», яле і яны размаўлялі па-беларуску. Для мяне гэта была ўзорная Беларусь, у адрозьненне ад гарадоў, засьмечаных адкідкамі расейскай субкультуры, - тая Беларусь, якая мусіла быць на самай справе. І вось яе няма" (2002, 12.04).

6.8. УЗОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ БЕЛОРУССКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ

Понятно, что названная черта вызвана причинами, о которых шла речь выше: полуколониальный статус белорусов в царской России, прерванные Империей университетские и книгоиздательские традиции *Северо-Западного края*, тоталитаризм и унитаризм в советской культурной политике, вообще губительный для гуманитарного знания. Понятно также, что в данном случае сопоставление белорусов и русских перерастает в противопоставление государств и территорий, несоизмеримых по своим ресурсам, поэтому разговор теряет свой смысл и становится этически уязвимым.

Однако все же хотя бы на одном факте покажу, как привычка не смотреть дальше "своего двора" искусственно сужает бело-

тор образования и книгоиздательского дела. Арестован в 1936 г., в заключении покончил жизнь самоубийством (1937), реабилитирован в 1988 г.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

русский кругозор. Речь пойдет о библиографии по языкознанию (см. Беларускае мовазнаўства 1993), подготовленной в Академии наук, в ее Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа.

Вопреки названию (*Беларускае мовазнаўства*), указатель строится как библиография работ только по белорусскому языку; этот принцип заявлен во вступительной статье университетского профессора Л.М. Шакуна *Вывучэнне беларускай мовы ў 1976-1985 гг.* Между тем белорусское языкознание (т.е. работы авторов, живущих в Беларуси и издающих в Беларуси и за ее пределами свои труды) шире лингвистической белорусистики, поскольку в Беларуси были и есть институт и кафедры иностранных языков, сектор славянского и теоретического языкознания в самой Академии, кафедры общего или теоретического языкознания в университетах и институтах. В итоге панорама белорусского языкознания оказалась в справочнике неоправданно суженной и обедненной. В библиографию не попали сотни работ разных авторов, в том числе изданные в Минске книги В.В. Мартынова, лингвиста с мировым именем (в те годы главного научного сотрудника Академии)¹⁸. Библиография была ограничена также языками и местом публикаций: в ней учитывались работы, написанные только на белорусском, русском и украинском языках и изданные только в СССР.

Ограниченность белорусской библиографии по лингвистике особенно рельефно выступает на фоне серийных лингвистических библиографий, которые издавались / издаются в Москве, Киеве, Варшаве, Любляне. В самих принципах они все превосходят белорусскую библиографию по полноте. Например, в Киеве выпускали два справочника: *Слов'янська філологія на Україні* и библиографические ежегодники *Філологічні науки на Україні*; люблянский журнал *Jezik in slovstvo* систематизирует библиографию только по словенскому языку, но зато без ограничений по языкам и географии изданий. Библиография, которая издается в Польше (*Bibliografia językoznawstwa slawistycznego*), по своей широте не знает равных: это библиография работ обо всех славянских языках, на всех языках и изданных во всех странах. Страна, которая издает такой универсальный славистический ежегодник, сразу заявляет о себе как о лидере славяноведения. А как заявляет о себе страна, которая выпускает самую ограниченную библиографию?...

Это лишь один пример из, к сожалению, множества проявлений узости белорусской гуманитаристики (подробнее см. Мячкоўская 2001). Разумеется, говоря об истоках этой узости, недостаточно указать на непродолжительность в Беларуси университетско-академической традиции. Существенно учитывать также "имперскую" ментальность белорусов - психологию того "младшего брата", который привык быть зависимым и кого самостоятельность уже

¹⁸ Мартынов, В.В. *Универсальный семантический код: Грамматика. Словарь. Тексты*, Минск: Навука і тэхніка, 1977; Мартынов, В.В. *Универсальный семантический код: УСК-3*, Минск: Навука і тэхніка, 1984.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

пугает. Никто, в том числе сами создатели белорусской информационной продукции, не рассматривают ее как конкурентоспособную и самодостаточную. Все, что пишется и говорится по-белорусски, образует региональную субкультуру, остров в русскоязычном информационном море, малоинтересный для большинства потребителей. Самое горькое, что с этим смирились сами создатели белорусской информации. У них не хватает амбиций, чтобы стремиться создать лучшую в мире книгу хотя бы "своих" героях - Кирилле Туровском, Симеоне Полоцком или Симоне Будном.

Одно из следствий: незрелость национально ангажированного коллективного сознания, что проявляется в информационно-образовательной слабости части авторов, защищающих белорусский язык (романтическое преувеличение роли языка в обществе, его содержательных и этносохраняющих возможностей: язык отождествляют с народом; неупотребление языка сближают с физической смертью его носителей; нередко имеет место сакрализация или фетишизация языка и т.п.). Понятно, что такие программы не находят широкой поддержки в белорусском обществе. Белорусский национализм остается камерным, преимущественно культурно-просветительским движением, которое не умеет определить приоритеты в политической борьбе, привлечь новых сторонников, найти, наконец, общий язык с либерально-демократической оппозицией, также выступающей за независимость Беларуси.

6.9. ДВУЯЗЫЧИЕ И БИКУЛЬТУРАЛЬНОСТЬ БЕЛОРУСОВ versus ОДНОЯЗЫЧИЕ И МОНОКУЛЬТУРАЛЬНОСТЬ РУССКИХ

Белорусы (шире: граждане Беларуси) двуязычны (в разной мере) и причастны (также в разной мере) двум культурам (белорусской и русской), в то время как русские люди в России одноязычны и монокультуральны. Школьники Беларуси слышат на уроках и о Пушкине с Толстым, и о Купале с Чорным, в то время как московские профессора-слависты могли, случайно приехав в Минск, впервые в жизни (свидетельствую!) услышать имена Максима Богдановича или Якуба Коласа. Гражданам России нет дела до того, сколько каналов на белорусском телевидении, а граждане Беларуси знают всех звезд и комментаторов российского ТВ (причем лучше, чем белорусских, - в силу малой привлекательности белорусского ТВ). В Беларуси никто не переключит теле- или радиоканал из-за я з ы -

6. Чем белорусы отличаются от русских?

к о в ы х проблем с п о н и м а н и е м белорусской или русской речи. Однако это правило уже не касается печатной продукции: газеты, журналы и книги в Беларуси предпочитают на русском, хотя и в данном случае дело не только в языке, но и в предпочтениях разного содержания.

Расколото белорусское сознание двумя культурами и языками или гармонично их сочетает, - вопрос не только академический. Действительно, белорусское национально-языковое сознание противоречиво, если не сказать парадоксально. С одной стороны, по переписи 1999 г., большинство граждан (81,2%) считает себя белорусами. Причем впервые после переписи 1959 г. процент белорусов в населении не снизился, а вырос; впервые после переписи 1970 г. вырос также процент белорусов, называющих белорусский своим родным языком (см. Табл. 6.б). Большинство граждан стоит за суверенитет Беларуси (см. п. 6.5), но при этом большинство предпочитает российское телевидение и русские книги.

Табл. 6.б. Динамика сохранения белорусского этнического и языкового самоопределения (по данным переписей населения)

Группы населения	Процент группы (по годам переписей)				
	1959	1970	1979	1989	1999
Этнические белорусы в населении БССР / Беларуси	81,1	81,0	79,4	77,9	81,2
Белорусы, которые назвали белорусский родным языком	84,2	90,15	83,50	80,22	85,6

Еще парадокс: большинство жителей Беларуси говорят по-русски, но при этом подавляющее большинство (73,7 % всего населения Беларуси, в том числе 85,6 % белорусов) назвало белорусский р о д н ы м языком. Иными словами, миллионы людей не говорят на языке, который считают родным, но продолжают называть его родным (кажется, вот основание, чтобы вслед за П. Векслером (Wexler 1992) называть белорусскую ситуацию *шизогlossией*)¹⁹.

В терминах социальной психологии всё это означает, что в современной Беларуси этническое и языковое самоопределение граждан происходит на национально-государст-

¹⁹ Перепись выявила еще один парадокс белорусской ситуации: отвечая на вопрос о том, "на каком языке вы обычно разговариваете дома?", белорусский язык назвали 41,3 % белорусов и 57,6 % - поляков. Что касается населения Беларуси в независимости от этнического самоопределения, то 62,8 % жителей указали, что дома они разговаривают на русском языке.

6. Чем белорусы отличаются от русских?

в е н н о й основе: такова реальность сознания людей, реальность их о т н о ш е н и я к своей стране. Называя себя белорусами, а белорусский язык родным, подавляющее большинство граждан своей л и ч н о й самоидентификацией поддерживает суверенитет своего общего дела - своего государства, пусть небогатого и не слишком любимого, но своего, и поэтому не безнадёжного.

При этом и положение с белорусским языком также не безнадёжно. Несмотря на неблагоприятный для белорусского языка общий коммуникативный баланс, у него есть своя функциональная ниша и связанные с ней перспективы: это движение за национальное возрождение Беларуси и актуализированная им книжно-письменная культура. Борьба за возрождение белорусского языка находится в эпицентре национального движения, и это сказывается на всем обществе. Многие (но не все) сторонники независимости Беларуси видят в белорусском языке не только символ национального возрождения, но и условие независимости.

Вот почему символическое обращение к литературному белорусскому языку первенствует над его использованием в коммуникации. Литературный белорусский язык шире, больше используется в сфере культуры и образования, чем в обиходном, повседневном общении: на нем больше пишут в книгах и газетах, вещают, преподают, чем просто разговаривают. Вне службы многие журналисты, литераторы, вузовские и школьные преподаватели говорят по-русски (см. подробно Мечковская 2002 [а]).

Однако "белорусскость" Беларуси создается не языком и даже не масс медиа. Жизнь в отдельном государстве - вот уже более 10 лет со своими деньгами, законами, границами и даже своими новыми праздниками - становится главным фактором национальной самоидентификации белорусов. Все чаще в Беларуси слова *мы, наши* означают не 'мы вместе с Россией / СССР', как было раньше, но 'мы сами', 'мы отдельно от России', 'мы в отличие от России'.

6.10. В БЕЛАРУСИ ЛЮДИ ЖИВУТ В СРЕДНЕМ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ В РОССИИ

Демографам давно известен феномен белорусского долгожительства. Однако не очень понятен. Иное дело *кавказское долголетие* - оно вошло в поговорки, тосты и в общем объяснимо: горные селенья, чистый воздух, много солнца, виноград. Как не похоже это на то, что за плечами у белорусских долгожителей: две мировые вой-

6. Чем белорусы отличаются от русских?

ны, несколько оккупаций, революции, колхозы, массовые репрессии и при этом отнюдь не ласковая природа и не щедрая земля! Тем не менее феномен имеет место: по переписи 1999 г., в Беларуси 877 женщин и 104 мужчины старше 100 лет. В основном это жители деревень и небольших городов. В феврале 2002 г. в Беларуси проживал самый старый человек Европы - Устинья Журнаяк из Пинска, ей было 116 лет...

Кстати, в глобальных многопризнаковых рейтингах по "человеческому развитию", ежегодно составляемых в ООН, Беларусь все еще впереди России.

7. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XXI В. НОВЫЕ ЧЕРТЫ. МОМЕНТ ИСТИНЫ О БЕЛОРУССКОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ ЛЕТОМ 2002 Г.

7.1. НАРАСТАЮЩЕЕ СУЖЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА 1995 Г.

В предвыборной программе Александра Лукашенко во время кампании по избранию первого президента Беларуси (первое полугодие 1994 г.) не было пунктов о белорусском языке и национальном возрождении; эти вопросы практически не затрагивались Лукашенко в публичных дискуссиях¹. Не затрагивая языковых проблем Беларуси, Лукашенко следовал большинству русскоязычных изданий страны - для них это просто не проблема. При этом в СМИ и до 1994 г. и в последующее время практически не было выступлений против *матчынай мовы* (противники белорусизации предпочитали говорить о информационной ценности русского языка; см. подробно Мечковская 2002, 130-132).

Однако, став президентом, А. Лукашенко первым публично выступил против белорусского языка. Это был популистский прагматизм, привлекавший значительную часть избирателей, недовольных белорусизацией². Во-первых, он заговорил о ненужности белорусского языка. Во время одного из первых выступлений в каче-

¹ Свою предвыборную кампанию Лукашенко вел по-русски, как и второй кандидат, прошедший во второй тур голосования, - премьер-министр Вячеслав Кебич. Два основных кандидата, не прошедшие во второй тур (тогдашний лидер Белорусского Народного Фронта Зянон Пазыняк и председатель Верховного Совета Республики Беларусь (до января 1994 г.) Станислав Шушкевич), свою агитацию вели на белорусском языке.

² Типологическая параллель к лингвистическому популизму Лукашенко: в Украине в ходе президентской избирательной кампании (первое полугодие 1994 г.) Леонид Кучма включил в предвыборную программу обещание придать русскому языку юридический статус, равный с украинским.; это обеспечило Кучме поддержку восточных областей Украины, решившую исход выборов.

стве президента, вопреки уже сложившейся к тому времени традиции для первых лиц государства публично говорить на белорусском языке, А. Лукашенко говорил по-русски. На вопрос-упрек из зала (минского педагогического университета), почему он не говорит по-белорусски, Лукашенко ответил: *А хто здесь меня не понимает?* Во-вторых, Лукашенко заговорил об о перегибах в ходе белорусизации и о том, что нужен "задний ход". Эти слова в том же зале педуниверситета были встречены аплодисментами. В-третьих, выступая на сессии Гомельского горсовета (01.12.1994) президент говорил о недостаточности белорусского языка, попутно оскорбляя его приверженцев: "Люди, которые говорят на белорусском языке, не могут делать ничего, кроме как разговаривать на белорусском языке, потому что по-белорусски нельзя выразить что-то великое. Белорусский язык - бедный язык. В мире существует только два великих языка - русский и английский". Газеты *Имя*, *Народная газета*, *Народная Воля* потом не раз припоминали президенту эту искренность (25.01.1995; 01.02.1995; 30.06.1998).

На майском референдуме 1995 г. население Беларуси поддержало предложение президента о придании русскому языку статуса, равного со статусом белорусского языка. Выбирая Лукашенко президентом, а позже голосуя за равный юридический статус для обоих языков, люди голосовали против издержек бюрократической белорусизации начала 90-х гг. (особенно негативно сказавшихся в школе) и еще в большей мере - против радикального националиста Зянона Пазьняка. Как писал журналист Юры Дракахруст (Марат Дымов), избрание Лукашенко - это *помста маргіналаў нацыяналістам* (*Літаратура і мастацтва*, 1996, 14.06). Однако голосовавших за Лукашенко было слишком много, чтобы называть их маргиналами.

После принятия Закона *О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь»* (13.07.1998.) в Беларуси стало два языка с юридическим статусом "государственного". Де факто белорусский язык потерял в своем коммуникативном весе и социальном престиже, а русский язык - выиграл. В 1997 г. директор Института языкознания Академии наук Беларуси академик А.И. Падлужны констатировал: "Кола актыўных носьбітаў беларускай мовы звужана да мінімуму і працягвае звужацца" (Падлужны 1997, 82).

7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в.

Сократилось использование белорусского языка в качестве языка обучения. Если в 1994-1995 уч.г. на белорусском обучалось 40,6 % школьников, то в 1999-2000 уч.г. - только 30 % ('Кола дзён', *Літаратура і мастацтва*, 2000, 02.06). В Минске из 240 школ обучение на белорусском языке (впрочем, не по всем предметам) ведется в 11 (т.е. в 4,6 % школ) (Сядзяка 2000). В стране по-прежнему нет белорусскоязычного вуза. В июне 1998 г. руководство Академии наук отменило зачет по белорусскому языку для аспирантов и соискателей ученых степеней (бывший с 1991 г. обязательным при обучении по всем специальностям). Подробно о дебелорусизации образования см. Аняменне 2000.

Белорусский язык уходит даже из семей писателей. Ср. размышления (в стихах и прозе) члена Союза писателей Беларуси: "У цяжкім адчаі / Прысеў на канапу. / З пакою дзіцячага клікнулі: / Папа! / Скрозь слёзы прыпомніў / Вясковую хату, / Да болі знаёмае, / Роднае: «Тата!»". И далее: "Ні жонку, ні дзяцей я не пераканаў размаўляць па-беларуску, ды і сам не заўсёды паслядоўны ў карыстанні літаратурнай беларускай мовай. Гэта трагедыя большасці беларусаў, трагедыя народа, мая трагедыя. Беларуска мова не пануе часам у сем'ях нават вельмі знакамітых дзеячоў беларускай літаратуры" (Малец 2000).

С другой стороны, по мере перегруппировки политических сил и движений, с 1997- 1998 гг. становилось очевидным, что публичная белорусская речь не является отличительным признаком оппозиции. Новая белорусская оппозиция все более говорит порусски: существуют оппозиционные газеты на русском языке (некоторые из них даже были закрыты властями, например, газета *Имя*); в 2000 г. сформировалось русскоязычное оппозиционное молодежное движение "Зубр" (до сих пор не зарегистрированное).

7.2. НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ СИМВОЛИЗМ КАК ГЛАВНАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на неблагоприятный для белорусского языка общий коммуникативный баланс, у него есть своя функциональная ниша и связанные с ней перспективы на будущее: это движение за национальное возрождение Беларуси и актуализированная им книжно-письменная культура. Защита языка находится в эпицентре белорусского национального движения.

После референдума 1995 г., когда белорусизация перестала быть государственной политикой, выпуск книг на белорусском снизился, однако он не упал до показателей советской поры (371 издание в 1980 г. и 435 в 1990 г.). Более того, в 1998 г. число книг на белорусском (806) превысило показатель 1994 г. (795). Характерно также, что за 1990-1998 гг. темпы прироста количества журналов на белорусском были выше, чем темпы роста русскоязычных изданий (хотя в абсолютных цифрах журналов на русском было и есть больше; см. *Табл. 7.а*)³.

Табл. 7.а. Рост количества журналов (названий) на белорусском и русском языках, изданных в Беларуси за 1990-1998 гг.

Языки	Абсолютный рост	Относительный рост
Белорусский	с 36 до 109	303 %
Русский	с 90 до 205	228 %

Источник: Друк Беларусі 1992-1999.

Легко видеть, что место белорусской периодики скромное, но достаточно стабильное; в сфере книжно-письменной культуры белорусский язык не только удерживает, но и упрочивает свои позиции. Более того, литературный белорусский шире и больше используется именно в сфере культуры и образования, чем в обиходе (что на фоне тенденции XX в. к распространению литературного узуса на все сферы жизни предстает как своего рода аномалия). Символическое и статусное значение белорусского языка по-прежнему обеспечивает ему финансовую поддержку государства. Это видно по положению дел в книгоиздании.

Издание книг на белорусском языке до сих пор дотируется государством не менее, чем на 50%, а некоторые виды учебной литературы и книг для детей - на 100%. Госзаказы на такую литературу поступают преимущественно в государственные издательства. Частные издательства, зависящие от рынка (включая и более емкий российский рынок) сильнее, чем государственные, не заинтересованы в издании книг на белорусском языке. Поэтому доля белорусскоязычных книг, выпущенных государственными предприятиями, более чем в 100 раз превышает долю белорусскоязычной продукции частных издательств (см. *Табл. 7.б* на следующей странице).

Таким образом, в экзистенции литературного белорусского первенствует не коммуникативная предназначенность языка, но

³ Приводимые цифры релевантны как показатели книжной и журнальной динамики только на белорусском языке. С учетом книг и периодики, поступающих в Беларусь из России, в общем объеме циркулирующей в Беларуси печатной продукции доля белорусскоязычных изданий составляет 5-7%.

7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в.

его символическое и метаязыковое (т.е. рефлексивное, обращенное на сам язык) употребление; коммуникативная функция языка оказывается в к л ю ч е н н о й в его этноконсолидирующую, эстетическую, метаязыковую функции. Для его защитников белорусский - это не столько средство общения, сколько символ национального достоинства и суверенности, компонент государственной атрибутики (стоящий рядом с такими знаками государственного достоинства, как флаг, герб, гимн), знамя белорусского национального возрождения. Литературный белорусский используется в сфере культуры и образования (журналистами, литераторами, вузовскими и школьными преподавателями) шире и больше, чем в повседневном общении.

Табл. 7.б. Соотношение книг на белорусском и русском языках в продукции государственных и частных издательств Беларуси в 1999 г.

Издательства Беларуси	Количество изданных книг		
	На белорусском	На русском	Всего
Государственные	255 (40,7 %)	0371 (59,3 %)	626 (100%)
Негосударственные	121 (03,8 %)	3073 (96,2 %)	3194 (100%)

Источник (абсолютных цифр): Друк Беларусі 2000, 29-31.

В сущности, сходное отношение к языку характерно не только для белорусской интеллигенции, но для всего народа. По данным переписи 1999 г., большинство белорусов (85,6 %), как и большинство всего населения страны (73, 7%) верно белорусскому языку прежде всего как с и м в о л у: люди называют его родным, хотя большинство граждан Беларуси, в том числе большинство этнических белорусов, не говорят на белорусском языке. «Языковой символизм», т.е. отношение граждан к белорусскому языку как к атрибуту нации, основе этнической самоидентификации человека и символу-атрибуту суверенного государства, является главным фактором, сохраняющим в Беларуси белорусский язык.

У белорусского языка его символические функции существенно более сильны, чем функции коммуникативные. Понятно, однако, что для возрождения языка недостаточно «языкового символизма» мало. Национальный язык может быть знаменем возрождения, однако для реального возрождения самого языка надо, чтобы на нем просто и массово разговаривали.

7.3. УГЛУБЛЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ДВУХ УЗУСОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (ТАРАШКЕВИЦА И НАРКОМАЎКА)

Помимо официально принятого литературного белорусского языка (используемого в школах и государственных СМИ), в языковой ситуации Беларуси значимо присутствие возрождаемого "дореформенного" литературного языка, основанного на той первой кодификации языка, которая представлена в грамматике Б. Тарашкевича 1918 г.⁴, остававшейся нормативным руководством по белорусскому языку до русифицирующей орфографической реформы 1933 г.

Кодификация Тарашкевича существенно шире его орфографии (так называемой *тарашкевіцы*, в отличие от *наркомаўкі* - орфографии, введенной реформой 1933 г.): в ней содержатся отличия (от "наркомовского" варианта) в орфоэпии и морфологии. Орфография Тарашкевича, благодаря своему фонетизму, сближавшему письмо со звучанием речи (*сьнег, насеньне, гарадзкі, бязумоўны*), и принятию польских принципов передачи заимствований (с палатализацией одних согласных - *люб, філёлёгія*, но с веляризацией других - *газэта, сыntaxс*), а также его морфология (*у гарадох, бяз дзяўчатаў, на загадзе, дзеля новае кнігі*) подчеркивали отличия белорусского языка от русского.

Возрождаемый вариант литературного языка часто называют *тарашкевицей*, что неточно (строго говоря, "тарашкевица" - это только орфография), однако в 90-х гг. именно "тарашкевица" стала знаком возрождения белорусского языка и с ней ассоциируют все другие черты альтернативного варианта языка (противопоставленного официальному) - орфоэпические, морфолого-синтаксические, лексические. Другого ходового названия у этого варианта нет⁵.

⁴ См. Тарашкевіч 1918. 5-е, переработанное и расширенное издание учебника Тарашкевича вышло в 1929 г., 7-е, последнее, - в 1943 г.

⁵ Радикальные противники данного варианта литературного называют его *эмігранцкай мовай* (Жураўскі 1993, 27). Описательное наименование - *дореформенный литературный язык* - не только громоздко и чревато неясностями (*О какой реформе идет речь?*), но и узко, потому что в реальности происходит не столько возврат к "дореформенной" виленской кодификации 1918 г., сколько расширение ее ведущего принципа - сохранение и культивирование отличий белорусского языка от русского. Далее данный вариант литературного языка будет называться *тарашкевицей* (с учетом оговоренной конвенциональности термина).

7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в.

В современном национальном движении тарашкевица стала символом отталкивания не только от русификации, но и от советского прошлого⁶. Однако отнюдь не вся оппозиция использует тарашкевицу. В оппозиционных СМИ имеется четыре различных по языку вида изданий: 1) издания на белорусском и русском языках, соседствующих на одной газетной полосе, при этом белорусский используется в его официальном варианте; 2) издания на русском языке; 3) негосударственная газета *Наша слова* (издаваемая *Таварыствам беларускай мовы*) на официальном белорусском; 4) негосударственные издания на тарашкевице: еженедельная газета *Наша Ніва* (выходит с 1991 г.), журнал истории и культуры *Спадчына* ('Наследие', издается с 1989 г.), ежемесячный журнал *Эпоха* (с 1997 г.), с 1998 г. ежемесячный журнал *Arche* (от греч. αρχη - начало) и его рецензионно-аналитические выпуски *Arche Скарына*. На тарашкевице напечатано несколько десятков новых книг и брошюр (в том числе *Сьцяна* Василя Быкова). Тарашкевица воспроизводится в факсимиле белорусских изданий 20-х гг. Устная реализация тарашкевицы звучит в белорусских передачах радиостанции "Свабода" (из Праги), белорусской радиостанции "Рацыя" (из Польши).

В современной тарашкевице расширяется круг отличий белорусского языка от русского, главным образом в результате обращения к белорусским словарям и грамматикам 20-х гг. (некоторые из них в начале 90-х гг. были факсимильно переизданы), калькирования польских и западноевропейских слов и устойчивых оборотов, а также путем прямых лексических заимствований из польского и украинского. Наиболее полный и систематизированный (по уровням языка) свод инноваций тарашкевицы см. в работе Садоўскі 2001. В первой половине 90-х гг. некоторые слова из тарашкевицы успели прижиться в государственных СМИ и, таким образом, стали широко известны (впрочем, чаще как факультативные параллели): *адсотак* (и *працэнт*), *асобнік* (и *экземпляр*), *вернік* (и *веруючы*),

⁶ Ср.: "Адзіным знакам абароны беларускае мовы й яе жывога жыцця на сёння застаецца наш несавецкі правапіс. Справа нават стаіць шырэй. Правапіс Б. Тарашкевіча - гэта ўсё, што засталася ў беларускай апазыцыі пасля страты ўлады і нацыянальнай сымболікі" ('Ад рэдакцыі: Суд над беларускай мовай', *Наша Ніва*, 1998 (17.08); защитники тарашкевицы видят в ней «энергетычную крыніцу» мовы, падставы адрознасьці несавецкага кшталту беларускай культуры" (Бабкоў 2000).

выстава (и *выстаўка*), *выступоўца* (и *выступаючы*), *гарбата* (и *чай*), *наклад* (и *тыраж*), *хвіліна* (и *мінута*) и ряд других.

Одно из наиболее заметных отличий современной тарашкевицы от официального узуса связано с антропонимикой и этнолингвотопонимикой. В отличие от замен апеллятивов (где инновации могут показаться реципиенту "просто" незнакомым / непонятным словом), модифицированные "по тарашкевице" собственные имена легко узнаваемы, поэтому в их обновленном облике есть особая семиотическая броскость и подчеркнутый вызов "наркомовке". Ниже представлены наиболее яркие черты тарашкевических вариантов в сфере онимов.

Антропонимы. Для фонетики белорусских имен людей, в отличие от русских, характерна меньшая зависимость от орфографии и, следовательно, бóльшая подверженность стихии устной речи. В белорусском больше редуцированных, укороченных имен; здесь сильнее сказались процессы ассимиляции, диерезы или, напротив, развития протетических, различных "прокладочных" звуков. Ср. общепринятые (хотя и не всегда "паспортные") формы (*Анатоль, Аркадзь, Васіль, Генадзь, Лаўрэн, Мікола, Міхал, Яўген, Яўхім* и т.п.), а также еще более "народные" формы в писательских именах (*Язэп Пушча, Піліп Пестрак, Зьміцер Санько, Лявон Баршчэўскі* и т.п.). В тарашкевице указанные особенности культивируются, а иногда и подчеркнута усиливаются: *Валер* (в отличие от *Валеры, Валерый*), *Гнат* (не *Игнацій*), *Зьміцер* (не *Дзмітрый*). Характерны также предпочитаемые в тарашкевице "народные" имена, в которых произошли утраты начальных звуков: *Алена* (рус. *Елена*), *Аўген* (традиционное *Яўген*), *Панас* (из *Апанас*), ассимиляции и диссимиляции (*Павал, Хведар*) и другие стихийные процессы (*Пётра*), в том числе под украинским влиянием (*Пятро, Зьмітро*).

В тарашкевице усилено традиционное для Беларуси употребление производных имен с суффиксом *-к(а)* (*Янка, Зоська*) без оценочной коннотации, например, в качестве основных писательских или сценических имен: *паэтка Людка Сільнова, паэт Юрка Голуб, галоўны рэдактар "Arche" Валерка Булгакаў, акторка Наталька Усціновіч*⁷. В тарашкевице усилено также традиционное для бело-

⁷ В русском языке производные имена с суффиксом *-к(а)* (*Ванька, Машка*) отличаются от своих производных синонимов (*Ваня, Маша*) пейоративным оттенком,

7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в.

русского узуса употребление гипокористической ("детской") формы имен в качестве основного ("взрослого") поэтического или сценического имени: *паэтка Люба Тарасюк, зорка эстрады Кася Камоцкая, перакладчыца Алеся Літвіноўская, паэты Алесь Разанаў, Юрась Свірка, Вінцэсь Мудроў* и т.п. В этом же ряду находятся "невзрослые" имена на -ук /-ок, используемые в качестве основного имени: *Змітрок Бядуля, Сяржук Сокалаў-Воюш, Вінцук Вячорка*.

Топонимы, этнонимы, лингвонимы. В современной тарашкевице бо́льшая часть имен названных ономаσιологических классов появляется благодаря процессу, который М.Я. Байкоў и С.М. Некрашевич называли *абеларушваннем* небелорусских слов (Байкоў, Некрашэвіч 1925, 3), т.е. в результате фонетико-орфографической и (реже) морфологической модификации слов, пришедших в белорусский язык через посредство русского. Однако, поскольку белорусских источников 20-х гг. для "абеларушвання" всей массы современных топонимов не хватает, то имеет место обращение к польским и украинским соответствия, а с другой стороны, отталкивание от русских (см. *Табл. 7.с* на следующей странице).

Представленный в таблице материал позволяет видеть большее влияние польских образцов, нежели украинских, при этом практически не приходится говорить об общих польско-украинских формах, заимствуемых в белорусский (вопреки мнению Г. Бидера о том, что при контактах тарашкевицы наиболее жизненны заимствования широкого ареала - польские слова, совпадающие с украинскими (Bieder 1996, 304-305). Что касается отталкивания от русских параллелей, то иногда оно даже сильнее, чем тяга к польскому. Например, как объяснить топоним *Вугоршчына* (укр. *Угорщина*), при том, что у Цвікевіча (1929, 251) было *вэнгры* и в современном польском также *Węgry*? Скорее всего, дело в стремлении иметь топоним, непохожий на рус. *Венгрия*.

Для современной "тарашкевицы", неукорененной и камерной, лишенной учебников и корректоров, экспериментально-поисковой и потому притягательной для филологической молодежи, харак-

и это хорошо чувствуют носители русского языка, в том числе, конечно, и в Беларуси. Тарашкевический узус подчеркнуто игнорирует указанную коннотацию.

терна широкая орфографическая и лексическая вариативность⁸. *Наша Ніва* приветствует словотворчество своих читателей, присылающих в газету тетрадки неологизмов, пригодных, по мысли их создателей, заменить привычные малоинтересные слова, к тому же так похожие на *расейскія* (см. Шупа 2000; Шупа, Паўлоўскі 2000).

Табл. 7.с. *Наркомаўка* и *тарашкевіца* в белорусских топонимах и этнонимах (на фоне русских, польских и украинских соответствий)

Русский	Белорусский (наркомаўка)	Белорусский (тарашкевіца)	Польский	Украинский
<i>Албания</i>	<i>Албанія</i>	<i>Альбанія</i>	<i>Albania</i>	<i>Албанія</i>
<i>Америка</i>	<i>Амерыка</i>	<i>Амэрыка</i>	<i>Ameryka</i>	<i>Америка</i>
<i>Англия</i> <i>английский</i> <i>англичане</i>	<i>Англія</i> <i>англійскі</i> <i>англічане</i>	<i>Ангельшчына</i> (‘страна’ и ‘язык’) <i>ангельскі, ан-гельцы</i>	<i>Anglia, an- gielski, Anglik An- gielka</i>	<i>Англія</i> <i>англійський.</i> <i>англієць,</i> <i>англійка</i>
<i>Афины</i>	<i>Афіны</i>	<i>Атэны</i>	<i>Ateny</i>	<i>Афіны</i>
<i>Велико- британия</i>	<i>Вяліка- британія</i>	<i>Вялікая Бры- танія</i>	<i>Wielka Brytania</i>	<i>Велико- британія</i>
<i>Венгрия,</i> <i>венгры,</i> <i>венгерский</i>	<i>Венгрыя, венг- ры,</i> <i>венгерскі</i>	<i>Вугоршчына,</i> <i>вугорцы,</i> <i>вугорскі</i>	<i>Węgry, wę- gierski, Węgier</i>	<i>Угорщина,</i> <i>угорський,</i> <i>угорець</i>
<i>Евреи</i>	<i>яўрэі</i>	<i>габрэі, гебрэі,</i> <i>жыды</i>	<i>Żydy, Żydówka</i>	<i>євреї</i>
<i>Европа</i>	<i>Еўропа</i>	<i>Эўропа</i>	<i>Europa</i>	<i>Європа</i>
<i>Испания</i>	<i>Іспанія,</i> <i>іспанскі</i>	<i>Гішпанія,</i> <i>гішпанскі</i>	<i>Hiszpania, hiszpański</i>	<i>Іспанія,</i> <i>іспанець</i>
<i>Лондон</i>	<i>Лондан</i>	<i>Лёндан</i>	<i>Londyn</i>	<i>Лондон</i>
<i>Мексика</i>	<i>Мексіка</i>	<i>Мэксыка</i>	<i>Meksyk</i>	<i>Мексіка</i>
<i>негр,</i> <i>негритянка</i>	<i>негр,</i> <i>негрыцянка</i>	<i>мурын,</i> <i>мурынка</i>	<i>Murzyn, Murzynka</i>	<i>негр,</i> <i>негритянка</i>
<i>Новая Зеландия</i>	<i>Новая Зеландыя</i>	<i>Новая Зэляндыя</i>	<i>Nowa Zelandia</i>	<i>Нова Зеландія</i>
<i>Словакия</i>	<i>Славакія</i>	<i>Славаччына</i>	<i>Słowacja</i>	<i>Словаччина</i>
<i>Чехо- словакия</i>	<i>Чэхаславакія</i>	<i>Чэхаславаччына</i> и <i>Чэска- славаччына</i>	<i>Czecho- słowacja</i>	<i>Чехо- словаччина</i>
<i>Швейцария</i>	<i>Швейцарыя</i>	<i>Швайцарыя</i>	<i>Szwajcarja</i>	<i>Швейцарія</i>
<i>Швеция</i>	<i>Швецыя</i>	<i>Швэцыя,</i>	<i>Szwecja</i>	<i>Швеція</i>

⁸ Орфографический разноречием легко встретить у одного автора, на соседних или даже на одной собственноручно набранной им странице: *семантыка* и *сэмантыка*, *філасофія*, *філасоф* и *філэзаф*, *філэзофскі* (Залоска 1995, 95, 98-99).

По своей интеллигентской сути издания на тарашкевице оппозиционны, однако они носят надполитический и подчеркнута элитарный характер. Приверженцы современной тарашкевицы раскалывают ряды сторонников белорусского языка и национального возрождения, что не может не ослабить движение. Когда в белорусских передачах зарубежного эфира звучит *сумнеў, марозіва, кляса, клуб, газэта, сымбаль, тэза, крытэр, бензын* и подобные формы, которых люди не слышали ни в школе, ни по радио и ТВ, то они не узнают во всем этом "свой" белорусский. О каком возрождении языка в таком случае может идти речь? Судя по перевесу *клубных* словесных поисков над здравым смыслом, белорусскому национальному движению по-прежнему не достает реализма и понимания социальной психологии людей.

7.4. НОВЫЕ ФУНКЦИИ СМЕШЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВЫХ ВАРИАНТОВ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

В работе Мечковская 1994 (см. 2-ую статью в настоящем сборнике) в разделе 2.5.4. ("Двуязычная коммуникация") были представлены основные функции соединения в публичной речи элементов двух языков. Не стремясь к детализации полученной общей картины, представлю некоторые новые случаи синхронной русско-белорусской публичной коммуникации (по-прежнему рассматривая этот феномен как "трясянку для образованных").

4.1. В русскоязычной статье ее главная мысль выражается на белорусском языке

В таких случаях по-белорусски дан или заголовок текста, или, напротив, его финал, "заключительный аккорд", или смысловая кульминация статьи, ее идейная квинтэссенция, или ее развязка, или иные самые важные для автора слова. Переход на белорусский в таком случае выступает как стилистический маркер высокого стиля и торжественности момента.

Например, газета *Народная Воля* (2000, 11.10) на двух полосах печатает статью на русском языке кинодокументалиста Виктора Дашука, озаглавленную по-белорусски: «*А хто там ідзе?*». По-белорусски дан также эпиграф к статье и ее финал; заглавие представляет собой цитату: повторено заглавие самого знаменитого стихотворения классика белорусской литера-

туры Янки Купалы «*А хто там ідзе...*» (1906). Существенно, что в статье не затрагивались национально-языковые вопросы.

Ср. также напечатанное в *Народной Воле* (2000, 25.05) письмо в газету ветерана, возмущенного антисемитизмом одного минского издания: заглавие и письмо написаны на русском, а его финал - на белорусском (хотя и с русскими вставками): "Я ўсё жыццё пражыў на Беларусі, і як цяжка слушаць, тым больш чытаць гэтыя ганебныя рэчы. Дзе ж знакамітая «дружба народаў»? Вось уж сапраўды: вядзецца «вайна па законах подласці»".

7.4.2. В политической речи белорусские элементы маркируют национально-возрожденческую ориентацию

В политических выступлениях выбор белорусского языка однозначно воспринимается как опознавательный знак национальной оппозиции. Ср. журналистский комментарий к языковому выбору кандидатов в депутаты (во время их 5-минутных выступлений по ТВ): "Усе прэтэндэнты выступаюць амаль выключна па-руску. Адзін, праўда, пачаў гаварыць на беларускай мове, але хуценька схамянуўся (хто ж яго, «нацыяналіста», выбера?) - і, апраўдваючыся, перайшоў на рускую" (Кліменценка 2000). Характерно также заглавие заметки А. Трусава о переменах в языковом выборе одного оппозиционного политика: "Ці не здаўся Мікола Статкевіч, перайшоўшы на рускую мову?" (*Народная Воля*, 2000, 11.11).

Выбор русского языка в политических выступлениях, в отличие от белорусского, маркирован слабо, поскольку по-русски нередко говорит и оппозиция (отчасти - потому что, выступая по-русски, оратор чувствует себя свободнее, отчасти - чтобы подчеркнуть свою общедемократическую направленность). В двуязычных листовках оппозиции по-белорусски могут быть напечатаны названия акции (*Марш свабоды*, *Чарнобыльскі шлях*), лозунги, призывы, а чисто информационные и «рассуждающие» слова - по-русски. Оратор может свою речь на русском закончить призывом по-белорусски: *Жыве Беларусь!*

7.4.3. Белорусский язык как маркер "солидности" мелкого бизнеса

На вывеске частного магазина, кафе, в рекламном тексте, в письменном объявлении (но не устном, например, по радио на вещевом рынке с тысячей торговых точек) белорусский язык может быть знаком солидности, укорененности, известной респектабельности.

7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в.

В подобных случаях выбор языка отвечает личному вкусу предпринимателя и его представлениям о том, какой язык более привлекателен в глазах клиентов. В Минске многие небольшие частные магазины и киоски имеют белорусскую вывеску (*Камерцыйная крама, Кветкі, Спажывецкія тавары, Гарачыя напоі; Фінская мэбля, Хутка, смачна, па-беларуску* и т.п.), при том что менее презентабельные и меняющиеся тексты (ценники, меню и т.п.) в этих же заведениях пишутся по-русски.

7.4.4. Белорусский язык как насмешка над традиционной белорусской культурой

Белорусские слова в русском тексте могут быть насмешкой над национальной ограниченностью, которую автор ассоциирует с реалиями белорусского быта и белорусским языком. Ср. в выступлении тележурналистки: «Ну, а что касается этих «шкварак, чарак і буслоў», которые так раздражают телезрителей, то могу с полной ответственностью сказать: наша редакция к ним не имеет никакого отношения» (*Советская Белоруссия*, 2000, 26.02).

7.4.5. В оппозиционной белорусской прессе трясанка выступает как насмешка над русскоязычными белорусами

Трясанка всеми, кто ее замечает, воспринимается отрицательно - по меньшей мере как речевое бескультурье, однако в государственных СМИ трясанка практически не обсуждается и ее проявления не демонстрируются. Зато в оппозиционной периодике стали популярны карикатурные имитации трясанки - как насмешка над языком и "совковостью" русскоязычного белоруса.

Ср. замечания журналистки о предвыборных выступлениях кандидатов в депутаты по ТВ (говоривших по-русски): «...яны, відаць, упэўнены, што ўзбагачаюць «великий и могучий», нярэдка завяршаючы прамовы абразлівым для слыху «Благодару за ўнимания» [выделено автором публикации. - Н.М.]» (Кліменценка 2000).

Ср. также заголовок информации в *Нашай Ніве* (2001, 02.04) о том, что руководство Брестской области задерживает зарплату крестьянам до окончания посевной и что крестьяне, по словам руководства, согласились с этой отсрочкой: "Берасцейцы - сазнацельныя". Русизм-советизм *сознательные* (вместо бел. *свядомыя* или, в варианте тарашкевицы (на которой написана заметка), - *свѣдамыя*) часто имел значение 'поддерживающий политику партии-правительства'.

Соединение трасянки (или русских слов и оборотов) с тарашкевицей выступает как основной прием развлекательно-комических текстов в *Нашей Ниве*. Развилась серия коротких историй (анекдотов, шуток - не сюжетных, а именно языковых) Виктора Шнипа, выходящих под заглавием *Сабачыя гісторыі*, а также подражания им читателей *Нашай Нивы* (публикуемые газетой).

7.4.6. Искаженный или утрированный русский язык в знак неприятия русификации и "советскости"

В указанной функции нередко выступают гиперкорректные формы, т.е. карикатурная русская речь. Ср. в письме читательницы: "Мова маці маеі - беларуская мова - стала мёртвай. На ёй не гавораць нават (у сваёй большасці) настаўнікі гэтай мовы - ні, наколькі я ведаю, на Шаркаўшчыне, ні на Міншчыне. Нідзе. Яны высільваюцца, як толькі могуць, каб гаварыць «по-русски»" (*Наша Воля*, 2000, 19.01; выделение и кавычки автора письма).

Представленный прием близок к ироническому цитированию речи на трасянке, особенно в тех случаях, когда русский текст записывается с отступлениями от орфографии, что и вызывает насмешку над бескультурьем. Ср: "Трэба правесці тлустую рысу паміж БНУ [Беларускі нацыянальны універсітэт. - Н.М.] і цяперашнім вышшым абразаваніем" (Дынько, 2000 [а]). Подчеркнутая мной запись относительно точно воспроизводит обычное звучание этого русского клише, но нарушение орфографии (в данном случае русской) дискредитирует того, кому автор приписывает подобную речь (т.е. русифицированную и русификаторскую бюрократию).

Отмеченные новые функции сознательного смешения языков отражают, с одной стороны, углубление функционально-прагматического размежевания языков и подязыков Беларуси, а с другой, усиление символических функций белорусского языка.

7.5. БЕЛАРУСЬ НИКОГДА НЕ СТАНЕТ 90-М СУБЪЕКТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРЕЗИДЕНТ ЛУКАШЕНКО)

Момент истины в почти 10-летней политике создания "союзного государства России и Беларуси" наступил в результате переговоров президентов 11 июня и 14 августа 2002 г. Не довольствуясь популистской риторикой Лукашенко о братских народах и будущем

7. Языковая ситуация в Беларуси начала XXI в.

союзе (рассчитанной на те слои населения (в основном пожилого), которые в обеих странах ностальгируют о распаде СССР), В. Путин в необычно жесткой форме предложил внести ясность в планы интеграции и определить приемлемую модель объединения из ряда возможных (например, станет ли Беларусь одним новым субъектом РФ или белорусские области войдут в Россию на правах нескольких новых субъектов РФ и т.п.). При этом Путин недвусмысленно дал понять, что паритет России и Беларуси в союзном государстве невозможен, что эмиссия общих денег будет только в Москве, что ротация союзного президентства невозможна и т.д.

На пресс-конференции 18 июня, после почти недельного, как в шоке, молчания Лукашенко сказал: "Беларусь никогда не станет 90-м субъектом Российской Федерации" и "Белорусы сами в состоянии заработать себе на жизнь". В Беларуси в формулировках Путина увидели оскорбление белорусского народа, цинизм российской политики и т.д. Возмущение сплотило в себе политические силы и партии страны; это был поворотный пункт интеграции.

Впрочем, для российских аналитиков (и, разумеется, для Путина) нежелание белорусского руководства действительно инкорпорировать Беларусь в РФ не было неожиданностью. О том, что белорусская администрация фактически саботирует планы интеграции, писал, например, Александра Фаддеев, заведующий отделом Беларуси в Институте стран СНГ, в статье под выразительным заглавием *Пять лет единения, или Политическая прохиндиада* (в № 26 Информационно-аналитического бюллетеня указанного Института). Статья Фаддеева в переводе на белорусский была перепечатана в *Arche Скарына* (2001, № 3) и прокомментированная в статье Валерки Булгакова, резюме которой было вынесено на обложку журнала: "Наменклатура як гарант незалежнасці Беларусі". В программе "Факты и мнения" русской редакции радио "Свобода" в начале сентября 2002 г. один из комментаторов назвал политику Лукашенко (по вопросам интеграции) "гениальным фарсом господина Лукашенко" и добавил: "Гриб и Кебич [белорусские политики из старой партноменклатуры. - Н.М.] отдали бы независимость, а Лукашенко 8 лет дурил Москву, но независимость сохранил".

Однако суверенитет Беларуси дорог не только номенклатуре. Время работает на независимость. Жители страны (белорусы и небелорусы) все более убеждаются, что жить без России можно и что в отдельной жизни есть свои преимущества. С одной стороны, в этом белорусов ежедневно убеждают российские телеканалы, когда показывают те российские беды и проблемы, которых нет в Беларуси: гибель российских солдат в Чечне или иных горячих точках России; многомесячные задержки зарплат и голодовки российских учителей или шахтеров; тысячи замерзающих в мороз жилых домов в разных регионах России (из-за аварий в отопительных системах); сотни брошенных российских деревень, рабочих поселков, военных городков... Чем дальше белорусы смотрят на всё это по телевизору, тем

большую силу набирают старые, еще дореволюционные, белорусские надежды: *свая земля, вась у чым аснова...* (Якуб Колас) и вера в то, что в своем отдельном доме скорее удастся "навести порядок" (экономический).

Произошли ощутимые перемены в белорусских СМИ. Тема "объединения" стала периферийной и несамостоятельной; при этом обычно говорится о трудностях процесса. Из речи белорусских ведущих на радио и телевидении практически ушло слово *интеграция*; вместо оборота *союзное государство* предпочитают говорить о *Союзе России и Беларуси*, который на глазах трансформируется в "союз четырех" (с включением Украины и Казахстана), что кардинально ослабляет угрозу для белорусского суверенитета. Осенью 2002 г. из программ белорусского радио и телевидения исчезло слово *рэспубліка* (применительно к Беларуси), вместо него звучит слово *краіна* 'страна'⁹.

Осенью 2002 г. меняется информационная политика белорусских властей. Прекращается вещание на Беларусь российских радиостанций *Маяк, Голос России, Юность* - по официальной версии, в силу финансовых причин (российские станции во время не заплатили за использование белорусских частот), однако, как сказал в интервью чиновник из Министерства связи, в Украине подобные меры предприняли семь лет назад. Вводятся новые правила вещания оставшихся российских радиостанций: до 40% эфира в Беларуси, должно быть отдано белорусским новостям и другим программам белорусского производства. "Неужели *Русское радио* на 40% сможет стать белорусским?", - не верил своим ушам журналист из *Белорусской газеты*.

⁹ Насколько эта замена значима для расставания с советской ментальностью, позволяет понять свидетельство публициста о табуистическом искажении семантики слов *республика* и *страна* в советской печати: СССР представлял собой "псевдосоюз из псевдостран, стыдливо называвшихся республиками. Из гордого слова "республика" сделали чисто советский эвфемизм, обозначающий подневольную, невзаправдашнюю, не имеющую самостоятельной воли страну. Помню, редактор всегда вычеркивал из моих текстов слово "страна", если я писал о Белоруссии, Украине или Таджикистане. Понятие "страна" дозволялось в единственном смысле" (В. Ярошенко, 'Попытка Гайдара', *Новый мир*, 1993, № 3, 122). Ср. также у И. Бродского в стихотворении *Кораблик* (у руля которого стоит "флотоводец Боря"): "Из трюма доносится вой республик".

Сходные ограничения вводятся в телевещании. Летом 2002 г. на кнопке телеканала *Россия* начал передачи 2-й канал белорусского телевидения (с "успокаивающим" сторонников интеграции слоганом: *Не вместо, а вместе*). В отличие от 1-го белорусского канала (где основным и рамочным языком является белорусский), 2-й канал работает на русском языке. Российская, а иногда международная телепродукция составляет на 2-й кнопке примерно две трети вещания. Белорусская компания готовит собственные информационно-новостные программы, политическую аналитику, в том числе итоговые программы по воскресеньям, а также некоторые развлекательные передачи, например, ток-шоу *Выбор*. Это первый самостоятельный проект новой компании; его создатели стремятся снять главный упрек в адрес белорусского ТВ - упрек в беспроблемности. Существенно, что в силу природы ток-шоу, обсуждаемые темы (эвтаназия, школьное образование, место спорта в жизни общества, будущее белорусского языка¹⁰, утечка мозгов и т.п.) оказываются связаны с сегодняшними проблемами страны и, таким образом, расширяют поле публичных дискуссий в Беларуси. В марте 2003 г. *Выбор* занимал первую строку в рейтинге программ белорусского производства. Что касается 2-го белорусского канала в целом, то он воспринимается как менее официальный (и он действительно, либеральнее), более динамичный и изобретательный (в сравнении 1-м каналом); несмотря на русский язык, канал воспринимается как вполне 'свой', т.е. сделанный в Минске и для Беларуси. В февралемарте 2003 г. по популярности он существенно опередил 1-й (белорусскоязычный) канал.

Таким образом, суверенитет Беларуси защищается на русском языке.

Возможно, национальное возрождение белорусов запоздало. Как известно, у большинства славянских народов их национальное возрождение и создание государств (иногда в составе конфедераций) происходило в XIX - начале XX в., поэтому у южных и западных славян основные задачи национального возрождения были решены с окончанием Первой мировой войны. Время "весны народов" - национальной консолидации и активного национального самоутверждения - застало белорусов и украинцев в тисках импер-

¹⁰ Эта программа шла на двух языках, фактически - на трясянке, поскольку оба языка нередко в сочетались одним высказыванием.

ской русификации. Время для возрождения белорусского языка было упущено; религиозно-почвенническое отношение к языку через два столетия после "весны народов" ощущается как анахронизм; к тому же в городах для большинства приверженцев белорусского языка (моложе сорока лет) он не является ни материнским, ни школьным, ни основным языком повседневной жизни. Возможно, белорусы находятся в п о с т э т н и ч е с к о й стадии развития сообществ, когда "национальность" скрепляется не языком, а экономикой. В постэтнической истории нация-государство формируется ареалом и общей для ареала организацией жизни. По-видимому, белорусский *дом бытия* - это не язык и не этничность, а своя земля, своя страна-государство.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов, Р.И.: 1968, *Русское литературное произношение*, Москва.
- Аксамітаў, А.[С.]: 2000, *Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст., Мінск.*
- Александровіч, С.Х.: 1971, *Пуцявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX- пачатку XX стагоддзя*, Мінск.
- Аняменне 2000: *Аняменне: 3 хронікі знішчэння беларускай мовы*, Вільня.
- Атраховіч, К.К. (рэд.) 1988-1989: *Беларуска-рускі слоўнік. У двух тамах. Больш за 110 000 слоў. Рэдактар К.К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). Выданне 2-е, перапрацаванае і дапоўненае*, Мінск.
- Бабкоў, І.: 2000, 'Ліст пра беларускіх карэктараў', *Наша Ніва* (26.12).
- Байкоў, М., Некрашэвіч, С.: 1925, *Беларуска-расійскі слоўнік*, Менск [на обложке - 1926; факсімільнае перавыданне, Мінск 1993].
- Бартосік, Зьм.: 1997, 'Белыя людзі', *Наша ніва* (27.10).
- Беларускае мовазнаўства 1993: *Беларускае мовазнаўства 1976-1985, Бібліяграфічны паказальнік*, Мінск.
- Беларуская літаратура 1988: *Беларуская літаратура XIX стагоддзя: Хрэстаматыя*, Складальнікі і аўтары каментарыяў А.А. Лойка, В.П. Рагойша, Мінск.
- Беларусы: 1996, *Беларусы. Атлас: Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі*, Мінск.
- Бембель, А.: 1985, *Роднае слова і маральна-эстэтычны прагрэс*, Лёндан (Published by the Association of Byelorussians in Great Britain).
- Бідер, Г.: 1997, 'Українська мова в Габсбургській монархії (1772-1918 рр.)', *Мовознавство*, №1, 24-29.
- Бодуэн де Куртенэ, И.А.: 1913, *Национальный и территориальный признак в автономии*, Санкт-Петербург.
- Булгакаў, В.: 2001, 'Эканамічны нацыяналізм супраць культурнай экспансіі', *Arche Скарына*, №3, 37-47.
- Булыка, А.М.: 1989, 'Моўная сітуацыя ў БССР', *Беларуская лінгвістыка*, вып. 36, 3-10.
- Быкаў, В.: 1993, 'Перспектыва выжывання нацыі', *Беларусіка-Albaruthenica*, Мінск, 4-6.
- [Быкаў, В.]: 1998, 'Філязофія свабоды: Гутарка з Васілём Быкавым', *Наша Ніва* (13.07).
- Взаимовлияние, 1987: *Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР*, Москва.

- Взаимоотношение, 1980: *Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур*, Москва.
- Гарэцкі, М.: [1920] 1992, *Гісторыя беларускае літаратуры*, Мінск.
- Германовіч, І.К.: 1985, 'Карусь Каганец', Германовіч, І.К. *Беларускія мовазнаўцы: Нарысы жыцця і навуковай творчасці*, Мінск, 69-82.
- Германович, И.К., Михневич, А.Е., Шуба, П.П.: 1981-1984, 'Белорусско-русские языковые отношения: Контакты, двуязычие, методика обучения (материалы к библиографии)'. *Русский язык. Межведомственный сборник*, Минск, вып. 1, 1981, 164-174; вып. 2, 1982, 138-159; вып. 3, 1984, 120-143.
- Германович, И.К., Шуба, П.П.: 1985-1992, 'Белорусско-русские языковые отношения: Контакты, двуязычие, методика обучения (материалы к библиографии)'. *Русский язык. Межведомственный сборник*, Минск, вып. 4, 1984, 146-157; вып. 5, 1985, 171-173; вып. 6, 1986, 153-157; вып. 7, 1987, 144-149; вып. 8, 1988, 166-168; вып. 9, 1989, 144-149; вып. 10, 1990, 158-159; вып. 11, 1991, 151-157; вып. 12, 1992, 152-156.
- Даль, В.И.: 1978, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Т. 1-4, Москва [факсимиле издания 1880-1882 гг.].
- Дзюба, И.: [1966], 1973, *Интернационализм или русификация*. С приложением выступления Дзюбы в Бабьем Яру 29 сентября 1966 г. (Перевод с украинского), London.
- Дзюба, И.: 1998, '«Есть жизнь, есть надежда...»: Неполитические размышления политического маргинала', *Дружба народов*, № 3, 20-26.
- Дрозд, С.: 1992, 'Багіня Феміда, злітуйся..., або Як судзілі беларускую мову', *Літаратура і мастацтва* (28.02).
- Друк Беларусі: 1992-2000, [ежегодники за годы: 1991-1999] *Друк Беларусі. Статыстычны зборнік*, Дзяржаўная кніжная палата Рэспублікі Беларусь, Мінск.
- Дубавец, С.: 1998, *Дзённік прыватнага чалавека. 1989-1998*. Апавяданьні, імпрэсіі, эсэ, Менск.
- Дунін-Марцінкевіч, В.: 1984, *Творы*, Мінск.
- Дурденевский, В.Н.: 1927, *Равноправие языков в советском строе*, Москва.
- Дынько, А.: 1998, 'Книгу из библиотек изъять...', *Навіны* (04.12).
- Дынько, А.: 2000, 'Найноўшая гісторыя яцвягаў', *Arche Скарына*, № 6, 3-15.
- Дынько, А.: 2000 [а], 'Стратэгія фальшаваньня. Улады гатовыя стварыць чарговае "мертвае цела" беларушчыны', *Наша Ніва* (07.08).
- Жураўскі, А.І.: 1967, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Т.1, Мінск.
- Жураўскі, А.І.: 1993, *Праблемы нормы беларускай літаратурнай мовы*, Мінск.
- Залоска, Ю.: 1992, 'Мы вяртаемся', *Літаратура і мастацтва*, (24.07).
- Залоска, Ю.: 1995, *Версіі. Шлях да Храма "idea sui": Дзённік, дыялогі, эсэ*, Мінск.
- [Зямкевіч, Р.] Раман Суніца: 1923, 'Нацыянальнасьць у Вінцука Дуніна-Марцінкевіча (Матэрыялы да характарыстыкі творчасці)', *Заходняя Беларусь: Зборнік грамадзкае мыслі, навукі, літэратуры і мастацтва Заходняй Беларусі*, Вільня, 115-121.

Цитированные источники и литература

- Исаев, М.И.: 1991, Закон принят. Что дальше? *Русская речь*, № 1, 3-9.
- Итоги: 1973, *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов*, Москва.
- Итоги: 1989, *Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. Национальный состав населения СССР. Ч. 1. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку*. Кн. 3, Москва.
- [Каганец Карусь]: 1906, *Bielarúski lementár abo Piérszaja nawúka czytańnia*, Piécjarburh.
- [Каганец Карусь]: 1906 [а], *Беларуски лемэнтár або Пёршая навúка чытáння*. Пецярбург.
- Каганец, Карусь: [1909] 1996 'Прамова', *Наша Нiва*, № 51-52 (17.12) [По факсимильному изданию: *Наша Нiва. Першая беларуская газета з рысункамі*. Вып. 2, Мiнск, 752-753]
- [Канвiцкi, Т.:] 1994, 'У маix вачах Беларусь: З Тадэвушам Канвiцкiм гутарыць Тэрэза Занеўская', *Лiтаратура i мастацтва*, (22.07).
- Карский, Е.Ф.: 1922, *Белорусы. Т.3: Очерки словесности белорусского племени. Ч.3: Художественная литература на народном языке*, Петроград.
- Катанян, К.А., Сидорова, Л.Н.: 1990, 'Союзное законодательство о языке: замечания с комментариями', *Советское государство и право*, № 12, 19-23.
- Каўчук, А.: 1998, 'Носьбiты мовы супраць квазiбуржуазii', *Наша Нiва*, № 10.
- Кiсялёў, Г.В.: 1988, *Спасцiгаючы Дунiна-Марцiнкевiча: Спроба навуковай сiстэматызацыi дакументаў i матэрыялаў*, Мiнск.
- Кiсялёў, Г.В.: 1993, 'Даўняя загадка лiтаратуразнаўства (Праблема атрыбуцыi паэм *Энеiда навыварот i Тарас на Парнасе*)', Кiсялёў, Г.В. *Ад Чачота да Багушэвiча*, 340-377.
- Клiменценка, С.: 2000, 'Пяць хвiлiн «змагароў за народнае шчасце»', *Народная Воля* (10.10).
- Кнiга: 1986, *Кнiга Беларусi 1517-1917: Зводны каталог*, Мiнск.
- Коротеева, В.В., Мосесова, М.Н.: 1988, 'Проблема национальных языков и ее отражение в общественном сознании (По материалам писем читателей в центральные газеты)', *Советская этнография*, N 5, 4-14.
- Кримський, А.: 1929, 'Нарис iсторiї українського правопису до 1927 року', *Записки Iсторично-фiлологiчного вiддiлу ВУАН*, 1929, кн. 25, 175-186.
- Кротюк, Н.: 1990, 'Национальный язык и книга: Беспристрастно о книгоиздании на белорусском языке', *Книжное обозрение* (09.11).
- Крывiцкi, А.А.: 1994, 'Асноўны масiў беларускiх гаворак', *Беларуская мова: Энциклапедыя*, Пад рэд. А.Я. Мiхневiча, Мiнск, 54-59.
- Кузьмянкова, Т.В.: 1993, 'Функцыянараванне беларускай i рускай моў у сферы прамысловай вытворчасцi Беларусi', *Беларуская лiнгвiстыка*, вып. 41, 32-37.

Цитированные источники и литература

- Ластоўскі, В.: [1925] 1997, 'Аб назовах «Крывія» і «Беларусь», Ластоўскі, В. *Выбраныя творы*, Мінск, 372-385.
- [Ластоўскі] Власт: 1926-1927, 'Ўражанні з паездкі ў Беларускаю Радавую Соцыялістычную Рэспубліку', *Крывіч*, № 12 (ліпень 1926 - сакавік 1927), 78-97.
- Ленин, В.И.: 1982, *Полное собрание сочинений*, т. 48, Москва.
- Лойка, А.: 1993, 'Ці быў "залаты век" у гісторыі Беларускай дзяржавы?', *100 п'ятанняў і адказаў з гісторыі Беларусі* / Уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько, Мінск, 41-42.
- Лысенка, П., Полуян, У.: 1992, 'Пазіцыі і амбіцыі Міколы Шаляговіча і яго пап-лечнікаў: Аб нацыянальнай прыналежнасці насельніцтва Заходняга Палесся і пазіцыях кіраўнікоў аб'яднання «Полісьсе», *Народная газета* (08.07).
- Лыч, Л.М.: 1994, *Беларуская нацыя і мова: Літаратурна-гістарычныя артыкулы*, Мінск.
- Любецкий, П.: 1918, 'О белорусском литературном языке', *Чырвоны шлях*, № 7-8 (30.11), 13.
- Макарэвіч, В.: 2000, 'Лісты Пімена Панчанкі', *Літаратура і мастацтва*, (01.09).
- Малец, Я.: 2000, 'Чаму Беларус не можа развітацца з жабрацкай калітой?', *Народная воля* (13.10).
- Мальдзіс, А.І.: 1982, *Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя*, Мінск.
- Мальдзіс, А.І.: 1985, 'Ельскі Аляксандр Карлавіч', *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 тамах*, т. 2, Мінск, 416-417.
- Манаенкова, А.Ф.: 1992, *Русская диалектология*, Минск.
- Материалы: 1989, *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС (19-20 сентября)*, Москва.
- Мечковская, Н.Б.: 1989, 'Русскими словами а словенским языком (О языковом соз-нании Франциска Скорины)', *Russian Linguistics*, vol. 13, № 2, 245-256.
- Мечковская, Н.Б.: 1992, 'Статус и функции русского языка в последних советских законах о языке', *Russian Linguistics*, v. 16, 79-95.
- Мечковская, Н.Б.: 1994, 'Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии дву-язычия', *Russian Linguistics*, vol. 18, № 3, 299-322.
- Мечковская, Н.Б.: 1998, 'Зачем одному народу две азбуки? (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения)', *Slavia orientalis*, t. XLVII, № 2, 277-292.
- Мечковская Н.Б.: 1999, 'Национальное возрождение в Беларуси и Украине: соци-альные и лингвистические факторы сходств и различий', *Беларусістыка - Belarusistyka. Zeitschrift für aktuelle Fragen der weissrussischen Sprache*, Berlin, [1], 67-85.
- Мечковская, Н.Б.: 2002, 'Национально-культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этно-лингвонимами и топонимами)', *Встречи этнических культур в зеркале язы-ка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)*, Москва, 2002, 215-229.

- Мечковская, Н.Б.: 2002 [а], 'Язык в роли идеологии: национально-символические функции языка в белорусской языковой ситуации', *Möglichkeit und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart*, Hrsg. Karl Gutschmidt, Dresden, 123-141.
- Михальченко, В.Ю.: 1990, 'Языки народов СССР на современном этапе и правовое регулирование их функционирования', *Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны*, Москва, 32-47.
- Мошенская, Л.Г.: 1992, *Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имён существительных в русской речи белорусов* / Под ред. П.П. Шубы, Минск.
- Мячкоўская, Н.Б.: 1998, 'Сціплае абаянне акадэмізму: сацыялінгвістычныя матывы на старонках "Беларускай лінгвістыкі" (1986-1996)', *Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі*, Мінск, 73-77.
- Мячкоўская, Н.Б.: 2001, 'Сацыялінгвістычны погляд на чыннікі, тармазы і прыярытэты нацыянальнага адраджэння', *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"* (Мінск, 21-25 мая, 4-7 снежня 2000 г.), Мінск, 173-180.
- Мячкоўская, Н.Б., Мікалаенка, І.У.: 1993, 'Як пазбавіцца памылак ад «звышасцяронасці»?', *Адукацыя і выхаванне*, № 5, 56-62.
- Население, 2000: *Население Республики Беларусь: Итоги переписи населения Республики Беларусь*, Статистический сборник, Минск.
- Национально-языковые отношения: 1989, *Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы*, Москва.
- Национальный состав: 1991, *Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.*, Москва.
- Николайчук, В.: 1993, 'По указанию Москвы белорусы вспомнили о родном языке. Покаялись ... и вновь забыли', *Рэспубліка*, 16-19.
- Новыя кнігі: 1990-1993, *Новыя кнігі БССР, 1990, 6; Новыя кнігі БССР, 1991, 6; Новыя кнігі Беларусі, 1992, 6; Новыя кнігі Беларусі, 1993, 6.*
- Обсуждение: 1990, 'Обсуждение проблем национальных отношений', *Советское государство и право*, 1990, № 5, 142-145.
- [Огієнко, І.І.] Митрополит Іларіон: 1949, *Історія української літературної мови*. Вініпег.
- Основы: 1973, 'Основы Законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании', *Ведомости Верховного Совета СССР*, № 30, 460-481.
- Основы: 1987, *Основы законодательства Союза ССР и союзных республик*, Москва.
- Падлужны, А.І.: 1997, *Мова і грамадства*, Мінск.
- Пачынальнікі: 1977, *Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст.*, Укладальнік Г.В. Кісялёў. Рэд. В.В. Барысенка, А.І. Мальдзіс, Мінск.

Цитированные источники и литература

- Пічэта, У.І.: [1928] 1991, *Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым*, Мінск.
- Проблемы, 1982: *Проблемы двуязычия и многоязычия*, Москва.
- Прыказкі 1976: *Прыказкі і прымаўкі. У 2 кнігах*. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынבלата, рэдактар А.С. Фядосік, Мінск.
- Развитие, 1975: *Развитие национально-русского двуязычия*, Москва.
- Раннут, М.: 1989, *Закон о языке*, Таллинн.
- Русанівський В.М.: 2001, *Історія української літературної мови*, Київ.
- Русский язык, 1977: *Русский язык как средство межнационального общения*, Москва.
- Русский язык: 1985, *Русский язык в Белоруссии* / Под ред. А.Е. Михневича, Минск.
- Садоўскі, П.: 2001, 'Інавацыі 90-х гадоў у мове беларускіх недзяржаўных выданняў', *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"* (Мінск, 21-25 мая, 4-7 снежня 2000 г.), Мінск, 222-234.
- Сборник: 1862, *Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год*, Санктпетербург.
- Скарына: 1988, *Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік*, Мінск.
- ССРЛЯ: *Словарь современного русского литературного языка*, В 17 томах. Москва - Ленинград 1950-1965.
- Станкевіч, Я.: 1939, *Гісторыя беларускага языка*, Вільня.
- Статут: 1989, *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск.
- Стратий, Я.М., Литвинов, В.Д., Андрушко, В.А.: 1982, *Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии*, Киев.
- Сядзяка, А.: 2000, 'Родная мова - справа святая', *Народная Воля* (18.04).
- Тадэвосян, Э.В.: 1989, 'Что такое государственный язык?', *Политическое образование*, 1989, № 5, 17-19.
- Таммисту, К.И.: 1990, 'Перестройка межнациональных отношений и языковая политика', *Вопросы истории КПСС*, № 3, 88-101.
- Тарашкевіч, Б.: 1918, *Беларуская граматыка для школ* / Напісаў кандыдат філэлагіі Петрагр. Універ. Б. Тарашкевіч, Вільня.
- Тарашкевіч, Б.: 1929, *Беларуская граматыка для школ*. Выданне пятае, пераробленае і пашыранае, Вільня.
- Толковый словарь: 1998, *Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения*, Санкт-Петербург.
- Толстой, Н.И.: 1998, *Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация*, Москва.
- ТСБМ: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У пяці тамах [шасці кнігах]*, Мінск 1977-1984.

- Турунак, Ю.: 1993, *Беларусь пад нямецкай акупацыяй*, Мінск.
- Українська мова: 1999, *Українська мова* / Red. Svitlana Jermolenko, [серія] Najnowsze dzieje języków słowiańskich, Opole.
- Хрэстаматыя: 1962, *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы*. Частка другая, Мінск.
- Цыхун, Г.А.: 2000, 'Крэалізаваны прадукт: Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання', *Arche Скарына*, № 6, 51-58.
- Цыхун, Г. (рэд): 2000 [а], *Тэрміналагічныя слоўнікі (асобныя выданні) 1918-1998 гг.: Бібліяграфічны даведнік*, Мінск.
- Цьвікевіч, А.: 1929, «Западно-руссизм»: *Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.*, Менск [Факсімільнае перавыданне, Менск 1993].
- Чачот, Я. : 1996, *Выбраныя творы*, Мінск.
- Шавель, С.: 1996, «Сон разума» или поиск третьего пути?, *Свабода* (12.07).
- Шевельов, Ю.: 1998, *Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941): Стан і статус*, Чернівці.
- Шлюбскі, Ал.: 1928, 'Адносіны расійскага ўраду да беларускае мовы ў XIX ст.', *Запіскі аддзелу гуманітарных навук. 2. Працы клясы філ'ялогіі*, 1, Менск, 303-337.
- Шупа, С.: 2000, 'Складайма слоўнікі', *Наша Ніва* (07.02).
- Шупа, С., Паўлоўскі, С.: 2000, 'Словы, якія нам спадабаюцца', *Наша Ніва*, (24.04).
- Эк, А.: 1989, 'О порядке установления требований владения государственным языком', *Советская Эстония* (20.04).
- Ядвігін Ш.: [1910] 1999, 'В. Марцінкевіч у практычным жыцці', *Наша Ніва*, 1910, № 48 (25.11) [По факсимильному изданию: *Наша Ніва. Першая беларуская газета з рысункамі*. Вып. 3, Мінск, 734-736].
- Янушкевіч, Я: 1982, 'Арыгінал Пінскай шляхты', *Літаратура і мастацтва*, (30.07).
- Янушкевіч, Я.Я.: 1991, *Беларускі дудар: Праблема славянскіх традыцый і ўплываў у творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча*, Мінск.
- Ясеновіч, С. [Палуян]: [1910] 1999, 'Беларуская літэратура у 1909 гаду', *Наша Ніва*, 1910, № 7 (11.02) [По факсимильному изданию: *Наша Ніва. Першая беларуская газета з рысункамі*. Вып. 3, Мінск, 108-110].
- Bieder, H.: 1991, 'Die Erste und Zweite Wiedergeburt der weissrussischen Sprache und Kultur', Bieder, U., Woldan, A. (Hrsg.): *Georg Mayer zum 60. Geburtstag*, München, 405-451.
- Bieder, H.: 1992, Die gegenwertige sprach- und kulturpolitische Entwicklung in Weissrussland, *Die Welt der Slaven*, Jahrgang XXXVII, N.F. XVI, 142-168.
- Bieder, H.: 1996, 'Tendencje rozwojowe norm białorskiego języka literackiego: rusyfikacja, polonizacja czy białorutenizacja?', *Acta Polonica-Ruthenica*, № 1, 301-308.

- Bieder, H.: 1998, 'Grundprobleme der frühen ukrainistischen Sprachwissenschaft in Galizien (1772-1849)', *ΠΡΟΣΦΩΝΗΜΑ. Историчні та філологічні розвідки, присвячені 60-річчю академіка Ярослава Ісаєвича*, У Львові, 103-115.
- Conquest, R. (Ed.): 1986, *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future*, Stanford, California.
- Dingley, J.: 1989, 'Ukrainian and Belorussian - a testing ground', *Language Planning in the Soviet Union* / Ed. by M. Kirkwood, London, 174-189.
- Frick, D.A.: 1995, *Meletij Smotryckij*, Cabridge, Massachusetts.
- Giller, A.: 1867, *Historja powstania narodu Polskiego w 1861-1864 r.* T. 1. Drugie wyd., Paryż, 326-327, 335.
- Goląbek, J.: 1932, *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz, poeta polsko-białoruski*, Wilno.
- Hur, Seung-Chul: 1988, *Language Shift and Bilingualism in the Soviet Union: Language Aspects of Ethnic Relations*, Ann Arbor.
- Letter: 1979, *Letter to a Russian Friend. A 'Samizdat' Publication from Soviet Byelorussia*, London [на русском и английском языках].
- Lewis, E.G.: 1972, *Multilingualism in the Soviet Union: Aspects of Language Policy and its Implementation*, The Hague-Paris.
- Mayo, P.J.: 1982, 'The Byelorussian Language: its Rise and Fall and Rise ...', *Papers in Slavonic Linguistics*, 1 / Eds. F.E. Knowles, J.I. Press, Birmingham, 163-184.
- McMillin, A.: 1999, *Belarusian Literature in the 1950s and 1960s: Release and Renewal*, Köln, Weimar, Wien, Böhlau (=Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reiche A, Slavistische Forschungen, N.F., Bd. 28).
- Motyl, A.J.: 1987, *Will the Non-Russian Rebel? State, Ethnicity and Stability in the USSR*, Ithaca & London.
- Picchio, R.: 1980, 'Church Slavonic', *The Slavic literary languages*, New Haven, 1-33.
- Solchanyk R.: 1985, 'Language Politics in the Ukraine', *Sociolinguistic Perspectives in Soviet National Languages. Their Past, Present and Future* / Ed. by I.T. Kreindler, Berlin - New York - Amsterdam, 57-105.
- Turonek, J.: 1986, 'Geneza i autorstwo pierwszego elementarza białoruskiego', *Slavia orientalis*, t. 35, № 3, 347-358.
- Wexler, P.: 1985, 'Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890-1982', *Sociolinguistic Perspectives in Soviet National Languages. Their Past, Present and Future* / Ed. by I.T. Kreindler, Berlin - New York - Amsterdam, 37-56.
- Wexler, P.: 1992, 'Diglossia et schizoglossia perpetua - the fate of the Belorussian language', *Sociolinguistica. International Yearbook of European Sociolinguistics. 6. The Rise of National Languages in Eastern Europe*, Tübingen, P. 42-51.

Именной указатель

Аванесов, Р.И. 80, 144
Адамович, А.М. 28-29, 117
Аксамітаў, А.С. 108, 116, 144
Аксючиц, В. 28
Александр III 112
Александровіч, С.Х. 56-57, 144
Алексиевич, С.А. 29, 117-118
Алкнис, В. 10
Алфёров, Ж.И. 28
Андрей Чохов 28
Андрушко, В.А. 75, 149
Асипавичова, К. 95
Атраховіч (Крапіва), К.К. 107, 144

Бабкоў, Ігар 132, 144
Багдановіч, М. А. 60, 78, 122
Багушэвіч, Фр. К. 25, 54, 55, 81
Байкоў, М.(Н.) Я. 134, 144
Бартосік, Зьм. (Дм.) 90-91, 144
Баршчэўски Ян 66
Барысенка В.В. 148
Белов, Вас. 109
Бембель, Алег 35, 144
Берия, Л.П. 26
Бобровский, Мих. К. 77
Бодуэн де Куртенэ, И.А. 34, 144
Бродский, И.А. 141
Будны, Сымон 23, 122
Бузук, Пётр А. 112
Буйко, Т. 41
Булаховский, Л.А. 48, 112
Булгакаў, Вал. 140, 144,
Булгарин, Ф.В. 28
Булыка, А.М. 20, 144
Быкаў, Вас.У.(В.) 2, 29, 44, 92, 117,
 132, 144
Бяляцкі, Алесь 120

Василевич, Алена 107

Веренич, Вяч.Л. 31
Владимир, киевский князь 75
Вольский, Арк. Ив. 28
Высоцкий, В.С. 90

Гаватович, Якуб 81
Гаятовский, Иоанникий 23, 24
Гарэцкі, Максім Ів. 78, 98, 112, 145
Германовіч, І.К. 40, 59, 145
Гібок-Гібкоўскі, Алесь 90
Глинка, М.И. 28
Глинка, С.Н. 28
Глинка, Ф.Н. 28
Головацкий, Яков Ф. 73
Гриб, Мечислав І. 140
Громыко, А.А. 28
Грушевский, Мих. С. 73, 75, 112,
 115
Грынблат, М.Я. 149
Гус, Ян 48, 59,
Гучок, Яўген 42

Давидович, С. 37
Далідовіч, Генрых 42
Даль, В.И. 110, 145
Дашук, Виктор 136
Дзержинский, Ф.Э. 119
Дзюба, Иван 70, 91, 92, 145
Дымов, Марат см. Дракахруст, Ю.
Достоевский, Ф.М. 28
Доўнар-Запольский, М.В. 97-99, 112
Драгоманов, Мих. П. 112
Дракахруст, Юры 127
Дрозд, С. 36, 145
Дубавец, Сергей 36, 114, 145
Дунін-Марцінкевіч, В.І. VI, 25, 53-
 54, 56, 65, 81, 93-106, 145, 149
Дурденевский, В.Н. 3, 145
Дынько, Андрэй 84-85, 145

- Екатерина II 76, 113
 Ельски, Ал.К. 93-99,
- Ж**
 Зданов, А.А. 119-120
 Житецкий, П. И. (Г.) 112
 Жураўскі, А.І. 24, 131, 145
 Журнаяк, Устинья 125
 Жылуновіч, Зм. Хв. (Д.Ф.) 112, 119-120
- З**
 Залозка, Юрась 87, 135, 145
 Замотин, И.И. 95
 Зизаний, Лаврентий 75
 Зямкевіч, Рамуальд 98, 145
- И**
 Иван Федоров 28
 Игнатоўскі, Ус.(Вс.)М. 112
 Исаев, М.И. 8, 146
- К**
 Каганец, Карусь 51, 59-60, 77, 146
 Калиновский, Кастусь (В.К.) С. 25, 54, 59, 81
 Камю А. 117
 Канвіцкі, Тадэвуш 87, 146
 Канизий, Петр 23
 Карл XII 75
 Карлович, Ян 93, 95-96, 99
 Карский, Е.Ф. 84, 96-97, 112, 146
 Катанян, К.А. 8, 146
 Каўчук, Андрэй 90-91, 146
 Кафка Й. 117
 Кебич, Вяч. Фр. 126, 140
 Кин-Каминский 32
 Кирилл Туровский 122
 Кісялёў, Г.В. 95-96, 99, 146, 148
 Кліменценка, С. 137-138, 146
 Кобылянская, О.Ю. 85
 Ковалевская, С.В. 28
 Колас Якуб (К.М.) 112, 122
 Коротеева, В.В. 8, 35, 146
 Костомаров Н.И. 112
 Костюшко, Тадеуш 29
 Котляревский И.П. 65
 Краўчанка, Пётр К. 90
 Кримський, А.Е. 81, 112, 146
- Кротюк, Н. 33, 146
 Крывіцкі, А.А. 83, 146
 Крымский, А.Е. см. Кримський
 Кузьмянкова, Т.В. 87, 146
 Кулиш, Пантелеймон Ал. 53, 56, 66,
 Купала, Янка (І.Д.) 77, 96, 101, 112,
 122, 137
 Кучма, Л.Д. 126
- Л**
 Ластоўскі Вашлаў Ю. 50, 60, 69, 77,
 78, 82, 147
 Левицкий, М. 86
 Ленин, В.И. 5, 147
 Леонюк, Владимир 84
 Лёсік, Язэп (І.) Ю. 56, 61, 97-98, 112
 Литвинов, В.Д. 75, 149
 Лойка, Алег А. 90, 144, 147
 Лукашенко А.Г. IV, 126-127, 139-140
 Луцкевич, Антон И. 112
 Лысенко, П. 36, 147
 Лыч, Леанід М. 90, 147
 Любецкий, Павел 54, 147
 Лявицки, Антон см. Ядвігін Ш.
- М**
 Мазепа, Иван 75
 Мазуров, К.Т. 26
 Макарэвіч, В. 26, 147
 Мак-Миллин см. McMillin, A.B.
 Максимович, Мих. А. 53, 66, 115
 Малец, Я. 128, 147
 Мальдзіс, Адам І. 24-25, 94, 117,
 147-148
 Манаенкова, А.Ф. 40, 147
 Мартынов, В.В. 121
 Матуковский, Н.Е. (М.Я.) 43
 Мечковская (Мячкоўская), Н.Б. 35,
 41, 49, 70, 112, 121, 136, 147-148
 Мікалаенка, І.У. 41, 148
 Михальченко, В.Ю. 8, 148
 Михальчук, К.П. 84
 Михневич, А.Е. 40, 145-146, 149
 Мицкевич, Адам 29, 56, 94,
 Молотов, В.М. 74
 Монюшко, Станислав 29
 Мосесова, М.Н. 8, 35, 146
 Мощенская, Л.Г. 39, 148

- Навумчык, Сяргей 90
 Насович, И.И. 112
 Некрашэвіч, С.М. 134, 144
 Николай I 76
 Николайчук, В. 26, 148
 Никольский, Ник. Мих. 112
- О**
 Огіенко, І.І. (митрополит Іларіон)
 66, 73, 81, 112, 148
 Олеша, Ю.К. 28
- П**
 Павловский, Алексей 66
 Падлужны, А.І. 127, 148
 Пазыняк, Зянон 41-42, 126, 127
 Панчанка (Панченко), Пімен Е. 26,
 147
 Паўлоўскі, Сяргей 135, 150
 Паўлюкавец, А. 117
 Петр I 25, 49, 75,
 Пилсудский, Юзеф 29
 Писарев, Д.И. 28
 Пічэта, У.(В.) І. 28, 69, 149
 Полуян, У. 36, 147
 Потєбня, А.А. 21, 112
 Пржевальский, Н.М. 28
 Прокопович, Феофан 75
 Путин, В.В. 140
 Пушкин, А.С. 122
 Пяцюкевич, Мар'ян 69-70
- Р**
 Рагойша, В.П. 144
 Раманаў Е.Р. 112
 Раннут, М. 9, 149
 Распутин, Валентин 109
 Риббентроп, И. 74
 Русанівський, В.М. 85, 149
- С**
 Саверчанка, І.В. 147
 Садоўскі, П. Ф. 132, 149
 Санько, Зм. 147
 Сидорова, Л.Н. 8, 146
 Симеон Полоцкий 28, 122
- Скарына (Скорина), Францыск 49,
 75, 114, 149
 Сковорода, Григорий 24, 65
 Смотрицкий, Мелетий 23-24, 76
 Солженицын, А.И. 29
 Сталин, И.В. 26
 Станкевіч, Ян 77-78, 149
 Статкевіч, Мікалай 137
 Степан Полубес 28
 Стефаник, В. С. 85
 Столыпин, П.А. 109
 Стравинский, И.Ф. 28
 Стражев, В.И. 117
 Стратий, Я.М. 75, 149
 Строев, Е.С. 115
 Сядзяка, А. 128, 149
- Т**
 Тадевосян, Э.В. 8, 149
 Таммисту, К.И. 8, 12, 149
 Тарашкевіч, Браніслаў А. 61-62, 82,
 112, 131-132, 149
 Тарковский, А.А. 90
 Толстой, Л.Н. 122
 Толстой, Н.И. 84, 149
 Томсон, Ф. 76
 Трубачев, О.Н. 7
 Трусаў, Алег А. 90, 137
 Тургенев, И.С. 41
 Туронак, Юры см. Туронек, Ј.
 Турчиновский, Илья 25
 Тяпинский, Василий 23
- У**
 Украинка, Леся 75
- Ф**
 Фаддеев, А. 140
 Фасмер, М. 78
 Фрайдхоф, Г. IV
 Франко, Иван Я. 85
 Фурцева, Е.А. 26
 Фядосік, А.С. 149
- Х**
 Ходкевич, Григорий 23
 Хрущев, Н.С. 26

Цішка Гартны см. Жылуновіч
 Цыхун, Г.А. 40, 69, 150
 Цвікевіч, Аляксандр І. 134, 150

Чачот, Ян 52-53, 66-67, 77, 150
 Чехов, А.П. 110
 Чорны, Кузьма 122

Шавель, С. 89, 150
 Шакун, Л.М. 121
 Шалягович, М.(Н.) 84, 147
 Шаумян С.Г. 5
 Шевельов, Юрій 73, 85-86, 150
 Шевченко, Тарас Гр. 53, 66, 75, 85
 Шейман, В. 84
 Шкляревский, Игорь 28
 Шлюбскі, А. 25, 150
 Шніп, Віктар 139
 Шостакович, Д.Д. 28
 Шпак, Г. 28
 Шуба, П.П. 40, 145, 148
 Шупа, С. 135, 150
 Шушкевич, С.С. 37, 42-43, 126,

Щерба, Л.В. 28

Эпимах-Шипила, Б.И. 97, 101, 112
 Эск, А. 18, 150

Ядвігін Ш. 53-54, 96, 150
 Янушкевіч, Я.Я. 93, 96, 99, 101, 150
 Ярослав Мудрый 75
 Ярошенко, В. 141
 Ясеновіч (Палуян), С. 60, 150
 Яхнов, Х. IV

Bieder, H. 44, 81, 134, 144, 150-151
 Conquest, R. 44, 151
 Dingley, J. 39, 151
 Frick, D.A. 76, 151
 Giller, A. 54, 151
 Gołabek, J. 97, 102, 151
 Hur, Seung-Chul 44, 151
 Jermolenko, S. 150
 Koester-Thoma, S. 63
 Korzeniowski 93
 Kraszewski 93
 Lewis, E.G. 44, 89, 117, 151
 Łozyński, J. 81
 Mayo, P.J. 44, 151
 McMillin, A.B. 107, 109-110, 151
 Motyl, A.J. 34, 44, 151
 Picchio, R. 48, 151
 Pieńkiewicz, A. 51
 Solchanyk, R. 44, 151
 Turonek, J. 54, 58, 59, 69, 150-151
 Wexler, P. 38, 44, 88, 123, 151
 Wiszniewski 93

Указатель таблиц*

1.	Черты содержания или предметы решений в советских законах о языке 1989-1990 гг.	11
2.a	Количественное соотношение групп населения (некоторых нерусских народов СССР), назвавших в качестве своего родного языка: а) язык своей национальности; б) русский язык	30
2.b	Численный рост групп населения БССР, считающих русский язык своим родным или вторым языком	30
2.c	Национальный состав населения БССР по переписи 1989 г.; численность и процент лиц (разных национальностей), считающих белорусский или русский языки своим родным или вторым языком	31
2.d	Динамика количества книг, изданных в Беларуси на белорусском и русском языках в начале 1990-х гг.	33
3.a	Языки и графика белорусских изданий в 1801-1905 и 1906-1917 гг... ..	50
3.b	Языки и графика белорусских книг и периодических изданий в 1801-1917 гг.; параллельные издания на двух алфавитах 1906-1917 гг.	51
4.a	Количество межъязыковых различий, приходящихся на 100 словоформ эквивалентного текста (на украинском, белорусском и русском языках)	79
4.b	Удельный вес обучения на украинском языке в детских садах, средних школах и вузах Украины в 1996 уч.г.	86
4.c	Наращение языковой ассимиляции белорусов в БССР в 1970-1989 гг.	88
4.d	Отношение граждан Беларуси к объединению с Россией в 1996 г.	89
6.a	Результаты социологического опроса граждан России и Беларуси "Общественное мнение о союзном государстве России и Беларуси" (2002 г.)	116
6.b	Динамика сохранения белорусского этнического и языкового самоопределения (по данным переписей населения)	123
7.a	Рост количества журналов на белорусском и русском языках, изданных в Беларуси за 1990-1998 гг.	129
7.b	Соотношение книг на белорусском и русском языках в продукции государственных и частных издательств Беларуси в 1999 г.	130
7.c	<i>Наркомаўка</i> и <i>тарашкевіца</i> в белорусских топонимах и этнонимах (на фоне русских, польских и украинских соответствий)	135

* Цифра в номере таблицы соответствует номеру статьи по оглавлению книги.